

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Рязанский государственный
университет имени С. А. Есенина»

На правах рукописи

Сафонова Ольга Евгеньевна

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЯЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Страхов В. В.

Рязань–2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Предпосылки и условия образования общественных неполитических организаций на рубеже XIX-XX вв., их правовой статус и внутреннее устройство	
1.1. Рязанское общество в эпоху модернизации и основные тенденции развития организованной общественной инициативы в губернии.....	23
1.2. Эволюция правовой основы института общественных объединений, их взаимоотношения с органами местной власти.....	39
1.3. Организационная структура, принципы функционирования и состав участников добровольных организаций.....	75
Глава 2. Участие легальных общественных объединений Рязанской губернии в организации социальной защиты населения и обеспечении безопасности рязанцев при чрезвычайных ситуациях	
2.1. Рязанские благотворительные и попечительские общества.....	97
2.2. Общества профессиональной взаимопомощи и добровольные объединения по защите населения губернии при чрезвычайных ситуациях.....	146
Глава 3. Деятельность рязанских общественных объединений в области просвещения, искусства и культуры досуга	
3.1. Просветительные, научные и здравоохранительные общества Рязанской губернии.....	171
3.2. Добровольные объединения жителей Рязанской губернии в сфере искусства, культуры и досуга.....	208
Заключение.....	237
Примечания.....	245
Список источников и литературы.....	304
Приложение.....	330

Введение

Актуальность темы исследования. На рубеже XIX–XX вв. Российская империя переживала сложные и весьма неравномерные (по масштабам и темпам) изменения во всех сферах жизни населения — экономике, политике, культуре, системе общественных отношений. Эти процессы знаменовали собой начало модернизации — перехода от традиционного общества к современному. В политической сфере модернизация была связана с преобразованиями «сверху» — реформами С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, либерализацией режима (особенно в начале XX века). В экономической сфере она означала индустриализацию, повышение технологичности производства, развитие кредитных учреждений и кооперативного движения, приток в российский бизнес иностранного капитала. Результатом обновления социокультурной области явилось размывание сословий, секуляризация образования, повышение уровня грамотности населения, усиление профессиональной специализации, женская эмансипация. Одним из элементов модернизации общественно-правовой системы и свидетельством становления гражданского общества стали добровольные неполитические объединения (общества, кружки, союзы), в большом количестве появившиеся в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Они представляли собой самоуправляющиеся организации, участники которых (в основном представители интеллигенции) стремились посредством легальной работы достичь определенных целей в той или иной сфере жизни общества. Процесс формирования самодетельных обществ (с некоторыми региональными особенностями) активно происходил в указанный исторический период и в Рязанской губернии.

В настоящее время в связи с реформированием российского общества проблема модернизации (чаще в более широком значении — как обновление, усовершенствование, внедрение нового вообще), равно как и тема общественных объединений, становятся все более популярными. Определенные параллели в развитии страны на двух этапах – начало XX и начало XXI века, заставляют активно обсуждать данные вопросы (как в историческом, так и в современном

контексте) на научных форумах, конференциях, съездах политических и общественных деятелей. Отдельное внимание уделяется юридической основе возникновения и функционирования общественных объединений, их правовому статусу. В свете этого изучение опыта деятельности дореволюционных добровольных обществ, анализ методов и форм работы, выявление их места и роли в общественно-политической системе государства, определение их значения для развития культуры страны (и провинции, в частности) представляется особенно актуальным и перспективным. Вместе с тем анализ подобного исторического прецедента позволяет организованной общественности и государственным органам власти консолидировать усилия и выработать наиболее эффективный механизм осуществления социокультурной деятельности на современном этапе.

Однако в отечественной исторической науке разработка темы дореволюционных самодеятельных организаций (особенно региональных) до сих пор остается недостаточно высокой. Дефицит фундаментальных трудов общего характера и преобладание научных исследований по отдельным узким аспектам темы, значительная тенденциозность и односторонность работ советского периода — все это заставляет в настоящее время вновь обратиться к рассмотрению проблемы развития независимой общественной инициативы. Комплексное и системное изучение истории рязанских неполитических объединений позволит значительно расширить представление о масштабах, особенностях и динамике общественной самодеятельности в России и ее регионах в конце XIX – начале XX в., а также ввести в научный оборот новый фактический материал.

Объектом исследования являются легальные неполитические общественные организации на территории Рязанской губернии в конце XIX – начале XX века.

Предметом исследования стал генезис региональных неполитических организаций, их правовое положение, внутреннее устройство и участие в общественной жизни Рязанской губернии в период с конца XIX в. до 1914 года.

К данным общественным организациям автор относит созданные на добровольной основе, оформленные в соответствии с законодательством, самоуправляющиеся объединения лиц, стремящихся к достижению определенных целей некоммерческого характера.

Следует также отметить, что в конце XIX – начале XX в. терминология в сфере легальных общественных организаций включала такие обозначения как «общества», «общества частной инициативы», «союзы», «ассоциации». Более мелкие объединения назывались «кружками».

В соответствии с целевым назначением, добровольные объединения можно условно разделить на следующие виды: просветительные, благотворительно-попечительские, научные, общества в сфере искусства и культуры досуга, здравоохранительные и общества профессиональной взаимопомощи.

Хронологически исследование охватывает период с 80–90-х гг. XIX в. до 1914 г. — время, связанное с модернизацией во всех сферах жизни российского общества: политике, экономике, культуре, социальной структуре. Первые официально оформленные общественные организации появляются в Рязанской губернии в 60-е годы XIX в. Однако особенно интенсивно этот процесс идет в конце XIX в., когда правительство приступает к разработке общего закона об обществах и вводит так называемые «нормальные уставы» для различных типов добровольных объединений. Данное обстоятельство сыграло определяющую роль в выборе начальной границы исследования. Конечная дата обусловлена вступлением России в Первую мировую войну (1914 г.) и началом нового этапа в истории российского общества и государства. В отдельных случаях специфика материала заставляет автора выходить за указанные рамки в целях сохранения логики исследования.

Территориальные рамки совпадают с историческими границами Рязанской губернии — типичной земледельческой провинции, включавшей до революции 12 уездов, три из которых в настоящее время относятся к Московской и Липецкой областям.

Степень изученности темы. В изучении деятельности отечественных общественных организаций можно выделить три периода: дореволюционный — до 1917 г., советский — с 1917-го до начала 1990-х гг. и российский — с начала 1990-х гг. по настоящее время.

На первом этапе историографии преобладают работы по административному праву, посвященные юридической регламентации возникновения и деятельности неполитических общественных объединений, определению нового (для эпохи) законодательного понятия — добровольного легального частного общества и союза. К ним относятся труды И. Е. Андреевского, К. Г. фон Плато, В. И. Чарнолуского, К. Ильинского, Н. П. Ануфриева [1], в которых содержатся справочные сведения об обществах и союзах, даются пояснения к законам, приводятся образцы уставов, излагается алгоритм учреждения общественных организаций.

Наиболее подробный обзор (исторический и понятийно-терминологический) в этот период дает энциклопедический словарь под редакцией Брокгауза и Ефрона, включающий обширную информацию по данной теме в статье «Общества» [2]. Здесь же представлена классификация общественных объединений и история зарубежных обществ.

Среди дореволюционных работ встречаются также исследования общего характера по определенным типам общественных объединений или отдельным вопросам их деятельности. Интерес в этой связи представляют: обзор В. С. Иконникова [3] деятельности первых губернских ученых архивных комиссий (Орловской, Тамбовской, Рязанской, Тверской, Нижегородской) на начальном этапе их существования; работа И. Нейдинга [4] о медицинских (научных и филантропических) обществах в России со сводными данными о количестве членов, основных направлениях деятельности, заведениях, издании научных трудов.

Отдельное место занимают труды известного апологета идеи повсеместного распространения народных домов профессора В. Я. Данилевского [5], говорившего об устройстве разумных народных развлечений как о «насущной

потребности» и «прямой неотложной обязанности и общества и государства» [6]. Однако указанные издания содержат в основном пропаганду и пожелания автора, а не анализ практического опыта этих заведений.

Выходят в свет отчетные и юбилейные издания самих объединений, представлявшие собой летопись деятельности последних на определенном временном отрезке. К ним относится работа А. И. Пузыревского к 50-летию Императорского русского музыкального общества [7], исторический очерк К. Диксона и Б. Кетрица о полувековой деятельности Санкт-Петербургского комитета грамотности [8]. Характер трудов — дескриптивный, со множеством фактов и цифр.

В это же время публикуются работы, освещающие различные области приложения усилий организованной общественности. Ценные сведения содержат исследования Е. Д. Максимова, посвященные функционированию благотворительных учреждений особых ведомств [9] и развитию отечественной благотворительности в целом [10]. Обширный материал (в историческом и современном эпохе ракурсах) по общественному и частному призрению представлен в сборнике Главного Управления по делам местного хозяйства МВД, статьи которого были подготовлены известными общественными и научными деятелями [11]. Деятельность добровольных объединений в области образования и просвещения рассматривается в работах В. П. Вахтерова [12], В. И. Чарнолуского [13]. Однако и в этих работах фактология и статистические выкладки преобладают над теоретическим осмыслением, что, вероятно, в некоторой степени было обусловлено сравнительно недолгой историей самого института общественных организаций в России.

Особое внимание в дореволюционной историографии отводится профессиональному движению и профессиональным объединениям. Это нашло отражение в труде В. Гриневича [14], где, в частности, автором анализируется и подвергается критике закон об обществах и союзах от 4 марта 1906 г., а его единственной положительной стороной признается «возможность для союзов существовать открыто» [15]. Тема объединений по профессиям раскрывается

также в сборнике статей «Профессиональные учительские организации на Западе и в России» [16], авторы которого указывают на большой социальный охват западных педагогических объединений и их влияние на общественность.

Немалый интерес у дореволюционных исследователей вызывала также общественная деятельность земцев, многие из которых становились инициаторами создания и участниками неполитических добровольных объединений. Обширный труд Б. Веселовского по истории земства в общероссийском масштабе дает представление о главных направлениях работы земских служащих — в области медицины, общественного призрения, народного образования [17].

Критика жесткой губернаторской политики по отношению к земству и к общественным организациям прослеживается в работе представителя либерального направления И. Блинова «Губернаторы. Историко-юридический очерк» [18], а сам стиль руководства начальников губернии во многих случаях характеризуется автором как произвол.

В 20-е гг. XX века появляются труды исследователей, рассматривающие отдельные аспекты функционирования дореволюционных общественных объединений с новых идеологических позиций. Одним из первых советских трудов по данной теме стал очерк А. И. Елистратова [19], в котором предпринята попытка оценить особенности правой регламентации деятельности союзов и собраний, приводятся примеры из исторического опыта разных стран.

На протяжении последующего полувекового периода историографии в рамках темы общественных организаций издаются работы узкой направленности, посвященные отдельным обществам или группам обществ [20]. Исследования носят отраслевой характер и далеки от формирования целостного и объективного представления о специфике развития общественной инициативы в конце XIX—начале XX в. Отдельные сюжеты темы затрагиваются в рамках изучения дореволюционной интеллигенции [21]. Акцент постепенно смещается в сторону исследования деятельности профессиональных союзов и рассмотрения противостояния между основными классами капиталистического общества, тогда

как дореволюционные легальные объединения надолго оказываются вне поля зрения историков.

В то же время с 70-х гг. XX века возрастает интерес ученых к деятельности советских общественных организаций, начальная история которых во многих случаях уходила корнями в дореволюционный период. Появляются обобщающие работы по истории общественного (либерального, земского) движения, развитию политической мысли, закономерностям возникновения общественных объединений [22]. Ц. А. Ямпольская в статье «О понятии общественной организации в СССР» [23] (в рамках политико-правового сборника, посвященного теоретическим вопросам истории общественных объединений) дает определение добровольной советской организации, выделяет ее основные черты и указывает на ее отличия от государственных органов.

Другой историографический пласт — работы советских авторов: В. А. Дьякова [24], И. Т. Довженко [25], Н. Г. Филиппова [26], освещающие отдельные типы объединений. В исследовании А. В. Ушакова анализируются обширные данные исторических источников по истории дореволюционных союзов (в том числе нелегальных) учителей, художников, юристов, врачей, ученых; в целом объективно оценивается их характер и общественное значение [27].

В 70-80-е гг. XX века выходят в свет труды (включая диссертацию) ведущего специалиста по истории дореволюционных общественных организаций А. Д. Степанского [28]. Его главная заслуга заключалась в том, что основываясь на комплексном подходе и анализе обширного массива различных по своему характеру новых исторических источников, он глубоко разработал широкий спектр узловых вопросов темы (определение и специфические черты генезиса общественных организаций, классификация добровольных объединений, особенности трансформации нормативно-правовой основы их деятельности и т. д.). Несмотря на идеологическую заданность, многие положения и выводы данных исследований сохраняют свою высокую научную значимость и сегодня. Однако основное внимание автора было сосредоточено на общественных

организациях столиц и крупных городов, что не позволило рассмотреть хотя бы в общих чертах деятельность провинциальных общественных объединений.

Во второй половине 80-х — начале 90-х гг. в связи с постепенным, а затем радикальным изменением политического курса («перестроечная» эпоха и распад СССР) замечается новый рост интереса историков к проблеме организованной общественности. Но работ общероссийского масштаба почти нет. Среди наиболее ценных исследований по теме в этот период можно выделить работу М. В. Михайловой о дореволюционных просветительных и филантропических организациях в сфере образования, действовавших в столице и провинциальных городах, а также на национальных окраинах [29].

Основной тенденцией в этот период становится отраслевая специализация исследований, наблюдающаяся в работах О. Г. Ласунского, В. П. Макарихина, М. П. Мохначевой [30]. Отдельное внимание уделяется рассмотрению взаимоотношений государства и общественных организаций [31], а также анализу политики местных органов власти во главе с губернаторами и влияния последних на дореволюционное провинциальное общество [32].

Участие земцев в общественном движении и общественных организациях исследует в своей работе Н. М. Пирумова [33]. Отводя земской интеллигенции ведущую роль в просвещении народа, автор указывает на ее высокий профессиональный уровень и называет «организованным и наиболее значительным отрядом провинциальной интеллигенции» [34].

В это же период интерес к теме российской дореволюционной общественности начинают проявлять зарубежные авторы [35]. Излишне упрощенный взгляд М. Раева на отношения российского общества (в лице радикальной интеллигенции) и самодержавия выражается в резком противопоставлении этих двух полюсов друг другу, тезисе об их прямой мировоззренческой противоположности, что, по мнению автора, становится главной причиной социальных катаклизмов и революции 1917 г. Одновременно исследователем подчеркивается прогрессивная роль Запада, его «учительская» миссия в вопросе о добровольных ассоциациях и построении гражданского

общества в целом. А. Линденмайер также возлагает на российское самодержавие вину за чрезмерное ограничение свободы общественной самодеятельности, но в то же время учитывает национальные особенности граждан, своеобразие эволюции российского общества.

С 1990-х – 2000-х гг. на первый план в отечественной историографии выходит региональный аспект. Появляются научные труды о деятельности общественных организаций конца XIX – начала XX века, построенные на материалах отдельных территориально-административных образований России [36]. С течением времени количество таких исследований растет в геометрической прогрессии.

Объектом пристального внимания становятся попечительно-филантропическая деятельность общественных организаций [37], научная и просветительная работа [38], а также различные вопросы культурного развития российского столичного и провинциального социума [39].

Последнее направление становится все более популярным как среди ученых-историков, так и представителей других гуманитарных специальностей. Об этом свидетельствует монография журналиста А. Митрофанова о повседневной жизни российской провинции в пореформенный период [40], в которой автор (с опорой на газетный материал, мемуары, полицейские отчеты, художественные произведения) совмещает литературный и исторический подходы. Несмотря на свободный стиль повествования, работа дает разностороннее представление о быте и нравах жителей русского провинциального города конца XIX – начала XX века, обращая отдельное внимание на деятельность городских общественных объединений — благотворительных, творческих, здравоохранительных и т. д.

Интересный материал по истории благотворительности в России (с древнейших времен до настоящего дня) содержится в учебном пособии Т. Б. Кононовой [41]. Особая ценность издания заключается в использовании автором лекций профессора Московского университета В. И. Герье, а также уникальных архивных и биографических материалов.

Отдельно среди исследований данного периода следует выделить шеститомное фундаментальное научное издание «Очерки русской культуры XIX века» [42], многие главы которого в той или иной степени касаются деятельности центральных и региональных объединений XIX столетия: научных, технических, благотворительных, творческих и т. д. [43] Впоследствии данная серия была дополнена еще двумя книгами [44]. Важным отличием является использование авторами интеграционного подхода к изучению проблемы, позволяющего создать целостную картину культурного развития России без чрезмерной специализации и дифференциации исследований.

Обширную группу исследований (включая материалы научных конференций) составляют также работы по смежным (и контекстным) с вопросом об общественных организациях темам: генезису гражданского общества и развитию либерального движения в России [45], а также государственно-правовой и социальной модернизации [46].

Особое место в современной историографии занимают многочисленные статьи и монографии историка и юриста А. С. Тумановой [47], на сегодняшний день одного из ведущих специалистов по проблематике дореволюционных общественных объединений России.

А. С. Туманова, являясь во многом преемником и продолжателем научных изысканий А. Д. Степанского, в отличие от последнего огромное внимание уделяет анализу развития добровольной инициативы в российской провинции (отправной точкой изучения историка в свое время стала Тамбовская губерния), подчеркивает отличительные особенности процесса самоорганизации в столичных городах и на периферии. Другим предметом научного интереса А. С. Тумановой является правовая основа существования добровольных общественных объединений, их взаимодействие с органами власти (центральной и местной).

Специфику научного подхода А. С. Тумановой наиболее отчетливо можно проследить в книге «Общественные организации и русская публика в начале XX века» [48], в которой обобщены предыдущие исследования А. С. Тумановой по

истории дореволюционных общественных организаций. В монографии представлена классификация общественных организаций (по функциональной направленности), дана характеристика их деятельности, показано влияние на самосознание граждан. Отдельное внимание уделено анализу законодательства 1905–1907 гг., прежде всего, «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г. Оценивая отношение современников к этому закону, А. С. Туманова приходит к важному выводу: «Временные правила» 4 марта 1906 г. не удовлетворили ни власть, ни общественность. Но если общество видело недостатки данного акта в том, что он сковывал общественную самодеятельность, власть усматривала их в том, что он ограничивал возможности контроля над ней» [49]. Однако, по мнению историка, «невзирая на всю противоречивость и непоследовательность курса правящей власти по отношению к организованной общественной самодеятельности, с принятием «Временных правил» прежнее отрицание ее значения заменялось известным признанием, хотя и с разрешением ее лишь в тех пределах, которые признавались допустимыми государством» [50].

Значимым событием в развитии современной историографии проблемы стал выход в свет коллективного труда историков «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.» [51], в котором А. С. Туманова выступила как автор и редактор. В книге учеными (среди них наиболее известные исследователи российских добровольных обществ — Дж. Бредли, В. Я. Гросул, О. Ю. Елина, И. В. Зубков, А. Е. Иванов, Д. И. Раскин, И. С. Розенталь, А. А. Сафонов, А. Д. Степанский, П. П. Щербинин) комплексно раскрывается история развития российской общественности и общественных организаций в рамках указанного периода. Работа представляет собой довольно масштабное теоретическое исследование по проблеме добровольных ассоциаций с акцентом на столичных объединениях и центральных отделениях общероссийских обществ (лишь с упоминанием нескольких рязанских организаций [52]). Вместе с тем главы, подготовленные А. С. Тумановой содержат глубокий анализ особенностей протекания процессов самоорганизации общественности в провинции. Указывая на тот факт, что «складывание в

«неуниверситетской» провинции развитой инфраструктуры добровольных обществ отставало во временном отношении от столичных городов» [53] (по мнению автора, на периферии это произошло лишь в пореформенный период), А. С. Туманова тем не менее подчеркивает, что «в своей основе социально-культурное бытие провинции и столиц мало отличалось: здесь протекала интенсивная духовная и интеллектуальная работа, формировался слой общественных деятелей, создавались условия для развития частной инициативы» [54].

В более поздних исследованиях А. С. Туманова продолжает разработку проблемы модернизации нормативно-правовой базы добровольных неполитических объединений (в том числе в рамках коллективных работ) [55], а также публикует ряд трудов о деятельности общественных организаций в период Первой мировой войны [56].

На региональном уровне историография темы представлена в основном небольшими упоминаниями об отдельных рязанских обществах и их участниках в местных справочных [57], библиографических [58] и обобщающих историко-краеведческих работах [59], а также изданиями и публикациями по отдельным обществам или узким аспектам темы [60].

Отдельной темой является деятельность Рязанской ученой архивной комиссии [61], подробно описанная в трудах рязанских историков, в связи с чем не предполагается детально рассматривать ее в настоящей работе.

Серьезное исследование региональной социокультурной специфики проведено А. В. Каревой [62] (по характеру и содержательной части данная работа схожа с работами И. П. Попова [63]), но территориальные рамки труда ограничены губернским центром, а внимание автора в большей степени сосредоточено на культурном контексте существования отдельных общественных объединений образовательной и художественной сферы.

Большой интерес вызывает работа рязанских историков В. Н. Козлякова и А. А. Севастьяновой по истории провинциальной культуры XIX века [64], построенная на материалах нескольких регионов (в том числе Рязанской

губернии) и представляющая исторический и историографический обзоры, а также раскрывающая теоретико-методологические подходы к изучению проблемы. Нельзя не согласиться с заключением авторов о культурной самодостаточности российской провинции: «к концу XIX столетия произошла значительная эволюция в представлении о провинциальном в России... самосознание столичного жителя и провинциала перестало столь разительно отличаться друг от друга, исчезло непереносимое для первой половины века культурное подчинение провинции столицам» [65]. Однако региональные общественные объединения не рассматриваются специально, а упоминаются лишь как элемент общего культурного фона.

Историографический обзор свидетельствует о том, что деятельность, состав и структура общественных неполитических объединений, существовавших в Рязанской губернии в эпоху модернизации конца XIX – начала XX века, до сих пор не являлись предметом отдельного системного изучения в отечественной исторической науке. Рассматривались лишь столичные организации, отдельные стороны деятельности некоторых провинциальных обществ и работа Рязанской губернской ученой архивной комиссии.

Целью работы является комплексное изучение неполитических общественных организаций Рязанской губернии с 80-90-х годов XIX века до 1914 года. В рамках исследования предполагается решение следующих **задач**:

1. проанализировать предпосылки возникновения добровольных общественных организаций в эпоху модернизации;
2. выяснить правовое положение неполитических объединений в царской России, специфику их взаимоотношений с органами власти на местах;
3. рассмотреть условия функционирования рязанских легальных общественных организаций, выявить их внутреннюю структуру, членский состав и материальную основу деятельности;

4. представить классификацию рязанских неполитических организаций, выделить их основные виды и более мелкие группы в рамках каждого из видов;

5. изучить главные направления деятельности добровольных объединений, охарактеризовать основные формы и методы их работы на территории Рязанской губернии;

6. раскрыть особенности рязанских общественных организаций, показать влияние добровольных объединений на развитие социокультурной ситуации в Рязанской губернии.

Необходимо отметить, что в настоящей работе не предполагается рассматривать вопросы, связанные с масштабной и плодотворной по своим результатам деятельностью общественных объединений церковно-просветительного характера.

Методологической основой диссертации является диалектический метод, позволяющий рассмотреть эволюцию системы неполитических общественных организаций в контексте процессов модернизации. Из специальных методов исторического исследования использовались историко-сравнительный, который, с одной стороны, помогает выявить общее, закономерное в изучаемом объекте, а с другой – определить качественные различия и особенности. Индуктивный и историко-системный методы применялись при формулировании выводов на основе рязанского материала, дали возможность интегрировать региональную историю общественных объединений в общероссийскую. С помощью типологического метода была проведена работа по классификации рязанских общественных объединений в соответствии с направлением их деятельности: благотворительно-попечительские, просветительные, общества в сфере искусства и досуга, объединения профессиональной взаимопомощи, также были выделены более мелкие группы в рамках каждого из перечисленных видов.

Источниковая база исследования. В работе использованы печатные и рукописные источники, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 102 — Департамент полиции МВД), Российском государственном

историческом архиве (Ф. 1287— Хозяйственный департамент МВД; Ф. 1405 — Министерство юстиции; Ф. 1276— Совет министров), Государственном архиве Рязанской области (Ф. 5 — Канцелярия губернатора, Ф. 4 — Рязанское губернское правление (канцелярия Присутствия), Ф. 1292 — ГЖУ и др.), краеведческом отделе Рязанской областной библиотеки имени М. Горького и в библиотеке историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский Кремль». Необходимо отметить, что документы, относящиеся к предмету исследования, не систематизированы в рамках данных учреждений и представленная в них информация носит фрагментарный характер.

1. Одной из важнейших групп источников являются законодательные и нормативные документы. К ним относятся законы и постановления (включая допубличную проектную документацию), регулирующие учреждение и работу общественных организаций, а также законодательные акты, касавшиеся отдельных моментов деятельности добровольных объединений: Устав благочиния 1782 г. [66], проект Гражданского уложения 1899 г., в котором давалось определение понятия общества [67]; правила о народных чтениях 1901 г. [68]; Закон 4 марта 1906 г. об обществах и союзах [69], Проект временных правил о союзах [70], Особое мнение Министерства юстиции по поводу ст. ст. 23–28 проекта о порядке открытия обществ [71].

К нормативным документам относятся также уставы общественных объединений [72], на основании которых осуществлялась деятельность последних после регистрации. Уставы имели однотипную структуру: прецедентную — до принятия «нормальных» уставов (по образцу уже утвержденных документов в столице или других городах) или содержащую в основе примерный устав для данного типа общественных организаций — с 90-х гг. XIX века. В качестве источников рассматривались и проекты уставов, изменения в которых при прохождении процедуры регистрации общества являлись индикаторами «болевых точек» контролирующих органов.

2. Источники делопроизводственного характера можно разделить на:
1. протоколы и журналы заседаний — документы, детально отражающие

внутреннюю жизнь объединения [73]; 2. отчеты обществ — в большинстве случаев ежегодные материалы (хотя встречались и за больший период) со сведениями о деятельности и финансах общественных организаций [74]; 3. переписку с другими объединениями и органами власти — прошения учредителей о регистрации устава, запросы правлений обществ на проведение публичных мероприятий и открытие заведений, согласования вопросов цензурного характера [75], 4. циркуляры — распоряжения министерств и ведомств, касающиеся деятельности добровольных объединений [76]. Сюда же можно отнести переписку губернаторов с органами полиции, уездными исправниками и другими контролирующими инстанциями на местах по вопросам, связанным с деятельностью общественных объединений, но эта документация (в отличие от вышеперечисленного ряда) велась в основном втайне от участников объединений, под грифом «секретно» [77].

3. Ценный материал для исследования деятельности общественных объединений (прежде всего научного характера) дают их собственные издания — так называемые «Труды» и юбилейные очерки. Такая издательская деятельность практиковалась в Обществе рязанских врачей, Рязанском медицинском обществе [78] и др.

4. Огромное количество информации о работе добровольных организаций представлено на страницах местной периодической печати — в газетах «Рязанская жизнь», «Рязанский вестник», «Рязанский листок», а также в журнале «Вестник Рязанского губернского земства». Здесь помещались статьи, краткие заметки, выдержки из отчетов, анонсы публичных мероприятий. В исследовании также использовались материалы центральной прессы конца XIX — начала XX века («Русское слово», «Вестник Европы» и др.).

5. Справочно-статистические издания (переписи, обзоры и статистические ведомости) позволяют проследить динамику в той или иной сфере жизнедеятельности рязанского населения, показать условия, в которых действовали общественные объединения [79].

6. Источники личного происхождения (мемуары, записки, очерки) дают возможность посмотреть на деятельность объединения с позиции его участника, включают в исследование элемент психологии, позволяют оценить влияние личностного фактора. К сожалению, эта группа источников весьма немногочисленна. Помимо материалов узкоспециальной направленности (очерки А. Н. Левашова, А. А. Виталья, В. И. Мордвинова [80]) при реконструкции общей культурной картины провинции на рубеже XIX–XX вв. использовались воспоминания П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера, В. П. Семенова-Тян-Шанского [81].

Многообразие исторических источников позволяет решить поставленные исследователем задачи и довольно точно воссоздать историю развития добровольной инициативы в Рязанской губернии в конце XIX – начале XX века.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной историографии представлен комплексный анализ возникновения и деятельности в Рязанской губернии неполитических общественных объединений, ставших одним из важных элементов модернизационных процессов в России на рубеже XIX – XX вв.; представлена классификация данных организаций, изучена специфика их взаимоотношений с местными органами власти, введены в научный оборот материалы по численному составу и материальному положению легальных общественных организаций, выделены особенности региональных добровольных обществ, составлен перечень существовавших в Рязанской губернии в период с 80–90-х гг. XIX века до 1914 г. подобных общественных объединений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Одним из важных элементов социокультурной модернизации в Рязанской губернии на рубеже XIX–XX вв. стали добровольные неполитические организации, осуществлявшие эволюционный (в противовес революционному) путь развития общества.

2. Несмотря на постепенную либерализацию законодательства о добровольных объединениях на протяжении рассматриваемого периода, процесс их учреждения, состав участников и деятельность находились под строгим контролем центральной и местной власти. В то же время взаимоотношения представителей губернских административных органов и рязанских неполитических обществ носили преимущественно мирный характер, отличались значительной толерантностью со стороны первых и лояльностью со стороны вторых.

3. Организационная структура и формы деятельности неполитических объединений были в целом схожими, что в значительной степени было связано с единообразием нормативно-правовых документов объединений — уставов (особенно для однотипных организаций), на основании которых они действовали.

4. Общественная пассивность превалирующего аграрно-ориентированного населения губернии сказалась на относительной узости социальной базы добровольной инициативы, довольно слабой вовлеченности рязанцев в деятельность неполитических обществ (как в качестве участников, так и в качестве посетителей), совмещении в некоторых случаях членства одними и теми же лицами в разных объединениях.

5. Преобладающим типом общественных объединений на территории Рязанской губернии были благотворительные и попечительные, пользовавшиеся поддержкой (в том числе материальной) местной власти и органов самоуправления. В социальной сфере члены добровольных организаций, представители местной администрации и земские деятели в большинстве случаев выступали «соучастниками», успешно сотрудничая и опираясь друг на друга.

6. Новой тенденцией эпохи модернизации стало распространение так называемых «взаимовспомогательных» организаций, объединявших людей по профессиональному признаку и выполнявших филантропическую, просветительную, а также отчасти страховую функции.

7. Объединения, оказывавшие помощь населению в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и несчастных случаев, в значительной степени дополняли (и даже заменяли) работу государственных учреждений данной области, создали основу для дальнейшего развития спасательных служб края.

8. Степень и формы осуществления просветительной функции рязанскими объединениями соответствующего типа были различными, что позволило выделить несколько категорий подобных обществ на территории губернии: учебно-просветительные, научно-просветительные и просветительно-развлекательные. Медицинские, сельскохозяйственные общества и РУАК сыграли значительную роль в развитии науки и распространении знаний среди населения.

9. Расширению деятельности большинства творческих объединений препятствовали постоянные финансовые проблемы. Тем не менее мероприятия объединений этого типа пользовались спросом у местной публики и способствовали повышению культурного уровня рязанцев, развитию художественного вкуса.

10. Вопреки индифферентности основной массы населения к общественной деятельности, наиболее активные рязанцы (в основном представители интеллигенции) в рамках работы добровольных объединений оказали заметное влияние на формирование у жителей края чувства гражданственности и социальной ответственности, тем самым способствуя включению Рязанской губернии в процесс общероссийской социокультурной модернизации и закладывая основы для построения гражданского общества.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов и выводов в дальнейшем изучении структуры и функций неполитических организаций, их влияния на развитие социокультурной ситуации в столице и провинции в эпоху модернизации, а также при подготовке обобщающих и краеведческих работ, при разработке лекций по отечественной истории, краеведению, спецкурсам.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в десяти опубликованных работах автора и в выступлениях на научно-практических конференциях.

Глава 1. Предпосылки и условия образования общественных неполитических организаций на рубеже XIX–XX вв., их правовой статус и внутреннее устройство

1.1. Рязанское общество в эпоху модернизации и основные тенденции развития организованной общественной инициативы в губернии

Противоречивый характер российской модернизации заметнее всего проявлялся в провинции, где патриархальные устои были гораздо сильнее, чем в столичных городах. Столкновение двух направлений — консервативного и нового — на рубеже XIX–XX вв. происходило во всех сферах жизни рязанского общества. Однако степень трансформации последних была различной, что в значительной мере препятствовало общему эволюционному развитию российской гражданско-правовой системы и приводило к социальным катаклизмам. Тем не менее появившееся в рязанском обществе в этот период элементы модернизации являлись частью общероссийской тенденции, а развитие регионального социума в общих чертах (хотя и с некоторыми особенностями) повторяло развитие страны в целом.

Рязанская губерния в конце XIX – начале XX века представляла собой один из типичных земледельческих регионов Российской империи и занимала по размеру территории 39 место из 50 губерний Европейской России с населением 1882812 человек [1]. На севере губерния, состоявшая из 12 уездов (с 1802 г.), граничила с Владимирской губернией, на востоке и юге — с Тамбовской губернией, на западе — с Московской и Тульской губерниями. Преобладавшей народностью были русские (около 99,5%), большинство населения исповедовало православие (около 98,5%) [2].

Основная часть жителей проживала в сельской местности, процесс урбанизации шел крайне слабыми темпами. В связи с естественным приростом конца XIX– начала XX в. число горожан увеличилось (в 1882 г. — 111471 человек [3], к 1909 г. — 139466 человек [4]), однако соотношение между городским и сельским населением радикально не изменилось. Более того, если в 1882 г. пропорция выражалась в 6,6 % горожан к 93,4 % селян [5], то в

дальнейшем произошел даже некоторый сдвиг в сторону процентного увеличения сельского населения — 5,7 % к 94,3 % в 1909 г. соответственно [6]. К 1 января 1909 г. из 9627 населенных пунктов только 12 являлись городами. Самыми крупными были: Рязань (36,5 тыс. человек), Егорьевск (27 тыс.), Касимов (17 тыс.) и Скопин (14,5 тыс.). Пять городов насчитывали более 5 тыс. жителей — Зарайск, Сапожок, Раненбург, Спасск, Ряжск; три города — менее 5 тыс. человек (Данков, Михайлов, Пронск) [7].

В сословном отношении население губернии делилось следующим образом: дворянство — 0,8 %, духовенство — 0,8 %, купечество — 0,3 %, мещане — 3,3 %, цеховые — 0,06 %, крестьяне — 85 %, почетные граждане — 0,2 %, военные — 8 % (остальные — разночинцы, колонисты и иностранные подданные) [8]. Однако, как справедливо замечают региональные исследователи [9], содержащаяся в официальных статистических документах информация о социальной стратификации не давала представление о реальном роде занятий того или иного жителя губернии: крестьянин по паспорту мог на деле быть предпринимателем в городе, представитель военного сословия — земледельцем, а дворянин — творческим или научным деятелем. Процесс социальной мобильности в этот период был особенно интенсивным и затрагивал все «этажи» рязанского общества.

Основной трудовой специализацией населения губернии в рассматриваемый период было земледелие. Наибольшего развития оно достигло в черноземных уездах — Данковском, Скопинском и Раненбургском, для которых это был практически единственный промысел. В качестве дополнительных источников пополнения своего скудного бюджета большинство рязанских крестьян использовали различные виды ремесел и кустарное производство. Так, в Рязанском, Скопинском и Михайловском уездах было развито кружевоплетение, в Ряжском — производство веревок, в Сапожковском — изготовление сельхозорудий, в Касимовском — плетение сетей и др.

Вместе с тем в пореформенный период в экономическом положении Рязанской губернии произошел ряд изменений. Прежде всего, начала активно

развиваться фабрично-заводская промышленность, в большинстве случаев возникавшая на основе кустарной и представленная преимущественно мелкими предприятиями. Крупная промышленность концентрировалась в основном в Егорьевском, Рязанском и Касимовском уездах. Здесь размещались торфяные заводы и лесопильни. Кроме того, в конце XIX – начале XX в. в Рязанской губернии быстро развивались такие отрасли как сельскохозяйственное машиностроение (Рязанский уезд), стекольное производство (Касимовский и Спасский уезды), добыча каменного угля (Скопинский уезд), производство цемента (Михайлов), производство спичек (Зарайск). Особенно важным промышленным и торговым центром являлся Егорьевск, где находилось несколько десятков хлопчатобумажных предприятий. О подъеме рязанской промышленности свидетельствуют следующие данные: если в 1882 г. количество фабрик и заводов в губернии составляло около 800 предприятий [10], то в 1912 г. их насчитывается уже 4486 [11]. В то же время из-за разработки железорудных месторождений Украины в конце XIX – начале XX в. потеряли свое значение металлургические и металлообрабатывающие предприятия губернии.

Рост промышленного производства способствовал проявлению еще одной новой тенденции: значительно увеличилась конкуренция в отношении рабочей силы между городом и фабриками, с одной стороны, и селом, с другой. Первые оттягивали все больше работников за счет более высокой и стабильной заработной платы. На этот факт указывали, в частности, участники Рязанского губернского комитета при Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1903 гг. Так, экономист С. Н. Прокопович цитировал вывод комитета о главном преимуществе фабрики: «работающий на ней крестьянин ест целый год, в деревне же нередко он голодает» и замечал, что эта борьба за производительные силы «не только уменьшает количество рабочих сил в деревне, но и понижает их качественный состав» [12].

Другие экономические изменения были связаны с тем, что в результате строительства сети железных дорог в 60–70-е и 90-е гг. XIX в. (Рязано-Уральской, Сызрано-Вяземской, Московско-Казанской и др.) Рязанская губерния

превратилась в важный торгово-транспортный пункт. Это способствовало ускорению темпов экономического развития края в целом и росту городов, прилегавших к железнодорожным путям (например, Рязька, Егорьевска, Михайлова). Однако многие населенные пункты, оказавшиеся вдали от магистрали, утратили свою экономическую роль (Зарайск).

По-прежнему популярной оставалась такая форма социально-экономической интеграции как ярмарочная торговля (несколько затихавшая лишь в «неурожайные» годы): в 1882 г. в губернии состоялось 158 ярмарок с общей суммой проданных товаров в 868886 руб. [13]; в 1897 г. — 173 ярмарки со стоимостью сбытой продукции в 1287430 руб. [14]; в 1910 г. — 240 ярмарок с общим торговым оборотом 1743932 руб. [15]. Следует отметить, что несмотря на свой традиционный характер, ярмарки в начале XX в. несли в себе ряд прогрессивных элементов: способствовали развитию местной банковской и кредитной системы, а также стимулировали рост региональной сферы услуг.

Еще одной заметной экономической тенденцией конца XIX – начала XX века, связанной с неуклонным возрастанием хозяйственной самостоятельности населения, стало кооперативное движение, представленное, прежде всего, потребительскими, кредитными и сельскохозяйственными кооперативами. [16]

Промышленно-экономический подъем, рост городов и увеличение населения губернии дали толчок развитию социальной инфраструктуры. Важную роль в этом сыграло земство. Благодаря стараниям земских органов в конце XIX–начале XX в. значительно увеличивается количество учреждений здравоохранения и число медицинских работников. Первое достигалось за счет денежных вложений в строительство больниц, лечебниц, аптек; второе — в результате организации медицинских образовательных заведений и специализированных курсов. Так, если в 1897 г. в Рязанской губернии насчитывалось 132 врача гражданского ведомства (73 — в городах, 59 — в сельской местности), фельдшеров — 227 (84 — в городах и 143 — в сельской местности) [17], то к 1 января 1911 г. число врачей гражданского ведомства составило 158 человек (86 — в городах и 72 — в сельской местности),

фельдшеров — 297 (113 — в городах и 184 — в сельской местности) [18]. Количество больниц гражданского ведомства тоже постоянно росло: 1897 г. — 54 (25 — в городах и 29 — в сельской местности) [19], 1908 г. — 95 (37 — в городах и 58 — в сельской местности) [20]. Важной вехой в развитии здравоохранения губернии стало открытие фельдшерско-акушерской школы Общества врачей губернского земства в 1909 г.

Значительные качественные и количественные изменения на рубеже XIX–XX вв. произошли в сфере образования. Характерной чертой времени стала постоянно растущая тяга рязанцев к знаниям. Увеличилось количество образовательных учреждений, учителей и учащихся. Если в 1882 г. в губернии насчитывалось 655 учебных заведений и 43556 учащихся [21], то к 1 января 1909 г. — 1613 и 116948 соответственно [22]. При этом существенно возросло число учащихся женского пола: в 1882 г. оно составляло 14,5 % от общего числа учащихся, а в 1909 г. — 29 % [23].

Кроме того, изменилось соотношение между городскими и сельскими учебными заведениями в пользу последних: 12,4 % к 87,6 % — в 1882 г. и 8,4 % к 91,6 % — в 1909 г. [24] Это было связано с возрастающим стремлением крестьян к получению образования и с активной деятельностью земства по открытию сельских народных училищ. Большое распространение в сельской местности получили также школы грамоты, учреждаемые духовенством.

Значительный вклад в развитие образования внесло открытое земством в 1869 г. Александровское училище для подготовки учителей сельских школ (впоследствии оно было преобразовано в семинарию). К концу XIX в. это учебное заведение обеспечивало квалифицированными кадрами большинство земских школ губернии и являлось важным культурным центром.

Другими учебными заведениями, готовившими преподавателей, были Рязанское женское училище (учреждено в 1858 г., с 1870 г. являлось Мариинской женской гимназией), где в 1911 г. был открыт педагогический класс, и Рязанское женское епархиальное училище (учреждено в 1853 г.), выпускавшее учительниц

преимущественно для церковно-приходских школ. Поставщиком учительских кадров в начале XX в. стала также Рязанская духовная семинария.

Модернизация образования привела к частичной переориентации обучения с гуманитарного направления на техническое. Повышение технологичности производства и новые экономические отношения требовали наличие специалистов по точным и естественным наукам. В связи с этим в губернии начали открываться реальные гимназии (с 1872 г. преобразованы в училища), дававшие среднее образование с набором знаний по математике, физике, биологии. Первые из них появились в конце XIX в. в Скопине и Касимове. Импульс к развитию получило и профессионально-техническое (ремесленное) образование. В 1875 г. ремесленное училище открылось в Рязани, в конце XIX в. появились техническое училище в Касимове и ремесленное училище в Сапожке, а в 1910 г. М. Н. Бардыгин основал техническое училище в Егорьевске.

Важным звеном в образовательной системе Рязанской губернии были 1-я мужская гимназия и появившаяся в 1903 году (из четырехклассной прогимназии, основанной в 1871 г.) 2-я мужская гимназия, давшие среднее образование многим впоследствии известным научным и общественным деятелям губернии.

Новым явлением в образовательной системе начала XX в. стало открытие большого количества частных учебных заведений. В 1901 году в Рязани открывается женская гимназия В. П. Екимецкой, в 1905 г. — реальное училище Малашкина и 3-я мужская гимназия Радужкевича (с 1908 г. — Н. Н. Зелятрова), в 1907 г. — женская гимназия А. К. Беккер, в 1908 г. — женское училище М. Г. Золотовой (с 1909 г. — женская прогимназия) [25] и др.

Всего же к 1 января 1911 г. в Рязанской губернии насчитывалось: 5 мужских гимназий, 8 женских гимназий, 1 мужская и 4 женских прогимназии, 4 реальных училища, 1 коммерческое женское училище, 1 учительская семинария, 1 среднее семиклассное техническое училище, 1 низшее механико-электротехническое училище, 1 духовная семинария, 1 женское епархиальное училище, 17 городских училищ по Положению 1872 г., 49 четырехклассных и приходских училищ; 858 начальных школ (20 городских, 768 содержавшихся крестьянами и земством, 70

сельских Министерства народного просвещения), 671 церковно-приходских, 66 школ грамоты [26].

Примечателен и тот факт, что инициатива в деле распространения образования в сельской местности постепенно начала исходить и от самих крестьян. Так, в разделе «Провинциальное обозрение» журнала «Вестник Европы» И. Жилкин отмечал охватившее крестьян Рязанской губернии стремление открывать в селах средне-учебные заведения: «Открыта гимназия в с. Спас-Клепиках. В селе Белоомут Зарайского уезда... на днях сельский сход единогласно постановил ходатайствовать о преобразовании министерского училища им. Копылова в гимназию... Интересно, что в один и тот же день в соседнем селе Ловцах был составлен такой же приговор с ходатайством об открытии в с. Ловцах гимназии. Раздаются разговоры об открытии гимназии в с. Ижевском и с. Туме» [27].

Предводитель Данковского дворянства И. П. Бибиков, принимавший в 1902 г. участие в работе Рязанского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности также свидетельствовал об изменении настроений в крестьянской среде: «Прежде крестьяне относились довольно холодно к обучению детей и отрицательно к обучению девочек, теперь стремление обучать и мальчиков, и девочек так велико, что почти везде школьные помещения оказываются тесными...» [28].

А экономист В. П. Сницеров, выступая на первом рязанском губернском кооперативном совещании, подчеркнул, что «особенностью исторического момента» является то, что «стремление к свету наблюдается не только в городах, но еще в более сильной степени в стороне от больших проселочных дорог, на беспролазных проселках, в глухой соломенно-деревянной деревушке» [29].

Однако необходимо отметить, что подобная активность крестьян в просветительском процессе была характерна преимущественно для уездов, близких к торгово-промышленным центрам и столичным городам. Что касается чернозёмных районов — здесь стремление к знаниям и количество грамотного населения (особенно сельского) были гораздо меньше. Так, согласно

проведенному земскими органами в 1913 г. опросу учеников одной из сельских школ Сапожковского уезда (опросили 40 учеников из 40 домов), «грамотных в 40 семействах, кроме самих учеников, 64; следовательно, далеко не приходится по 2 человека на семью, но при этом в 8 семействах нет вовсе никого грамотных; из них: в 2 семействах нет никого грамотных, и нет ни одной книжки; в 6 семействах, хотя нет грамотных, но зато есть книги. Число книг на семью колеблется от 1 до 20. в 9 семействах при 14 грамотных, нет ни одной книги» [30]. Отмечалось, что преобладали книги религиозно-нравственного содержания (евангелия и молитвенники) — 54 штуки и так называемые «лубочные» (например, «История о львице», «Неверная жена», «Мертвец без гроба») — 27 штук. Кроме того, имелись книги по следующей тематике: изящной словесности — 12, географии — 9, «научные» — 9, истории — 8, естествоведению — 4, сельскому хозяйству — 3, арифметике — 2, азбуке — 2, а также по одному экземпляру — журнал «Бог помочь», литературное приложение и грамматика. Всего в 29 домах (с вычетом 11 бескнижных) насчитывалось 137 книг [31].

В то же время рубеж XIX–XX вв. ознаменовался возрастанием интереса населения губернии к периодической печати. Спросом у рязанцев пользовались как массовые столичные периодические издания, так и местная пресса, которая особенно активно развивалась в этот период. С 1838 г. издавались «Рязанские губернские ведомости» (выходили два раза в неделю — по средам и субботам), с 1865 г. — «Рязанские епархиальные новости» (выходили раз в две недели), в 1891–1895 гг. — «Рязанский справочный листок» (с 1894 г. назывался «Рязанским листком», выходил дважды в неделю) Н. Д. Малашкина. В 1903 г. стал издаваться «Рязанский справочный листок» под редакцией В. Н. Розанова, впоследствии сменившийся «Рязанским листком». Появились ежедневные газеты: «Рязанский вестник» (1905–1916 гг.) и «Приокская жизнь» В. Н. Розанова, «Рязанская жизнь» (1911–1917) А. К. Радугина. Ежемесячно издавались «Вестник Рязанского губернского земства», «Врачебно-санитарная хроника», «Сведения о ветеринарно-санитарном состоянии губернии», находившиеся в ведении

губернской земской управы, а также специализированные издания — «Миссионерский сборник» (печатный орган Православного миссионерского общества) и «Российское козоводство» (печатный орган Российского общества козоводства) [32].

Еще одним свидетельством тяги жителей губернии к чтению стало расширение сети типографий и литографий. Так, в 1884 г. их количество по губернии составляло 14 [33], а к 1907 г. увеличилось до 25 заведений [34]. Растет число библиотек и читален: 14 — в 1884 г. и 145 — в 1907 г., а также книжных лавок и магазинов: 11 — в 1884 г. и 49 — в 1907 г. [35].

Модернизации подвергся и быт рязанцев. Постепенно в жизнь населения губернии вошли такие достижения технического прогресса как кинематограф (первый кинотеатр появился в Рязани в 1904 г., стационарный кинотеатр «Дарьял» — в 1912 г.), водопровод, городская электростанция (начала работу в 1913 г.), телефон (в 1913 г. список абонентов Рязанской телефонной сети составил 273 человека [36]).

Значительную демократизацию в конце XIX – начале XX в. претерпело театральное искусство. Профессиональный театр дополнился целой сетью так называемых «народных» (непрофессиональных). Наряду с выступлениями столичных артистов все большую популярность у рязанского населения (особенно среди мещанства и крестьянства) получили постановки любительских объединений, которые организовывались местной творческой интеллигенцией. Примечательно, что среди жанровых предпочтений народной публики особое место занимала героическая пьеса, так как, по мнению посетителей спектаклей, «честность, великодушие, мужество, храбрость и твердый характер героев очень внушительны для народа» [37].

Развитию любительского театра в сельской местности активно способствовало и рязанское уездное земство, которое видело в такой творческой деятельности «одно из могучих средств к поднятию культурности населения, к смягчению нравов деревни, к уменьшению развития хулиганства среди крестьянской молодежи» [38]. С этой целью земство выделяло специальные

средства и под руководством учителей местных народных школ организовывало в деревнях спектакли для крестьян. Поддержку оказывали и действовавшие по всей стране местные секции содействия устройству деревенских и фабричных театров Московского общества народных университетов, которые предоставляли в прокат реквизит и костюмы за умеренную плату.

Массовым явлением в культурной жизни губернии на рубеже XIX–XX вв. также стали совместные мероприятия рязанской интеллигенции — концерты, музыкально-литературные вечера, художественные выставки, чтения, что являлось отражением возросшего стремления рязанцев к культурному обмену, творческой кооперации.

Значительное влияние на развитие общественно-культурной среды провинции оказывали столичные лекторы (экономисты, юристы, историки, публицисты). Так, в конце XIX – начале XX в. губернию с лекциями посещали профессора Московского университета: граф Леонид Алексеевич Камаровский, Павел Никитич Сакулин, Иван Иванович Янжул и др. [39]. Являясь преимущественно представителями либеральных кругов и во многих случаях активными участниками добровольных организаций, в своих выступлениях эти общественные деятели затрагивали наиболее острые социальные проблемы эпохи, раскрывали важные понятия из сферы экономики, знакомили публику с достижениями зарубежной исторической и правовой мысли и тем самым создавали предпосылки для смены устаревшей социокультурной парадигмы, закладывали основу для развития гражданского самосознания рязанцев.

Однако свидетельства современников об общественной жизни в Рязанской губернии конца XIX – начала XX в. были весьма противоречивы и указывали на узость социальной базы добровольной инициативы. Так, в статье известного московского журналиста Владимира Гиляровского в газете «Русское слово» [40] приводится диалог автора с рязанским помещиком в вагоне поезда:

«— Ну, как себя чувствуете в вашем городе? — спросил я у моего спутника.

— Ну, как?.. Да как всегда — потихоньку да полегоньку.

— Нового что?

— Какие у нас новости? Газеты мы выписываем и покупаем на станции из вежливости, а читать их — не читаем, разве что только городские происшествия пробежим, где пожар, убийство, кража какая... чтобы для разговору. А так сплетничаем, танцуем, в карты играем...

— Значит, слова поэта подходят к вам: „В столицах шум, гремят витии, кипит словесная война, а там, во глубине России, там вековая тишина!“?

— Почти что так, спим!.. Никакой столичный шум нас не касается...» [41].

Еще более остро противопоставление в социально-культурном отношении столицы и провинции проявляется в «Записках земца» (1899 г.) Александра Николаевича Левашова, известного общественного деятеля, писателя-охотника, уроженца Рязанской губернии: «Теперешняя Рязань — это этапная станция, или пассажирский вокзал. Человек, в нее попадающий, по большей части назначенный из Петербурга чиновник, с первых же дней своего пребывания уже думает о том, как бы повиситься и выбраться из Рязани. При таком условии город тошен людям, и люди тошны друг другу. Ничто их друг к другу и городу не привязывает... Несимпатичен, очень несимпатичен такой город, при всех его совершенствах» [42]. При этом Левашов сравнивает два периода региональной истории — 1860-е и 1890-е гг., указывая на решающее влияние эпохи либеральных реформ в развитии общественной деятельности в губернии и резко критикуя в этом отношении конец XIX века: «Общественная жизнь, как я убедился впоследствии, явление сложное, требующее продолжительной культуры и роста. Если можно сказать, что теперь эта жизнь существует (многие до сих пор отрицают это обстоятельство), то своему насаждению и развитию она обязана только земству и людям им созданным» [43].

Более обнадеживающий взгляд на перспективы Рязанской губернии в деле развития общественной инициативы находим в статье «Просветительное движение» (раздел «Письма из провинции») [44], опубликованной в центральной прессе под псевдонимом «Чужой» [45]. Автор рассказывает о социокультурном подъеме в России в целом и в Рязани в частности: «...Вопросы народного образования интересуют все слои общества. Они трактуются и на земских и

городских собраниях, о них говорят и частные лица, которые, группируясь в кружки, устраивают и общественные библиотеки-читальни, и воскресные школы, и чтения и т. п. И во всем этом движении частная инициатива играет видную, если не сказать, первую роль... Не миновало это движение и нашего города, который до этого времени, несмотря на близость такого умственного центра, как Москва, спал непробудным сном...» [46]. Однако, анализируя отношение рязанского общества к этому движению, Чужой указывает: «Отношение это нельзя назвать ни доброжелательным, ни недоброжелательным, так как каждое новое начинание вызывает сочувственные разговоры, но не более того. Лучшим доказательством этому может служить то, что и в библиотеке, и в городских, и в тюремных чтениях участвуют одни и те же лица, и количество их не превышает десятка» [47].

А вот воспоминания, казалось бы, более взыскательного критика — лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова о годах рязанской ссылки (1895–1897) рисуют вполне оптимистичную картину провинциальной действительности и местной публики: «Здесь я нашел друзей по своему вкусу, и они нашли меня. Два года, проведенные в Рязани, оставили в моей памяти благодарное воспоминание. Особенно сблизился я с семьей видного земского деятеля Елагина, пронесшей сквозь годы реакции действенный идеализм эпохи реформ и непоколебимую веру в конечную победу русских культурных начинаний...» [48].

Тем не менее разница в суждениях современников об общественной среде Рязанской губернии не говорит о ложности одних и истинности других, а лишь показывает неравномерность и непропорциональность динамики культурно-аксиологических систем в различных слоях провинциального общества и в то же время проявляемые их представителями традиционно разные уровни социальной активности и ответственности.

Нельзя не сказать и о другом полюсе общественного развития, особенно ярко заявившем о себе в начале XX века. Важным признаком социально-правовой модернизации этого периода стала политизация общественной жизни, выражавшаяся в появлении политических партий и деятельности революционных

групп. Несмотря на преобладающую общественную пассивность рязанцев, губерния не смогла остаться в стороне от революционного движения начала XX в. Один из факторов, способствовавших распространению революционных идей на рязанской земле, — высылка сюда политических преступников из столицы и крупных городов. Но в отличие от других центральных регионов Российской империи в Рязанской губернии в силу ее аграрного характера и отсутствия большого количества рабочих сохранялась относительно низкая степень политизированности народных масс. Волнения носили в основном форму аграрных беспорядков, поджогов и разграбления крестьянами помещичьих усадеб, так называемых «экспроприаций» чужой собственности [49], в некоторых случаях — еврейских погромов. Кроме того, департамент полиции МВД зафиксировал участие рязанцев в студенческих волнениях в столичном центре в 1901–1902 гг. [50].

В период наиболее напряженной революционной обстановки в 1905–1907 гг. (с 1907 г. наметился заметный спад движения, внимание народа переключилось на работу Государственной Думы) на территории губернии была развернута работа подпольных революционных кружков, распространявших прокламации и воззвания среди военных, рабочих и крестьян. Однако, по сведениям полиции и уездных исправников, подобные акции имели весьма слабый отклик в народной среде [51], а во многих случаях даже вызвали прямой протест местного общества.

Политическую и общественную ситуацию в провинции этого времени интересно охарактеризовал русский историк и один из деятелей кадетской партии Александр Александрович Кизеветтер, который посетил Рязань в 1906 г. — в период предвыборной кампании в Государственную Думу. В своих воспоминаниях он указывал на серьезные перемены, произошедшие на региональном уровне со времени его первых поездок в качестве лектора в 90-е гг. XIX в.: «Как не похоже было теперь состояние провинциального общества на ту картину, что развертывалась передо мной за несколько лет перед тем! Теперь русскую провинцию нельзя было узнать! Исчезла эта вялая монотонность...

Теперь и здесь бурлила жизнь, хотя нажим администрации чувствовался в провинции гораздо сильнее, нежели в столицах» [52]. Однако здесь же автор замечает, что в провинции (в отличие от столицы) «социалистические ораторы боялись раскрыть рот», и приводит курьезную историю о встрече в Рязани с местным социал-демократом. Откомандированный своей партией «возражать» Кизеветтеру во время политических прений молодой человек в перерыве между дебатами обратился к Александру Александровичу с просьбой: «У нас такие суровые репрессии, что я, право, не знаю, что я мог бы говорить, не подвергаясь опасности. Скажите, мне, пожалуйста, что бы такое я мог возразить вам без особого риска для себя» [53]. На это А. Кизеветтер, не выдав своего изумления, невозмутимо посоветовал покритиковать экономическую программу кадетов, что и было сделано.

Островками оппозиции (скрытой и явной) в этот период в самом губернском центре являлись: редакция газеты «Рязанский вестник» во главе с Владимиром Николаевичем Розановым и его супругой (сотрудничали с Рязанским землячеством и социалистами-революционерами [54]), Рязанская гимназия Веры Павловны Екимецкой (в частности, преподаватели этого учебного заведения обвинялись в 1906 г. в организации отдела нелегального Всероссийского учительского союза [55]), Рязанская духовная семинария. «Неблагонадежную» репутацию имели многие преподаватели, учащиеся и выпускники Касимовского технического училища.

По сведениям полиции, на территории губернии действовали местные комитеты запрещенных профессиональных объединений — Крестьянского союза, Железнодорожного союза и др. [56]. На это же время приходилась наиболее активная деятельность рязанской группы социал-революционеров во главе с Алексеем Воскресенским (в 1908 г. Воскресенский был арестован и выслан в Архангельск, революционная группа ликвидирована [57]) и Егорьевского Революционного комитета (местная группа партии социал-революционеров во главе с Алексеем Хлебниковым, Сергеем Софроновым, Николаем Фроловым, Василием Фирстовым и др.) [58]. Кроме того, периодически приходили донесения

жандармов о подпольном изготовлении революционерами, в основном студентами столичных вузов, взрывчатых веществ и о предотвращении их использования [59]. Шоком для общественности стало убийство рязанского полицмейстера Г. К. Хорото в 1906 г. и участие рязанских революционеров в покушении на П. А. Столыпина на Аптекарском острове.

В целом из легальных политических партий в 1907 г. наиболее широко в губернии был представлен «Союз русского народа» — всего 2300 человек в 8 отделах (крупные землевладельцы, купечество), значительно меньше «Союз 17 октября» — всего 200 человек в 5 отделах (в составе — средние помещики, земцы и чиновники) [60]. Рязанская конституционно-демократическая группа (чиновники, учителя, врачи) была немногочисленной и довольно слабо организованной по сравнению с другими региональными отделениями. Другие политические силы, не имевшие официально оформленных отделений, вели нелегальную деятельность: социал-демократическая партия и социал-революционеры (служащие, железнодорожные рабочие, учащиеся высших учебных заведений и др.) [61].

Изменения в политике, экономике и культуре повлекли за собой модернизацию всей системы общественных отношений. Секуляризация сознания, размывание сословий, разрушение крестьянской общины (в результате реформы П. А. Столыпина), обретение гражданских прав и свобод по манифесту 17 октября 1905 г., создание политических партий — все это способствовало формированию нового типа личности, независимой и инициативной. Такие люди, составлявшие немногочисленную категорию населения губернии (преимущественно представители интеллигенции), активно включались в общественную деятельность и становились организаторами различных добровольных объединений — благотворительных, научных, творческих, профессиональных. И вместе с тем работа самодеятельных обществ являлась мирной альтернативой революционному движению, реализацией эволюционного пути развития общества.

1.2. Эволюция правового положения неполитических объединений, их взаимоотношения с органами местной власти

Огромное значение при исследовании деятельности добровольных неполитических организаций в дореволюционной России имеет вопрос об их правовом статусе и отношениях с органами власти. Данные проблемы носят взаимопроникающий характер и не могут рассматриваться изолированно. Отдельного внимания заслуживает и процесс трансформации законодательной базы добровольной инициативы, обусловивший основные этапы эволюции самих общественных объединений и тесно связанный с общей модернизацией государственно-правовой системы страны в конце XIX – начале XX века.

Вплоть до начала XX в. деятельность общественных объединений (первые из них появились еще при Екатерине II) в России регулировалась принципами, изложенными в «Уставе благочиния» 8 апреля 1782 г. и предоставлявшими право на существования таковых по усмотрению верховной власти. Так, в параграфах 64–65 указывалось: «Управа благочиния законом утвержденное общество, товарищество, братство или иное подобное установление охраняет в своей законной силе...» [1]. Соответственно, не утвержденное законом объединение «не признавалось за действительное», а «буде же таковое общество, товарищество, братство или иное подобное собрание общему добру вред, ущерб или убыток наносить, либо бесполезно, то подлежит уничтожению и запрещению» [2]. Вместе с тем вообще запрещалось «всем и каждому заводить и вчинать в городе общество, товарищество, братство, или иное подобное собрание без ведома, позволения, или согласия Управы благочиния» [3].

Следует также отметить, что многие из появившихся в конце XVIII – начале XIX в. в Российской империи обществ находились под покровительством императорской семьи и действовали «на особых основаниях», получая значительные привилегии и приличные субсидии. Огромная заслуга в развитии благотворительных организаций и заведений этого времени принадлежала супруге Павла I, положившей начало Ведомству учреждений Императрицы Марии (преобразовано из отделения канцелярии императрицы) и

Императорскому Человеколюбивому обществу. Деятельность императрицы в качестве попечительницы стала образцом для ее подданных и придала определенный стимул движению по открытию объединений в разных сферах жизни общества. Немалое влияние на развитие российской общественной самодеятельности оказала и Европа, откуда были заимствованы такие формы самоорганизации общественности, как, например, салоны и клубы.

Таким образом, наряду с привилегированными обществами, созданными по инициативе «сверху» и носившими полуадминистративный характер, в первой половине XIX в. в Российской империи начали активно распространяться организации на частной или общественной основе — клубы, собрания, кружки, общества (благотворительные, творческие, научные). Это, в свою очередь, вызывало необходимость усовершенствования законодательства о добровольных объединениях.

Реформы 60-х гг. XIX в. не содержали общего закона об обществах, но тем не менее правительство несколько скорректировало политику в отношении общественных организаций и относительно облегчило процесс их учреждения. Если в дореформенное время уставы легальных обществ утверждались императором, то с 60-х гг. это право постепенно перешло к отдельным министрам (прежде всего, министру внутренних дел). Но и на этом уровне добиться открытия новой организации было нелегко, а многочисленные переделывания уставов по требованию контролирующих органов серьезно затягивали процесс.

В 90-е гг. XIX в. правительство, стремясь подавить революционные импульсы и закрепить общественную инициативу в легальных рамках, вынуждено было начать разработку нового закона об обществах. На основании положения 1897 г. министрами были изданы так называемые «нормальные» уставы для тех групп обществ, которые находились в их ведомстве (благотворительных, пожарных, помощи бедным учащимся). По новым правилам право разрешать образование обществ данных категорий передавалось губернаторам при условии соответствия представляемых учредителями проектов уставов «нормальным»; проекты уставов всех прочих обществ, а также уставы,

составленные с отступлениями от нормальных положений, должны были отправляться на рассмотрение в соответствующее министерство или главное управление [4]. Однако, по справедливому замечанию правоведа начала XX в. Н. П. Ануфриева, юридические новшества вовсе не являлись гарантией утверждения уставов: «Губернатор или министр имел право разрешить или не разрешить образование всякого общества, пользуясь своим правом усмотрения в этой области, причем не был обязан сообщать учредителям мотивы отказа» [5].

Таким образом, в нормальных уставах правительство хотело совместить взаимоисключающие идеи: независимость общественных организаций и в то же время их строгое подчинение интересам самого правительства.

Что касается алгоритма составления уставов, то он был доступно представлен К. Г. фон Плато в «Общих указаниях для составителей уставов» [6] и предварялся характерным замечанием, указывавшим на преимущества прецедентной системы: «При составлении проекта устава для такого рода общества, которому не присвоено особого нормального устава, рекомендуется применить проект возможно точнее к соответствующему нормальному уставу или к уставу одного из утвержденных Министерством в последнее время обществ, того же рода, как и проектируемое. В тех же случаях, когда по тем или другим причинам учредители общества признали бы необходимым разработать совершенно новый устав, им следует принять во внимание нижеследующие общие указания...» [7]. Эта рекомендация как нельзя лучше отражала всю политику власти в отношении свободы союзов — консервативную и не допускающую случайных вариантов.

В этом контексте исследователи [8] обоснованно выделяют три основных аспекта деятельности добровольных объединений, как самые потенциально опасные находившиеся в зоне особой «чувствительности» органов власти при составлении Положений 1897 г.: членский состав, финансы и возможность ведения антиправительственной пропаганды.

Согласно нормальным уставам, не имели право вступать в общества следующие категории населения: состоящие на действительной военной службе

низшие чины и юнкера; несовершеннолетние, за исключением имеющих классные чины; подвергшиеся ограничению прав по суду; административно-ссылные; учащиеся в учебных заведениях военно-морского и духовного ведомств (учащиеся в других учебных заведениях могли быть членами обществ с разрешения родителей и учебного начальства, но не могли быть членами правлений и пользоваться правом голоса в общих собраниях).

Еще одной важной заботой правительства был контроль за финансами добровольных объединений. Нормальные уставы разрешали обществам использовать широкий спектр средств для формирования кассы, включая членские взносы, доходы от недвижимости, пожертвования, государственные субсидии и прибыль от благотворительных мероприятий. Однако Положения 1897 г. предписывали, что на проведение любых публичных мероприятий, организованных обществом для сбора средств (будь то лотерея, литературные чтения или спектакли), необходимо было получить разрешение от местной полиции. В уставах также давались рекомендации по управлению финансами организаций, устанавливался минимальный размер членских взносов, содержались указания по вложению средств с целью их приумножения.

Опасения правительства были связаны и с возможностью использования добровольных организаций для ведения нелегальной политической пропаганды. Поэтому общества должны были информировать местную полицию о времени и месте любого собрания, на которых, разумеется, могли обсуждаться только вопросы, касающиеся деятельности данного объединения. Кроме того, добровольные организации были обязаны подавать на рассмотрение властей ежегодные отчеты. Если губернатор подозревал какое-либо общество в антиправительственной деятельности или угрозе общественной безопасности, министр внутренних дел мог наложить запрет на проведение собрания и приостановить работу объединения. В то же время исследователи справедливо указывают на неопределенность в вопросе о полномочиях органов власти при закрытии обществ [9]. В Положениях 1897 г. этот момент выглядел двусмысленно, хотя подразумевалось, что данная проблема относится все-таки к

компетенции министра внутренних дел. Но на практике оказывалось, что в большинстве случаев решение о закрытии общественных организаций принимал губернатор.

В 1899 г. в опубликованном проекте Гражданского уложения было дано определение общественной организации, на основе которого развивалось всё последующее дореволюционное законодательство об обществах: «Обществом признается разрешенный подлежащею властью союз лиц, в числе не менее семи, которые, не имея целью получение прибыли, избрали предметом своей совокупной деятельности благотворительность, развлечение (клубы, общественные собрания), развитие наук, искусств, физических сил и ловкости (спорт) и другие общепользные цели» [10]. Кроме того, были внесены уточнения в формуляры уставов общественных объединений.

Следует отметить, что в 1903 г. при подготовке новой редакции проекта Гражданского уложения законодатели вновь коснулись вопроса об общественных организациях в духе некоторого либерального усовершенствования их правовой базы. Однако эти попытки ничего не дали — новый документ так и не был введен в действие [11].

С конца 1905 года происходит постепенное снижение государственных ограничений в отношении добровольной самодеятельности, начинается, как с надеждой отмечал известный историк, общественный деятель, член нескольких культурных и благотворительных объединений В. И. Герье, «новая эра либерализма в государственной и общественной жизни», когда «русское общество призвано к участию в устройстве собственной судьбы» [12]. Либерализация правового режима в области общественной инициативы была связана, во-первых, с изданием циркуляра МВД от 26 апреля 1905 г., по которому право регистрации обществ предоставлялось непосредственно губернаторам и градоначальникам, и, во-вторых, с «Манифестом 17 октября». Что касается первого, то он представлял собой обобщение предшествовавших мероприятий в области административной регламентации образования частных обществ (прежде всего, нормальных уставов) и не предполагал каких-либо нововведений

законодательного характера. Уставы организаций должны были соответствовать требованиям, содержащимся в циркуляре Министра внутренних дел и фактически повторявшим Положения 1897 г. по вопросам членства, финансов, управления и закрытия обществ. По новым правилам учредителями общественных организаций не могли быть исключительно или преимущественно лица иудейского вероисповедания. На практике губернатор все также мог отказать в регистрации объединения, даже если документы были составлены в соответствии с законодательством. Министр внутренних дел, обладавший правом решающего голоса, по рекомендации губернатора, имел право в любое время закрыть добровольное общество за антигосударственную деятельность [13].

Характеризуя этот законодательный период, историк и юрист А. С. Туманова справедливо указывает: «Демократизация законодательства о союзах являлась уступкой революционному движению. И как мера вынужденная, ставшая результатом не глубокой внутренней убежденности, а в большей степени внешнего влияния, она носила на себе отпечаток нерешительности и колебаний ее творцов, была несвободна от противоречий» [14].

Но революционная обстановка внутри страны и события внешней политики, ставшие прологом к «Манифесту 17 октября», заставили правительство продолжить преобразования в сфере общественной самодеятельности. Разработкой общего проекта «Временных правил об обществах и союзах» занялись Министерство юстиции (часть, касавшаяся собственно добровольных объединений населения) и Министерство промышленности и торговли (часть о профессиональных организациях). Законопроект об обществах и союзах, подготовленный в Министерстве юстиции под руководством С. С. Манухина [15], носил довольно прогрессивный характер и в целом соответствовал духу Манифеста 1905 г. Составленный юристами-либералами с опорой на западный законодательный опыт проект «Временных правил о союзах» (всего 31 пункт) предполагал делегировать большинство полномочий по открытию и контролю за действиями добровольных объединений судебным органам. Новое определение понятия общественных объединений подчеркивало их некоммерческий характер

и независимый порядок создания (ст. 1): «Союзы, не имеющие целью получение прибыли от ведения какого-либо предприятия, могут быть образуемы без испрошения на то разрешения правительственной власти...» [16]. Тем не менее чересчур «смелые» принципы проекта вызвали сопротивление у консервативной части Совета министров, и в ходе обсуждения предполагаемого закона он был «доработан» в сторону увеличения влияния местной администрации на судьбу самодеятельности. Окончательным результатом законодательной модернизации стало издание 4 марта 1906 г. «Временных правил об обществах и союзах» [17] — первого в российской истории общего закона о добровольных объединениях.

Однако либеральные правоведы встретили новый закон скептически. Н. П. Ануфриев отмечал, что Временные правила 4 марта 1906 года основывались не на Манифесте 17 октября 1905 года, а являлись переработкой правил циркуляра 26 апреля 1905 года «с механическими вставками, заимствованными по форме из западноевропейских конституционных актов», которые во многом противоречили размещенным здесь же статьям русского происхождения [18]. Подчеркивая «неуклюжий» и половинчатый характер закона, он указывал на то факт, что провозглашенный в нем принцип об образовании обществ «без испрошения на то разрешения правительственной власти» почти полностью нивелируется ограничениями следующих за этим пунктом статей Временных правил. И в итоге получается: «все, что прямо не разрешено правительством, может быть признано нелегальным» [19].

По новому закону утверждались два типа общественных объединений. Первый (явочный) предполагал простое уведомление властей о создании общества и не нуждался в утверждении устава. Однако общества, организованные таким способом, не имели права собственности и статуса юридического лица, что уже изначально лишало их перспектив. Второй тип — это объединения, обладавшие данными правами и потому обязанные утвердить свой устав в окружном суде [20]. Тем не менее разница была лишь формальной — на практике в обоих случаях общество не могло существовать без разрешения властей из-за угрозы преследования с их стороны.

Новая процедура регистрации или получения разрешения на создание организации сохраняла много архаических черт. Губернатор и министр внутренних дел по-прежнему обладали огромными полномочиями. Согласно «Временным правилам», на местах создавались специальные учреждения — присутствия по делам об обществах и союзах, состоявшие из представителей местного дворянства, судов, земства и органов городской власти. Губернатор в качестве председателя контролировал работу присутствия. Если он был не согласен с решением большинства, то мог наложить вето, обратившись к министру внутренних дел [21]. Кроме того, заявления учредителей подавались в присутствие через губернатора, который мог дать соответствующие «рекомендации» уже на этом этапе. Документация, подготовленная губернаторской канцелярией, оказывала решающее влияние на исход дела.

При этом, согласно исследованию А. С. Тумановой, «Временные правила» 4 марта 1906 г. не стали исчерпывающим регулятором действий власти в данной сфере [организованной общественной самодеятельности]. Наряду с формальным подходом к учреждению обществ, допускавшим предоставление им максимальной свободы в рамках закона, в среде губернской администрации существовал и противоположный взгляд, продиктованный стремлением работать „по старинке“, считая общественную самодеятельность сферой своей личной компетенции» [22].

«Временные правила об обществах и союзах» вводились в действие (в соответствии с «Манифестом 17 октября») вплоть до издания постоянного закона, однако просуществовали до февраля 1917 г.

В начале 1908 г. межведомственная комиссия начала работу над новым, постоянным законом об обществах. Проект в общих чертах был завершен к 1910 г. Согласно замыслу его разработчиков предполагалось увеличить власть губернаторов и полиции над добровольными объединениями всех типов, но в первую очередь политическими, религиозными и профессиональными. В то же время при обсуждении проекта выделилось два основных направления по вопросу о рамках реформирования. Первое — под руководством П. А. Столыпина,

отражавшее интересы МВД, считало возможным ограничиться лишь частичными поправками и усовершенствованиями «Временных правил» 4 марта 1906 г. Новым в программе были пункты о создании центрального координирующего органа — Главного по делам об обществах присутствия, установлении максимального шестимесячного срока для избрания правления и открытия действий общества, требовании проведения общих собраний в строго установленном месте (там, где находится управление), осуществлении всего делопроизводства и контактов только на русском языке и др. [23]

Второе направление представляло Министерство юстиции, которое настаивало на необходимости существенного пересмотра закона об обществах и союзах с учетом новых социальных запросов. Причем в «Особом мнении Министерства юстиции по поводу ст. ст. 23–28 проекта о порядке открытия обществ» указывалось: «Представлялось бы желательным ввести в настоящий законопроект... предварительное рассмотрение вопроса об открытии общества со стороны административной власти, но, конечно, исключительно с точки зрения соответствия такового открытия требованиям общественного порядка и спокойствия, предоставив затем исключительному ведению судебной власти разрешение всех возникающих при рассмотрении уставов правовых вопросов» [24]. Однако, по мнению представителей министерства юстиции, проведение в жизнь всех этих законодательных преобразований необходимо отложить на более поздний период — когда революционное движение окончательно пойдет на спад и введение закона будет «своевременным», а потому выработка законопроекта «должна производиться с точки зрения не современных условий нашей государственной жизни, а того нормального положения, которое обуславливается новым государственным порядком и наступление которого можно ожидать лишь в более или менее отдаленном будущем» [25].

Окончательно подготовленный только в августе 1911 г. законопроект несколько раз направлялся на рассмотрение в Совет министров, однако откладывался по разным причинам (последний раз — в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны) [26]. В конечном счете, завершению реформы помешала

Февральская революция 1917 г., а свобода союзов была законодательно закреплена уже новым правительством [27].

Таковы основные этапы реформирования российского законодательства о добровольных организациях, оказавшие влияние на развитие общественной инициативы, как в столице, так и в провинции. Несмотря на некоторые региональные особенности эволюции, рязанские общественные объединения не могли избежать объективных проблем нормативно-правового характера, с которыми сталкивались все российские неполитические общества на рубеже XIX–XX вв.

До принятия «нормальных» уставов, учреждение добровольных обществ в Рязанской губернии (первые из них появились еще в 60-е гг. XIX в.) осуществлялось под надзором соответствующих министерств, чаще всего МВД. При составлении устава и регистрации общественной организации учредители использовали систему юридических прецедентов в других губерниях Российской империи для объединений одинаковой направленности. Точное соответствие устава учреждаемого общества такому же документу уже существующей организации давало надежду на успешное прохождение процедуры регистрации, тогда как различия в них могли стать поводом для отказа.

Так, в апреле 1891 г. в письме Рязанского вице-губернатора к министру внутренних дел содержались сведения об инициативе ряда лиц во главе с князем Сергеем Алексеевичем Кропоткиным учредить Общество искусств в г. Рязани. Однако после сравнения местными контролирующими органами проекта устава данного объединения с таковыми подобных обществ (в частности, Московского музыкально-драматического кружка) выяснилось, что в нем «допущены значительные отступления от названного устава [Московского музыкально-драматического кружка], и, кроме того, второе примечание к 1 § дает возможность предполагать, что Рязанское общество искусств, не руководствуясь общим уставом для общих собраний, будет собираться вне музыкальных и драматических вечеров — для беседы, танцев, балов и т. д.» [28]. В связи с этим вице-губернатор сопровождал представленный на усмотрение министра

внутренних дел проект устава комментарием о своей готовности поддержать ходатайство учредителей Рязанского общества искусств при устранении ими указанных несоответствий.

Подобные же замечания со стороны губернатора вызвало прошение учредителей Общества распространения грамотности и полезных знаний в Рязанской губернии: «Проект устава... при сличении его с... подобными уставами, утвержденными Правительством, оказался во многом не согласным с таковыми, что может послужить препятствием к утверждению проектированного устава...» [29].

А вот членам Общества вспомоществования школам грамоты Касимовского уезда Рязанской губернии ждать утверждения устава пришлось несколько лет. Прошение по этому вопросу было подано в 1893 г. [30], однако разрешение на открытие действий учредители получили лишь в 1898 г. после многочисленных исправлений и дополнений в проекте документа [31]. Скорее всего, подобная скрупулезность властей была связана с частично просветительной направленностью объединения.

Таким образом, контролирующие органы старательно избегали вариативности уставов однотипных общественных объединений, чтобы не дать возможности для политических злоупотреблений со стороны их членов.

Также неохотно местная власть шла навстречу учредителям, желавшим организовать общество, «дублирующее» по своим целям и задачам уже существующие в данной местности объединения. 15 октября 1896 г. в письме членам Совета Императорского Человеколюбивого общества рязанский губернатор Брянчанинов объяснял свое нежелание поддержать ходатайство об учреждении Дамского Благотворительного кружка в г. Зарайске тем, что в этом городе уже имелись общества для пособия бедным и богадельни. Поэтому, по мнению Брянчанинова, не было «особой надобности в учреждении в г. Зарайске, незначительном по народонаселению, нового типа благотворительного общества, цель которого в общем совпадает с другими уже существующими в том же городе обществами, и которое поэтому могло бы повлечь уменьшение числа членов-

благотворителей в этих последних, что, в свою очередь, подорвало бы их материальные средства» [32].

С введением в 1897 г. нормальных уставов требование единообразия при составлении документов было закреплено законодательно. Кроме того, с этого момента и на протяжении последующего десятилетия значительно расширяются полномочия рязанского губернатора в деле открытия и контроля за работой общественных организаций.

Так, в октябре 1904 г. учредители Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в городском и приходских училищах г. Касимова обратились к рязанскому губернатору С. Д. Ржевскому с ходатайством об утверждении составленного ими устава. Губернатор, рассмотрев это прошение, через Касимовского уездного исправника вернул устав на доработку со следующими замечаниями: «Согласно циркуляру Департамента МВД от 12 декабря 1897 г. за № 11152, при котором приложен „Нормальный устав обществ вспомоществования нуждающимся учащимся“... губернаторам предоставлено право разрешать своею властью учреждение означенных обществ, если они принимают этот нормальный устав без всяких изменений. Ввиду сего и оказавшихся существенных отступлений от... нормального устава, канцелярия губернатора, просит... истребовать от учредителей названного общества согласие на исправление проекта устава и согласование его с нормальным» [33]. В результате учредители вынуждены были скорректировать проект устава, который был окончательно утвержден лишь в сентябре 1905 г., то есть почти год спустя после подачи первого прошения [34].

Тщательной проверке подвергались и организаторы добровольного объединения. В Государственном архиве Рязанской области сохранилась секретная переписка губернатора Брянчанинова с рязанским полицмейстером и уездным исправником по вопросу об учреждении Рязанского технического общества в 1900 г. В ответ на запрос губернатора 14 августа 1900 г. рязанский полицмейстер подготовил рапорт с данными об образовании и месте работы учредителей данного объединения, резюмировав: «Все эти лица, за исключением

Г. Гиллерштейна, который состоит под негласным надзором полиции, ... политически вполне благонадежны, осуществить предполагаемый к открытию кружок учредители его в состоянии, и к утверждению устава этого кружка никаких препятствий не встречается» [35].

Однако, не удовлетворившись этим, Брянчанинов 25 августа 1900 г. обратился к рязанскому уездному исправнику за дополнительной информацией «о личности, служебном и общественном положении», а также «политической благонадежности» тех организаторов, чьи персональные характеристики отсутствовали в отчете полицмейстера [36]. И лишь после получения подробного досье на каждого учредителя, губернатор принял решение о поддержке этого ходатайства перед министром внутренних дел [37].

По закону от 4 марта 1906 г. в Рязани (как и в других губернских центрах России) было создано Губернское по делам об обществах присутствие [38], куда вошли высшие чины губернской администрации (губернатор, вице-губернатор), представители судебных органов (председатель и прокурор окружного суда) и органов местного самоуправления (председатель губернской земской управы, городской голова, по одному гласному от губернского земства и городской думы, губернский предводитель дворянства).

Как уже отмечалось, в компетенции присутствия находились все вопросы, касавшиеся функционирования общественных организаций: открытие, утверждение устава и закрытие. Решение принималось большинством голосов, однако губернатор, как председатель присутствия, мог приостановить его исполнение вплоть до рассмотрения данного дела министром внутренних дел. Все делопроизводство Рязанского присутствия совершалось через губернаторскую канцелярию.

Губернатор также осуществлял посредничество в контактах между МВД и присутствием в обоих направлениях. Особенно интенсивно это взаимодействие с центром происходило на первоначальном этапе существования нового органа, когда закон об обществах начал проходить испытание практикой. Примечательно, что в сентябре 1907 г. в ответ на запрос МВД о недостатках, возникающих при

применении закона от 4 марта 1906 г., Рязанское по делам об обществах и союзах присутствие подготовило доклад, содержащий подробный анализ и ряд замечаний по данному вопросу [39]. В частности, одним из «недостаточно ясно изложенных» был признан пункт о количественном составе общественных организаций.

К сожалению, сохранилось не так много документов, дающих представление о внутреннем функционировании Рязанского присутствия. К ним, в частности, относятся журналы присутствия, в которых фиксировался ход заседаний этого органа и алгоритм рассмотрения вопросов. Как следует, например, из журнала совещания 13 марта 1908 г. по вопросу об утверждении устава «Общества вспомоществования бедным учащимся подготовительной школы для детей обоего пола и частного мужского учебного заведения 2-го разряда С. А. Мансуровой в г. Касимове», процедура регистрации началась с представления губернатором на рассмотрение собравшихся заявления учредителей (поименно) о желании образовать означенное объединение и проекта устава последнего. Далее члены присутствия подробно изучили содержание этих документов и выяснили, что «заявление учредителей общества вполне отвечает требованиям 22 ст. временных правил закона 4 марта 1906 г., и что представленный... проект устава общества точно и во всем согласован с утвержденным 12 июня 1881 г. Министером Внутренних дел уставом „Касимовского общества вспомоществования бедным ученицам Касимовской женской гимназии“» [40]. В итоге присутствием было определено: регистрацию нового объединения разрешить и внести в его реестр обществ и союзов, о чем послать соответствующие статьи для опубликования в «Сенатских Объявлениях» и «Рязанских Губернских Ведомостях». Затем об этом решении было объявлено под расписку уполномоченной от учредителей Софье Александровне Мансуровой, которой был также возвращен один из представленных экземпляров проекта устава общества «со сделанной на нем надлежащей подписью» [41].

Следует уточнить, что в данном случае мы видим уже окончательное рассмотрение устава общества Рязанским присутствием. Но этой процедуре

всегда предшествовала детальная проверка канцелярией губернатора информации об учредителях и направлении работы будущего объединения.

Алгоритм утверждения уставов добровольных объединений, как в период решения данного вопроса непосредственно губернатором, так и после введения в действие закона от 4 марта 1906 г., был одинаков: изучение представленного проекта устава, сравнение его с типовым (или прецедентным), принятие решения о регистрации общества или отказ в ней. Причем открытие присутствия по делам об обществах и союзах не привело к сокращению сроков рассмотрения прошений (хотя формально решение должно было приниматься в течение месяца с момента подачи заявления губернатору). Документы, как и прежде, часто подвергались исправлениям, что приводило к затягиванию процедуры утверждения бумаг на срок от нескольких месяцев до нескольких лет. А иногда организаторы и вовсе получали отказ.

Так, процесс регистрации Раненбургского литературно-музыкального общества занял больше года, в течение которого проект устава претерпел несколько редакций [42]. А отказы в регистрации из-за неправильно составленных уставов в 1911–1912 гг. получили, например, учредители Скопинского общественного всесословного собрания [43], Касимовского кружка любителей драматического и музыкального искусства [44], Егорьевского общества любителей лыжного спорта [45], Егорьевского общества распространения французского языка [46] и др.

Начальный этап рассмотрения ходатайства, как и до издания «Временных правил», состоял в изучении состава учредителей общественной организации, для чего привлекались полицейские органы. Если у власти возникали какие-либо подозрения в «политической неблагонадежности» объединения, учредители могли получить отказ в регистрации на основании «угрозы общественной безопасности». Тем не менее документы Государственного архива Рязанской области свидетельствуют о том, что губернская администрация в большинстве случаев предпочитала тщательно контролировать процесс создания и

функционирования объединений (даже вызывающих сомнения в лояльности), а не запрещать их совсем.

Например, проверка основателей Раненбургского литературно-художественного кружка дала неблагоприятный прогноз для существования будущего объединения, о чем свидетельствует письмо от 23 ноября 1910 г. за № 72 из канцелярии губернатора управляющему делопроизводством присутствия в ответ на обращение последнего: «...Лица, поименованные в означенном запросе, за исключением врача Александра Феофиловича Менчинского, по сообщению подлежащих чинов полиции, ни в чем предосудительном в политическом и нравственном отношениях не замечались, Менчинский же, по уведомлению Таврического губернатора, является политически неблагонадежным» [47]. Но несмотря на отрицательную характеристику одного из главных организаторов объединения, общество в итоге все-таки было зарегистрировано с резолюцией: «Без ограничений» [48].

Те объединения, которым по той или иной причине было отказано в утверждении устава, могли составить повторное ходатайство. После приведения проекта устава в соответствие с законодательством, организаторы могли вновь претендовать на регистрацию объединения. Рассмотрение нового прошения присутствием проходило на общих основаниях и в полном объеме.

Такая ситуация возникла у основателей Сапожковского общества правильной охоты. В первый раз прошение о регистрации было подано в марте 1910 г. [49], однако оно было отклонено из-за нарушений в уставе [50]. А в ответ на второе прошение, датированное 22 декабря 1910 г., губернатором было дано поручение полицейскому управлению объявить учредителям, что «о регистрации означенного общества они должны вновь возбудить ходатайство в порядке и с точным соблюдением ст. ст. 22 и 21 временных Правил об обществах и союзах закона 4 марта 1906 г.» [51].

Необходимо отметить, что далеко не все учредители, которым однажды было отказано в регистрации, решались на повторное рассмотрение дела. Так, организаторы Егорьевского общества распространения французского языка

оставили попытки после первой неудачи в апреле 1912 г. Об этом свидетельствует письмо Рязанского губернского правления в казенную палату (октябрь 1913 г.) о необходимости вернуть учредителям общества деньги (внесенные при оформлении документов) по квитанции от 16 февраля 1912 г. «ввиду того, что до сего времени учредителями этого общества не возбуждалось вновь ходатайства о регистрации общества по уставу, исправленному согласно указаниям присутствия» [52].

Процедура регистрации повторялась и в том случае, если добровольное общество хотело внести изменения или дополнения в уже утвержденный устав. Так, в октябре 1912 г. правление Егорьевского литературно-музыкально-художественного кружка (зарегистрирован 16 апреля 1912 г.) обратилось к властям с прошением о внесении в устав объединения примечания, касавшегося участия в его деятельности студентов высших учебных заведений с разрешения их учебного начальства [53]. На это было получено указание губернатора: «Согласно ст. 27 закона 4 марта 1906 г. об обществах и союзах в целях изменения действующего ныне устава кружка должно быть возбуждено ходатайство о новой регистрации кружка, причем учредители его обязаны в точности соблюсти все требования упомянутого закона» [54].

Повторную процедуру регистрации (в связи с обновлением устава объединения и переименованием) прошло и Троицкое семейное собрание. В журнале присутствия указывалось решение по данному вопросу: «Зарегистрированное постановлением Присутствия от 25 ноября 1909 г. Троицкое общественное семейное собрание закрыть и на основании 23 ст. закона 4 марта 1906 г. об обществах и союзах регистрацию Рязанского общественного семейного собрания разрешить, возложив на него все долги и обязательства Троицкого общественного семейного собрания» [55].

Нередко и сами правления объединений обращались в Присутствие за разъяснениями и справками по различным вопросам правового характера (на основании ст. 26 Отд. 1 Закона 4 марта 1906 г. присутствие в случае необходимости предоставляло информацию из своего делопроизводства). Так, в

1913 г., спустя три месяца после открытия своей деятельности, в Рязанское присутствие обратилось правление Данковского литературно-музыкально-художественного кружка с просьбой прояснить «какой возраст следует считать совершеннолетним при зачислении лиц членами литературно-музыкально-художественного кружка и могут ли вступать в члены кружка лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста» [56]. На специально созванном заседании члены присутствия обсудили этот вопрос и постановили довести до сведения руководства кружка, что по закону право участия в общественных объединениях могут получить только достигшие 21-летнего возраста [57].

К помощи присутствия (в том числе, после регистрации) прибегали и отдельные члены обществ, по тем или иным причинам вступившие в конфликт с руководством своего объединения или желавшие опротестовать решение общего собрания. Однако и присутствие, и губернатор, как правило, настаивали на самостоятельном разрешении внутренних споров участниками данного объединения и вмешивались в дело лишь в крайнем случае.

Например, в январе 1914 г. один из бывших членов того же Данковского литературно-музыкально-драматического кружка агроном Владимир Гоценбах обратился в Рязанское присутствие с просьбой выдать ему справку с разъяснением отдельных пунктов устава данного объединения [58]. Поводом стал спор просителя с правлением общества по вопросу о возобновлении участия Гоценбаха в деятельности кружка (спустя некоторое время после его заявления о выходе из последнего). Эта жалоба была передана присутствием на рассмотрение губернатора, который рекомендовал Гоценбаху вынести данный вопрос на обсуждение общего собрания членов организации и только в случае несогласия с их решением вновь обратиться к присутствию [59].

Похожая конфликтная ситуация сложилась в 1914 г. обществе торговых служащих. Рязанскому присутствию (в лице рязанского губернатора) поступила жалоба на правление данного объединения от исключенного из состава его членов Ивана Индюшкина. Последний просил разобраться в легитимности такого решения руководства общества, так как данный вопрос не числился на повестке

дня [60]. Губернатор отреагировал также, как и в случае с Данковским кружком. Он потребовал от председателя общества объяснений и предписал: «Вопрос об исключении из общества Индюшкина обсудить вновь в общем собрании членов общества с точным соблюдением существующих на это предмет требований устава общества» [61].

Одним из наиболее острых моментов во взаимоотношениях органов власти и общественных организаций был вопрос о возрасте членов. Несоблюдение требований закона учредителями (участие в общественных объединениях запрещалось несовершеннолетним, учащимся в низших и средних учебных заведениях) часто становилось причиной отказа в регистрации нового объединения.

Например, недостаточно четкое обозначение данных ограничений в регистрационных документах привело к получению отказов в утверждении уставов вышеупомянутых Егорьевского общества любителей лыжного спорта (в тексте проекта не было сделано оговорки о недопустимости несовершеннолетних к участию в деятельности общества) [62] и Скопинского общественного всесословного собрания [63]. В последнем случае претензии касались также отсутствия в документах запрета на вхождение в состав объединения учащихся высших учебных заведений.

Следует отметить, что решение вопроса об участии в добровольных обществах студенчества оставлялось на личное усмотрение губернаторов. Однако главы губерний очень осторожно подходили к данной проблеме из-за частого распространения революционных идей среди представителей указанной категории населения.

Отдельное внимание отводилось изучению целей общественных объединений, которые должны были четко формулироваться в уставе и не допускать двойственного толкования. Особо жесткой цензуре в этом плане подвергались объединения просветительной направленности — наиболее потенциально опасные в политическом отношении. Поэтому не случайно, что

именно общества данного типа часто получали отказ в регистрации, но, как правило, на основании формальных причин.

Так, в письме канцелярии рязанского губернатора директору народных училищ Рязанской губернии высказывалось сомнение в необходимости утверждения устава «Общества распространения грамотности и полезных знаний в Рязанской губернии». Среди причин называлось наличие в губернии достаточного количества школ грамоты и несоответствие устава данного общества нормальному уставу этого типа объединений [64]. Однако можно предположить, что такая резолюция во многом определялась недоверием к целям учредителей (часто вполне обоснованно) и стремлением властей пресечь возможность для политической пропаганды в рамках подобных организаций.

Такую же придирчивость власть проявляла к общественным объединениям профессионального характера, на базе которых зачастую работали подпольные революционные кружки (как показывал общероссийский опыт их деятельности).

Отказ в регистрации в 1912 г. получили учредители «Общества взаимопомощи лиц, служащих по вольному найму в частных и общественных учреждениях и предприятиях города Раненбурга». Претензии властей, отраженные в резолюции Рязанского присутствия по делам об обществах и союзах, касались двух основных моментов. Во-первых, ни в заявлении, ни в проекте устава не было указано рода занятий учредителей проектируемого общества. Соответственно, оставалось непонятным, были ли среди самих учредителей «лица, служащие по вольному найму в общественных учреждениях». Кроме того, нельзя было определить также, в каком порядке Закона 4 марта 1906 г. следовало регистрировать данное объединение — как добровольную общественную организацию вообще (1-ое отделение закона) или как профессиональное общество (2-ое отделение). Во-вторых, подозрения властей вызывал параграф 5 проекта устава, по которому в действительные члены общества принимались лица, служащие «в общественных и частных учреждениях и предприятиях». По замечанию контролирующих органов, «при такой редакции этого параграфа в члены проектируемого общества могут вступить: чиновник

общественного учреждения, швейцар, ночной сторож, рассыльный... таким образом состав упомянутого общества является крайне неопределенным, а потому и недопустимым» [65]. И в данном случае трудно не согласиться с критикой со стороны властей — подобная неясность в уставах действительно предоставляла учредителям широкое поле для злоупотреблений.

Особый интерес к регистрации профессиональных объединений на общегосударственном уровне виден также из требования МВД, отправленного в 1907 г. рязанскому губернатору. Суть его состояла в осуществлении присутствиями разных губерний согласованной деятельности в отношении регистрируемых обществ и союзов и усилении контроля над объединениями по профессиям: «Ввиду того, что Циркуляром департамента полиции, от 10 мая 1907 г. за № 72182, предложено губернским властям допускать действия профессиональных союзов с особою осмотрительностью, необходимо выяснить как порядок регистрации отделений названных союзов, так и все те условия, при которых возможно не допускать открытия их действий» [66]. В связи с тем, что в Рязанской губернии открывались преимущественно отделения московских обществ, предлагалось направить в столичный центр одного из членов Рязанского присутствия для обмена опытом по данной проблеме.

На одно из первых мест по степени «политической опасности» ставились также сельскохозяйственные объединения, осуществлявшие в том числе и узкоспециальную просветительную функцию. В письме МВД рязанскому губернатору В. А. Левашову 5 апреля 1909 г. содержалось предупреждение со ссылкой на рапорты полицейских: «...Представители крайних левых партий, помимо профессиональных союзов, обратили пристальное внимание на развивающееся в Империи в течение последних лет кооперативное движение, выражающееся в повсеместном образовании, на легальных основаниях, добровольных, самоуправляющихся и построенных на демократическом и трудовом начале союзов для достижения общих участникам этих хозяйственных союзов целей» [67]. Среди подобных союзов в послании указывались трудовые артели, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, а также

потребительские и сельскохозяйственные общества. В заключение губернатору предлагалось представить сведения о существующих в губернии объединениях данных типов, усилить контроль за их регистрацией, проводить проверки организаторов на политическую благонадежность и т. д.

Информируя о потенциальной опасности работы сельскохозяйственных обществ, Департамент полиции указывал даже один из способов внедрения революционеров в подобные объединения: «Неблагонадежные лица, осведомившись о возникновении того или иного сельскохозяйственного общества, немедленно стараются завязать сношения с ними под видом юрисконсультов, а заручившись выбором в члены общества, осуществляют затем в закрытых заседаниях его свои революционные планы...» [68].

Объяснимо, что, обладая подобными сведениями о фактах нелегальной деятельности в рамках общественных организаций, административные органы старались «перестраховаться» и не допустить проникновение в состав последних революционных элементов уже на начальном этапе существования новых организаций. Однако подобная «упреждающая» политика власти приводила к предвзятому отношению ко всем вообще учредителям объединений общественной инициативы. И несмотря на то, что большинство из них были все-таки далеки от политики, им приходилось преодолевать повышенное административное сопротивление при регистрации.

Другим важным направлением взаимодействия местной власти и добровольных объединений был текущий контроль администрации за деятельностью последних. Он включал ежегодные отчеты обществ перед губернатором и Министерством внутренних дел (либо профильным министерством), уведомление властей о собраниях обществ, а также получение разрешения на устройство публичных мероприятий (лекция, спектакль, и пр.).

Обязательное предоставление ежегодных отчетов (о составе, средствах и деятельности) представителям местной власти и соответствующему министерству было одним из основных условий для существования общества [69]. Невыполнение данного требования в течение двух лет являлось основанием для

закрытия общественного объединения. Губернская администрация также осуществляла мониторинг изданий обществ и материалов об их деятельности в печатных органах.

Министерства со своей стороны постоянно напоминали губернатору о необходимости контроля за регулярной отчетностью добровольных объединений, запрашивая подробные сведения о действующих и вновь появившихся обществах [70].

Внимательному изучению чиновников подвергались извещения о заседаниях общественных организаций. По замечанию С. Д. Степанского, «фактически можно говорить о предварительной цензуре повесток дня заседаний и текстов заслушиваемых докладов» [71]. Обществам не разрешалось включать в план собраний такую широкую формулировку, как «текущие дела» и обсуждать вопросы вне рамок их специализации [72].

Примером информирования о «дне, месте, часе и предмете» заседаний может служить письмо руководства Рязанского отдела Российского общества покровительства животным губернатору 28 августа 1903 г.: «Правление Отдела имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что 31 августа в 5.30 ч вечера в помещении канцелярии отдела (Маломещанская улица, д. Анненской) имеет быть общее собрание, программа которого при сем прилагается...» [73]. Здесь же перечислялись все 10 пунктов программы.

Наибольшую настороженность в отношении общественной безопасности у чиновников вызывали устраиваемые обществами публичные лекции и народные чтения. Известный общественный деятель эпохи Е. Д. Максимов с беспокойством отзывался о политике правительства в этом вопросе: «Большим стеснениям подвергались в последние два-три десятилетия всякого рода народные чтения, курсы, библиотеки... самый порядок открытия их и устройства... был обставлен такими трудностями и сложными хлопотами, что весьма многие учредители их, ознакомившись с предстоящими им мытарствами, отказывались от мысли устроить то или другое просветительное учреждение» [74].

Для проведения публичных лекций их устроители, согласно императорскому указу от 25 июня 1863 г., должны были получить соответствующее разрешение у попечителя учебного округа (Рязанская губерния относилась к Московскому учебному округу) по согласованию с губернатором. Причем мнение губернатора в таких случаях являлось решающим.

Это видно, например, из переписки помощника попечителя Московского учебного округа с рязанским губернатором по поводу ходатайства, полученного от правления «Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Рязанских гимназии и прогимназии», о разрешении профессору Московского университета графу Л. А. Комаровскому прочитать в 1900 г. в г. Рязани публичную лекцию «Англия и Трансвааль» (в пользу указанного общества). Чиновник в свою очередь обратился по данному вопросу к главе губернии: «Я, предварительно распоряжения по сему ходатайству, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не оставить меня уведомлением, не встречается ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к прочтению вышеозначенной лекции графом Комаровским» [75]. После положительного отзыва губернатора мероприятие было разрешено.

Еще более жесткому контролю подвергались народные чтения (для крестьян и рабочих). Вопрос об их организации также находился в компетенции попечителя учебного округа и местной власти и первоначально регламентировался правилами от 24 декабря 1876 г.

Так, 30 июня 1892 г. в ответ на письмо попечителя Московского учебного округа об учреждении в Рязани Общества публичных народных чтений (вместо устраиваемых временных народных чтений) последовала положительная резолюция рязанского губернатора. Однако последний одобрял существование нового объединения с рядом замечаний по отдельным параграфам устава: «...чтобы 1) §6 оного был дополнен примечанием, в силу которого на устройство литературных и музыкальных вечеров и утр, а также спектаклей, было каждый раз испрашиваемо особое надлежащее разрешение... и 2) чтобы г. Директор народных училищ, на обязанности которого лежит надзор за ходом народных

чтений,... каждый раз сообщал губернскому начальству программу предположенных чтений» [76].

Впоследствии, после того как 28 января 1901 г. были изданы новые правила о народных чтениях [77], решение данного вопроса было передано губернскому начальнику народных училищ и по-прежнему на основании отзывов со стороны губернатора и полиции.

То есть предварительная цензура осуществлялась по двум направлениям: попечитель учебного округа следил за содержанием лекций и чтений, а полиция по указанию губернатора проверяла благонадежность лекторов.

Например, в 1905 г. рязанскому губернатору пришло ходатайство Касимовского уездного комитета попечительства о народной трезвости «допустить к производству народных чтений нижепоименованных лиц, избранных лекторами в заседании комитета 28 января сего года, именно: священника с. Тумы Федора Дмитриевского, учительницу Скопинской церковно-приходской школы Серафиму Федоровну Дмитриевскую в здании Скопинской школы и учителя Ломакинской школы грамоты Федора Степановича Солдатова в здании этой школы» [78]. На основании запроса губернатора полицией было произведено расследование, которое показало, что все лекторы «благонадежны» [79]. После этого губернатор «нашел возможным допустить» лекторов к чтениям [80].

Разумеется, не все лекторы проходили проверку успешно. Так поданное в июне 1905 г. тем же Касимовским комитетом попечительства о трезвости прошение об устройстве чтений с участием уездного агронома В. П. Качкова, работника лесничества М. М. Миролубова и его жены Л. П. Миролубовой оказалось удовлетворенным лишь наполовину. Из донесения Касимовского уездного исправника рязанскому губернатору следовало, что супруги Миролубовы «либеральных воззрений, осуждают действия правительства относительно войны, способа ведения последней» и «свои воззрения они распространяли в среде народа» [81]. Такая характеристика «с места», несмотря на положительный отзыв полиции, вынудила губернскую администрацию

вынести заключение (надписанное от руки на полицейском отчете): «Миролюбковых не допускать» [82]. Что же касается личности Качкова, то по запросу губернатора: «не состоит ли уездный агроном Владимир Павлович Качков в каком-либо родстве с содержащимся в настоящее время в Касимовской тюрьме политическим арестантом, окончившим курс местного технического училища, Вениамином Тимофеевичем Качковым», был получен ответ уездного исправника, что последний приходится агроному двоюродным племянником [83]. Очевидно, посчитав такое родство дальним и не влияющим на благонадежность лектора, губернатор допустил Владимира Качкова к проведению чтений [84].

Либеральное отношение власти к организаторам чтений можно увидеть в случае с ходатайством в октябре 1905 г. Касимовского комитета попечительства о разрешении в числе других участников прочитать лекцию земскому врачу Михаилу Андреевичу Горюшину [85]. Губернатор дал согласие на участие Горюшина в народных чтениях, даже несмотря на справку из департамента полиции об активном «политическом прошлом» данного лица: «Лекарь Михаил Андреев Горюшин, будучи студентом Московского университета, за воспроизведение прокламаций преступного рабочего кружка и за участие в студенческих манифестациях в ноябре 1896 г., по Высочайшему повелению 4 февраля 1898 г. был выслан в Олонецкую губернию под надзор полиции на два года» [86]. Подобная «толерантность» власти была не такой уж редкостью в этот период (в соответствии с курсом С. Ю. Витте на «умиротворение общественности») и еще раз свидетельствовала о противоречивости и «субъективности» в принятии решений, касавшихся деятельности общественных организаций.

Общества были обязаны предварительно представлять подробную программу публичных акций. Обычно она использовалась в качестве документа для проверки местной администрацией и как анонс (афиша) для публики. Этим критериям соответствовала, например, программа литературно-музыкального вечера, организованного 19 марта 1900 г. Рязанским обществом устройства народных развлечений и посвященного памяти русских поэтов — Кольцова,

Никитина, Сурикова и Шевченко. В ней указывались авторы, исполнители и названия номеров (несколько стихов, романсов и лекция) [87].

Предварительной губернаторской цензуре подвергались также выставочные экспозиции и графические материалы, связанные с анонсированием публичных мероприятий обществ. В отчете Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанской мужской гимназии и реального училища Н. Н. Зелятрова за 1911–1913 г. отмечалось, что «Правление получило от Рязанского губернатора разрешение помещать на афишах, анонсах и других объявлениях общества о разного рода увеселениях и лекциях выработанный Правлением и исполненный художником Соколовым рисунок „Помогите учиться“» [88].

Разрешение местной власти требовалось и для таких форм публичной деятельности общественных организаций как спектакли, концерты, балы. Эти мероприятия также проводились только по согласованию с полицией [89].

За порядком и соблюдением заявленной программы на каждом массовом мероприятии следила полиция и уездные исправники, которые впоследствии отчитывались перед губернатором и докладывали обо всех нарушениях. Так, Касимовский уездный исправник сообщал губернатору о чтениях, организованных 20 апреля 1905 г. под руководством инженера Н. Н. Будаевского в местном Народном доме. В числе прочитанных произведений были: рассказ «Дружки» М. Горького, поэма «Мцыри» М. Ю. Лермонтова и трагедия А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». При этом наблюдатель указывал: «...Читалось это вопреки высланной программы и притом по окончании чтения пьесы М. Горького был показан публике портрет его, и О. К. Алексеева сказала несколько слов о Горьком как писателе и характере его сочинений, и пред чтением трагедии Толстого «Смерть Иоанна Грозного» Н. Н. Будаевский сделал по письменной выписке пояснение из истории Грозного, в которой охарактеризовал царствование Иоанна и развращающее влияние бояр на его воспитание...» [90]. За этим последовало обращение губернатора С. Д. Ржевского к правлению Касимовского комитета попечительства с требованием предоставить

объяснения по поводу произведенных чтений, а также сведения о личности лекторов [91]. Но в итоге после передачи комитетом всей необходимой информации данная проблема была снята [92].

Тщательно отслеживалась местной властью и возможность ухода лекторов в сторону политической пропаганды через тенденциозное изложение фактов в рамках декларируемой программы. Здесь уже требовалось не просто формальное сравнение пунктов заявленного и представленного публике материалов, а глубокий анализ их содержания.

Например, в марте 1913 г. по приглашению Егорьевского литературно-музыкально-художественного кружка приват-доцентом Московского университета Владимиром Ивановичем Пичетой в Егорьевской церковно-приходской школе была прочитана лекция «Экономический в России строй в конце XIX века». Получив соответствующий отчет о мероприятии, губернатор Александр Николаевич Оболенский потребовал от уездного исправника дополнительных объяснений «кому принадлежит здание, где помещается церковно-приходская школа, в которой читалась означенная в рапорте лекция, и было ли согласие учебного начальства на чтение этой лекции в стенах школы, а также не являлась ли сама лекция отражением мнений левых партий» [93]. В ответ егорьевский уездный исправник сообщил все необходимые сведения по организации лекции и заметил, что, согласно докладу его помощника (который присутствовал на мероприятии), лекция «хотя и содержала в некоторой своей части оценку финансовой системы прошлого столетия в России, но не является в общем отражением мнений левых партий» [94].

Отдельное внимание в отчетах исправников и полиции уделялось сведениям о полученных обществом доходах (и их трате), ведь увеличение денежных средств для стабилизации собственной финансовой базы или на нужды благотворительности было одной из главных целей (наряду с просветительной и развлекательной) проведения подобных общественных акций. Так, в одном из рапортов рязанского полицмейстера в 1896 г. на имя губернатора сообщалось: «Имею честь представить Вашему Превосходительству расписку казначея

правления Вспомогательного общества приказчиков Ворохобина в принятии денег 136 руб. 94 коп., вырученных... с музыкально-литературного вечера, устроенного 21 января в зале Благородного собрания...» [95]. Здесь же прилагался подробный финансовый отчет о потраченных и вырученных организаторами мероприятия суммах [96].

Представители власти могли запретить устройство публичной акции, если не видели в ней финансовой необходимости для данного общества. Например, в ответ на свою просьбу об организации беспроигрышной лотереи (на сумму 250 руб.) Совет Общества вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской гимназии получил отказ от губернатора (за подписью министра внутренних дел) с формулировкой: «Министерство внутренних дел... не признало возможным удовлетворить ходатайство... так как из представленных отчетов названного общества видно, что деятельность его заканчивается с ежегодным превышением доходов над расходами, и денежные суммы Общества, равнявшиеся к 15 августа 1898 г. 34298 руб. 1 коп., к 15-му августа 1900 года достигли 36022 руб. 20 коп. » [97].

Однако иногда чиновники даже содействовали руководителям добровольных объединений в проведении мероприятий с целью пополнения бюджета обществ, давали рекомендации для устранения препятствий юридического характера. Так, в марте 1914 г. руководство Рязанского общества торговых служащих для усиления средств объединения решило устроить платные курсы по бухгалтерии для своих членов, о чем и сообщило в органы полиции. Но рязанский полицмейстер усмотрел в подобном мероприятии нарушение устава означенного общества, так как документ не предусматривал возможности извлечения выгоды из акций, устраиваемых для участников объединения. По данному факту полицией был направлен рапорт в канцелярию губернатора для вынесения окончательной резолюции [98]. После предварительного рассмотрения дела служащими администрации губернатору был представлен доклад с рекомендацией оригинального решения проблемы: поскольку правительственный запрет на получение прибыли для профессиональных обществ распространялся

лишь на публичные мероприятия (а курсы для членов к таковым не относились) и в то же время добровольные объединения имели право принимать пожертвования, «общество вместо платных курсов для желающих своих членов может устроить бесплатные и заставить их слушателей сделать соответствующее пожертвование обществу» [99]. Поэтому, по мнению губернаторской канцелярии, «запрещать обществу устроить для своих членов и их семейств платные курсы представляется нецелесообразным» [100]. Губернатор со своей стороны согласился на такой вариант выхода из ситуации и дал соответствующие указания полиции [101].

Председатели некоторых общественных объединений также согласовывали с губернатором возможность принятия в свои ряды нового члена или избрания того или иного человека на руководящее место внутри организации (такие условия, как правило, были прописаны в уставах). Так, 1 сентября 1903 г. председатель Рязанского отдела Российского общества покровительства животным Муромцев отправил прошение губернатору: «На основании № 71 устава Общества покровительства животным имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство уведомить меня, не встречаете ли Вы препятствий у избранию участковым попечителем Отдела Алексея Матвеевича Якушева, живущего в городе Рязани, на Касимовке, в своем доме» [102]. По распоряжению губернатора личность Якушева была проверена жандармерией, Рязанским полицейским управлением и уездным исправником. После получения сведений о политической благонадежности данного лица, губернатор сообщил председателю Общества покровительства животным о своей согласии утвердить предложенную кандидатуру.

Общества, выходящие в своей деятельности за рамки устава, причислялись администрацией к категории «неблагонадежных». Современник эпохи И. А. Блинов в своем историко-юридическом очерке «Губернаторы» отмечал, что в данной области у губернатора была полная свобода действий, поскольку «понятие неблагонадежности абсолютно не определено — все зависит от точки зрения губернатора» [103].

В «зону особого риска» (как на этапе регистрации, так и в дальнейшем) попадали организации, ставившие своей целью просветительскую работу в народной среде. Так, 21 мая 1908 г. рязанский губернатор В. Левашов разослал уездным исправникам Рязанской губернии и полицмейстеру Рязани предписания: «Ввиду полученных мною сведений о том, что в последнее время некоторые из просветительских обществ и, в особенности «Общество народных университетов», направляют свою деятельность в сторону политической агитации и пропаганды, предлагаю местным исправникам и полицмейстеру иметь строгое наблюдение за деятельностью существующих во вверенных им районах просветительных обществ разных наименований» [104].

Под пристальным вниманием местной власти находилась также работа рязанских учреждений и заведений центральных обществ общероссийского масштаба, члены которых были уличены в сочувствии революционным настроениям и ведении политической пропаганды (в столице или других городах). Например, в 1909 г. проверке на региональном уровне подверглись лекционное бюро (организовывало лекции, подыскивало лекторов для чтений) и две комиссии Московского общества распространения технических знаний — библиотечная и по организации домашнего чтения, которые занимались подбором и рассылкой книг обращавшимся к ним учреждениям и частным лицам [105]. Были изучены контакты комиссий с рязанскими общественными учреждениями, в ходе чего выяснилось, что случаев сношений с московским отделом было немного, и они выразились в устройстве нескольких лекций «исключительно научного характера» [106].

Но следует отметить, что при безусловном наличии жесткого контроля за действиями общественных организаций из «опасной» группы в практике рязанских губернаторов не наблюдалось особых злоупотреблений законом.

Однако если деятельность общественной организации или ее учреждений приобретала политический характер, губернатор настаивал на их закрытии. Такая участь, например, постигла в 1908 г. Общество взаимопомощи приказчиков, на базе которого развернули революционную пропаганду рязанские социалисты. По

данным полиции, в помещении данного объединения устраивались лекции по истории и политической экономии «явно тенденциозного характера, граничащего с политической пропагандой» лицами «по своим политическим убеждениям придерживающимися воззрений левых партий» [107]. В отношении руководителей объединения (Николая и Василия Викторовича Шульгиных, Дмитрия Васильевича Иванова, Ивана Андреевича Ворохобина и председателя Петра Михайловича Рождественского) было произведено дознание [108]. В результате обыска в библиотеке общества были обнаружены книги антиправительственного содержания, в том числе «Манифест Коммунистической партии» [109]. Выяснилось, что в библиотеке было два каталога: официальный и секретный (содержащий нелегальную литературу), а ее заведующий Иван Иванович Слободской использовал помещение как явочную квартиру для партии эсеров. Более того, Слободской являлся руководителем подпольного «Рязанского общества помощи политическим ссыльным и заключенным» (в квартире Слободского были обнаружены печать и документация данного объединения) [110]. На основании всех вышеизложенных фактов начальник Рязанского губернского жандармского отделения попросил губернатора немедленно закрыть общество приказчиков и его заведения [111]. В итоге И. И. Слободской был выслан в Вологду [112], а клуб приказчиков был закрыт как учреждение, угрожающее общественному спокойствию города и оказывающее вредное влияние в политическом отношении на рабочих и учащуюся молодежь.

Примечательно, что через год на базе закрытого общества приказчиков возникло другое объединение — Общество торговых служащих во главе с тем же председателем — П. М. Рождественским (его причастность к революционной деятельности не была доказана и, кроме того, он оказал содействие следствию по делу Слободского [113]) и обновленным уставом [114], а членский состав нового объединения по большей части повторял таковой общества приказчиков. Таким образом, отсутствие политического преследования участников данных объединений со стороны местных властей говорит о более чем терпимом отношении последних к потенциально опасной ситуации.

В то же время отдельные общественные организации даже пользовались поддержкой местной власти, получали от нее финансовую помощь. К числу наиболее поощряемых направлений социальной активности относились попечительство и благотворительность. В этой сфере деятельность добровольных организаций, с точки зрения власти, была особенно полезной и политически лояльной. Среди таковых можно выделить: Попечительское общество о нищенствующих и бесприютных малолетних девочках г. Рязани, Общество попечения о бедных детях г. Рязани и объединения для помощи учащимся различных учебных заведений губернии [115].

В некоторых случаях учредителями объединения выступали органы местного самоуправления, как, например, это было в Егорьевске, где по инициативе городской думы было создано общество для пособия бедным [116]. Данное объединение подчинялось общим правилам, касавшимся добровольных объединений, но при этом пользовалось денежной поддержкой (в виде регулярного пособия) Егорьевской думы. Кроме того, Дума частично осуществляла организационный и финансовый контроль над объединением.

Нельзя также забывать о том, что в дореволюционной России были и привилегированные общественные объединения (о чем уже говорилось выше). Несколько десятков российских обществ носили титул императорских. Как отмечал С. Д. Степанский, их статус не был официально регламентирован, но «на практике он означал возможность обращения к императору, солидные субсидии, различные привилегии... и наконец, почтительное отношение администрации» [117]. В Рязани находился отдел Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты [118], отдел Императорского театрального общества [119] и др.

К особой группе организаций принадлежало Ведомство учреждений Императрицы Марии, Императорское Человеколюбивое общество, Общество Красного Креста и Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (отделы всех этих ведомств были представлены в Рязанской губернии). Они не были подчинены никакому министерству и представляли собой «особые

независимые благотворительные ведомства с полуобщественной, полу административной организацией» [120]. Позднее в ведении министерства финансов возникли попечительства о народной трезвости, также совмещавшие в себе административное и общественное начала.

Таким образом, участие в создании общественных организаций (особенно в области благотворительности и попечительства) принимали разные «уровни» общества, инициатива носила многосторонний характер — центробежный и центростремительный одновременно, а сами добровольные неполитические общества являлись точками идейного пересечения этих сил, «общественным компромиссом» между привилегированными слоями и народными активистами. В свою очередь подобная разница в «социальном происхождении» общественных объединений заставляла местные органы власти проявлять избирательность и дифференцированный подход при осуществлении контроля за организованной общественностью.

Важную роль в создании благоприятных условий для развития общественной инициативы играли также личные качества и мировоззрение губернатора. Период с конца XIX – начала XX в. пришелся на администрацию Н. С. Брянчанинова (1893–1904 гг.), крупного общественного деятеля и мецената. Будучи от природы человеком добрым и сострадательным, Николай Семенович посвятил свою жизнь благотворительной деятельности и добился в этой области таких успехов, каких не смог достичь ни один из его преемников на губернаторском посту. Его стараниями были открыты комитеты Общества Красного Креста в Пронске и Касимове, возобновила свою работу Община сестер милосердия, был организован рабочий дом для бедняков города, открыли свои действия «Рязанское общество исправительных приютов и колоний» и Приют для нищенствующих девочек. Как отмечали современники Брянчанинова, «в благотворительную деятельность Николай Семенович всегда искренне и бескорыстно вкладывал свою душу» [121]. Заслуги губернатора в социокультурной сфере подчеркивала и Рязанская ученая архивная комиссия, которая приняла его в свои ряды в качестве почетного члена. В 1904 г., когда

закончился срок службы Брянчанинова в Рязани, РУАК устроила ему торжественные проводы, сопровождавшиеся вручением благодарственного адреса. В отчете РУАК за 1904 г. говорилось: «Следует указать на тяжелую утрату, понесенную Комиссией по случаю оставления г. Рязани Н. С. Брянчаниновым. В звании неперменного Попечителя Комиссии Николай Семенович в течение многих лет оказывал ей громадные услуги постоянным покровительством всем ее начинаниям и вообще отзывчивым отношениям к ее задачам и деятельности» [122].

Последующие губернаторы не испытали на себе такого уважения и любви со стороны рязанской интеллигенции. Миротлюбивый, но нерешительный и слабохарактерный Сергей Дмитриевич Ржевский (1904–1905 гг.), убежденный монархист, продержался на своем посту немногим больше года и за это время заработал репутацию неудачника. Губерния была охвачена беспорядками — крестьянскими волнениями, еврейскими погромами, а самого губернатора общественность упрекала в попустительстве «черной сотне» [123]. Его преемник, обвиняемый своими современниками в беспринципности, — губернатор Владимир Александрович Левашов (1905–1910 гг.) был замешан в потакании коррупции и нарушении гражданских прав [124], законность его действий не раз подвергалась сомнению Министерством внутренних дел. По мнению некоторых исследователей, он «довел губернскую администрацию Рязани почти до хаоса» [125]. А губернатор Александр Николаевич Оболенский (1910–1914 гг.) обвинялся в превышении полномочий и давлении на представителей местных судебных органов.

При таких характеристиках вряд ли можно было бы ожидать от перечисленных представителей губернской власти больших уступок во взаимодействии с общественностью. Тем не менее их отношение к рязанским добровольным организациям отличалось достаточной толерантностью, а иногда даже сочувствием. Стремясь держать самодеятельные организации в жестких административных рамках, губернаторы в то же время охотно использовали объединенный общественный потенциал в традиционно «обделенной»

государственным вниманием сфере социальной защиты населения. К тому же, все губернаторы (согласно своему статусу) участвовали в том или ином общественном объединении на правах почетных членов.

Нельзя игнорировать и революционный контекст указанного периода (особенно начала XX в.), включавший террористическую деятельность эсеров-максималистов, с одной стороны, и подчас не менее разрушительную деятельность радикальных монархических группировок — с другой. Первая русская революция, поджоги и разграбления помещичьих усадеб, националистические акции, покушения на представителей власти всех уровней — все это вынуждало губернское руководство ужесточать контроль над общественной самодеятельностью. А с учетом поступавших от полиции сообщений о готовившихся радикальными революционерами убийствах самих рязанских губернаторов С. Д. Ржевского [126] и В. А. Левашова [127] реакция местной власти на любые проявления социальной активности в большинстве случаев выглядела вполне оправданной.

Вместе с тем деятельность рязанских революционных групп (пытавшихся, в том числе, использовать базу неполитических обществ в своих интересах) в значительной степени дискредитировала работу всех рязанских общественных объединений перед административными органами, заставляя последних с большим предубеждением относиться к неполитической общественной инициативе. Не зря историк и правовед конца XIX в. Б. Н. Чичерин, характеризуя механизм взаимодействия органов власти и общественности в период развития революционной борьбы, подчеркивал, что социалистическая пропаганда «открыла широкие двери реакции» и в результате последняя «...обратилась не только против гнилых соков, но и против самых здоровых элементов общества. Всякая независимая сила, всякая общественная самодеятельность считались опасными» [128].

В то же время противоречивая политика местной власти была свидетельством ее растерянности и утраты ориентиров в сфере административного контроля, вызванных революционным движением и

модернизацией политической системы страны (прежде всего, в результате Манифеста 17 октября 1905 г.). Несмотря на это, следует отметить сравнительно небольшую политизированность рязанских добровольных объединений и их довольно мирные взаимоотношения с органами местной власти.

1.3. Организационная структура, принципы функционирования и состав участников добровольных организаций

Вопрос о внутреннем устройстве рязанских общественных объединений и принципах их деятельности напрямую связан с нормативно-правовой базой обществ, отраженной в уставах. Несмотря на то что власти требовали от учредителей при оформлении документов соблюдать как можно более точное соответствие образцам, уставы региональных общественных объединений все-таки имели различия. Это, разумеется, в меньшей степени было характерно для однотипных объединений. А вот деятельность обществ разной специализации, согласно уставам, могла существенно варьироваться. Уставы одних организаций позволяли использовать довольно широкий круг способов достижения поставленных целей, уставы других значительно ограничивали число вариантов.

К первой группе можно отнести устав Рязанского общественно-педагогического кружка, включавший длинный перечень разнообразных прав и обязанностей его участников, в том числе: устраивать собрания членов для чтения и обсуждения докладов по теории и практике воспитания и обучения; проводить лекции, образовательные экскурсии, выставки, собрания научно-литературного и эстетического характера; содержать библиотеку-читальню с педагогической литературой, а также собственный музей и мастерскую наглядных пособий и др. [1]. Тогда как деятельность членов Рязанского музыкального общества могла осуществляться лишь в узких рамках заявленных в уставе направлений: устройство публичных музыкальных вечеров, концертов, оперных и музыкально-драматических представлений, а также собраний для камерной музыки [2].

Следует отметить, что именно второй вариант в силу высокой степени конкретизации, и, соответственно, поощрявшийся контролирующими органами, со временем получил наибольшее распространение в Рязанской губернии.

Среди других форм деятельности, характерных для большинства объединений различных типов (особенно филантропических), можно выделить также выдачу пособий своим членам и нуждающимся за пределами общества; устройство больниц, приютов, чайных, столовых и т. д.

Территория, на которую распространялись действия общества, также была строго обозначена в уставе и изначально зависела от целей учредителей, их материальных возможностей, количественного состава. География деятельности могла охватывать всю губернию, но чаще ограничивалась уездом или определенным участком населенного пункта.

В целом же работа добровольных объединений имела два основных вектора: во-первых, управление внутренними делами и руководство членами общества, пополнение состава участников, и, во-вторых, взаимодействие с населением обозначенного района деятельности.

Руководящими органами всех общественных организаций являлись общие собрания и правления (советы). Некоторые объединения имели филиалы (например, у Общества пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии было отделение в каждом уезде), а также создавали специальные комитеты и комиссии (постоянные и временные). Так, Рязанский общественно-педагогический кружок включал в себя четыре секции в соответствии с предметной специализацией членов-преподавателей [3], члены Рязанского спортивного общества были разбиты на три отдела по видам спорта [4], а Рязанский литературно-музыкальный кружок состоял из трех комиссий (театральной, литературной и музыкальной) [5].

Общие собрания, являвшиеся главной формой внутреннего функционирования объединения, могли быть текущими (обычными), годовыми и чрезвычайными. На обычных рассматривались текущие дела, на годовых представлялись итоговые отчеты и проходили выборы руководства, чрезвычайные собирались в исключительных случаях (например, для пересмотра устава или избрания членов Правления).

Некоторые объединения предельно подробно описывали компетенцию общих собраний в уставах объединений. Так, устав Егорьевского городского вольно-пожарного общества содержал список из более чем двадцати вопросов, подлежащих «непременному ведению» общих собраний, среди которых: установление времени года для созыва собраний; утверждение годового отчета,

составление сметы расходов на следующий год; определение числа членов Правления, ревизионной комиссии, а также сроков их избрания; избрание председателя, членов Правления, членов ревизионной комиссии, начальника команды, его помощника, начальников пожарных отделов и заведующего имуществом общества; увольнение от должности вышеуказанных лиц и т. д. [6].

Началом деятельности любого объединения было организационное собрание, на котором избирались руководящие органы и решались финансовые вопросы. Представление о процедуре его проведения дает, например, отчет спортивного общества о первом общем собрании 23 сентября 1912 г., опубликованный в газете «Рязанская жизнь»: «По открытию собрания был прочитан устав общества. Затем было приступлено к избранию председателя общества, его товарищей и десяти членов совета... Постановлено просить бывшее общество велосипедистов передать спортивному обществу свои средства, оставшиеся после его ликвидации.... В собрании была произведена предварительная подписка для устройства циклодрома и площадки для игр, давшая 130 рублей» [7]. Кроме того, на этом собрании был установлен размер членского взноса (5 руб.), избраны члены ревизионной комиссии, а действительных членов общества было решено разделить на три отдела (по видам спорта).

Необходимо отметить, что случаи возникновения нового общества на базе старого не были редкостью. Помимо спортивного общества, использовавшего при своем учреждении средства бывшего клуба велосипедистов, в Рязанской губернии насчитывалось немало организаций с длительной «общественной предысторией»: на смену Рязанскому обществу приказчиков пришло Рязанское общество торговых служащих, Рязанское общество врачей трансформировалось в Рязанское медицинское общество, из музыкальной комиссии Рязанского литературно-художественного кружка возникло Рязанское музыкальное общество и т. д. Поэтому часто организационные собрания подобных объединений представляли собой передачу эстафеты старым обществом своему молодому преемнику.

Преимственность проявлялась не только в отношении материальной базы, но и целей обществ, способов их достижения, членского состава.

Порядок проведения собраний (обычных, годовых, чрезвычайных) отражался в протоколах (подробное изложение) и журналах (более краткая форма фиксации хода мероприятия) заседаний обществ. Они позволяют вычленить алгоритм этой формы деятельности, характерный для всех общественных объединений: 1) представление и обсуждение докладов; 2) рассмотрение текущих (или экстренных) вопросов; 3) вынесение решений. Различие было лишь в тематике обсуждаемых проблем и сроках их решения.

Так, например, повестка годового общего собрания Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Рязанского реального училища Малашкина 4 декабря 1908 г. включала следующие пункты: рассмотрение отчета правления, доклада ревизионной комиссии и сметы за 1909 г.; выборы должностных лиц; избрание рязанского губернатора В. А. Левашова почетным членом общества [8].

А вот протокол текущего собрания Общества рязанских врачей 7 апреля 1897 г. свидетельствовал о преобладании в процессе обсуждения теоретических вопросов, что было характерно для научных и просветительных объединений. В частности, на заседании, наряду с решением организационных задач (пополнение библиотеки общества, принятие новых членов и др.), были сделаны доклады по санитарно-медицинским проблемам: «Сравнительная оценка воды из скважины у Собора, Симоновского и больничного колодцев» провизора К. Ф. Пинта и «К казуистике эмпиемы гайморовой полости» доктора А. Ф. Матвеева [9].

Примером более редкой формы внутреннего функционирования общественных организаций — чрезвычайного собрания было заседание членов общества для пособия бедным г. Егорьевска 30 ноября 1908 г. Причиной, по которой члены объединения были собраны в экстренном порядке, стала ситуация с одним из его участников. На одном из предыдущих заседаний «вследствие чисто фактических случайностей член Правления А. Н. Радугин, состоявший в нем с самого основания общества, бывши всегда из самых деятельнейших его

членов, оказался неизбранным вновь, будучи по баллотировке 10 из 21» [10]. Поэтому руководство, «не желая лишиться его содействия», предложило «увеличить число членов Правления тремя лицами и для избрания таковых назначить экстренное собрание».

А основанием для экстренного собрания членов Рязанского Общества исправительных приютов и колоний 2 февраля 1897 г., как объявил в начале заседания председатель, стала необходимость срочного решения следующих вопросов: «избрание Ревизионной комиссии и разрешение докладов Правления: о том с какого времени следует считать отчетный год по делам Общества и по вопросу об обеспечении Приюта общества помещением» [11].

Большое значение при проведении общих собраний имел вопрос о кворуме. Как правило, было достаточно присутствия $1/3$, а иногда и $1/4$ членов общества, живущих в районе его деятельности (необходимое количество указывалось в уставах). Это объяснялось значительным числом иногородних в составе объединений. Так, в журнале общего собрания Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой отмечалось, что на заседание 9 мая 1909 г. прибыло 26 из 90 членов, т. е. более $1/4$, что было достаточно для кворума [12].

Если нужного по уставу числа членов не набиралось, то заседание приходилось переносить. Например, с этой проблемой столкнулось Рязанское общество исправительных приютов и колоний: «Сего марта 1901 года назначено было, в 8 часов вечера, общее собрание членов... К половине десятого собралось только 23 члена Общества, т. е. менее одной трети живущих в Рязани членов Общества, каковое требуется по уставу для действительности постановлений, почему собрание признано не состоявшимся и вновь назначено на 9 марта 1901 г.» [13]. А собрание Вспомогательного общества приказчиков 8 декабря 1905 г., даже будучи объявленным чрезвычайным, переносилось три раза, но и в дальнейшем заседания объединения страдали от хронического отсутствия кворума [14].

Отметим, что подобная ситуация была особенно характерна для организаций, имевших многолетнюю историю (так, вышеупомянутое общество приказчиков в 1905 г. вступило в 11-й год своего существования). Активность членов, наблюдавшаяся на начальном этапе функционирования общества, с годами постепенно уменьшалась, и объединение либо продолжало действовать по инерции, либо вовсе закрывалось. Наряду с уменьшением посещаемости заседаний членами общества, сокращалось и число самих собраний (в 1904 г. общих собраний того же Общества приказчиков было всего три — два очередных и одно чрезвычайное [15]), а также количественный состав объединений. Примером последнего могут служить сведения из отчета Общества для пособия бедным г. Егорьевска за 1905 г. (7-й год работы): членский состав в этот период уменьшился на 37 человек и составил 387 членов [16]. Та же участь постигла и другое егорьевское объединение — Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в начальных школах, что следует из его отчета за 1905 г. (7-й год работы): «Дело общества падает, а не процветает. Доказательства упадка деятельности общества очевидны: число членов в 1902 г. было 86; в 1903 — 81; в 1904 г. — 65 и, наконец, в 1905 году только 49» [17].

Заседания обществ в большинстве случаев были закрытыми, на них допускались лишь члены данного объединения. Но некоторые организации практиковали и публичные собрания. Это было характерно для научно-просветительных и творческих обществ, которые в соответствии со своими целями стремились к максимально широкой популяризации деятельности.

Нередко именно принцип публичности становился предметом внутренних споров членов общественных организаций. В этом отношении показателен случай, отраженный в протоколе собрания Рязанского медицинского общества 13 февраля 1909 г. На требование председателя к посторонним лицам покинуть помещение член общества Г. И. Ростовцев заметил, что «он не понимает, почему настоящее заседание закрытое... в повестках имеется ссылка на § 39 устава общества, но желательно, чтобы к закрытым заседаниям прибегали как можно реже, а не расширяли этого параграфа. Всем, например, в городе известен тот

инцидент между врачами, который будет обсуждаться в заседании, в нем нет ничего особенного, поэтому не нужно было делать тайны» [18].

Для другого объединения — Рязанского литературно-художественного кружка — разногласия по данному вопросу явились причиной внутреннего раскола. Через два года после открытия кружка среди членов выделились сторонники изолированной деятельности и защитники идеи доступности для широкой публики всех начинаний объединения. Этот конфликт привел к постепенному угасанию кружка в 1911–1912 гг. [19].

Из этих примеров видно, что реализация принципа публичности в рамках общих собраний сталкивалась не только с внешними препятствиями, о которых уже упоминалось — контролем со стороны полиции и местной власти, их стремлением свести подобные мероприятия к минимуму, но и внутренними — отсутствием единого мнения по данному вопросу среди членов добровольных обществ, их недостаточной идейной сплоченностью.

Помимо проведения открытых заседаний, общества использовали и другой способ рекламы своей деятельности среди народных масс — публикацию отчетов и трудов. Отчеты общественных объединений размещались в местной периодической печати и издавались отдельными брошюрами. Так, на общем собрании Раненбургского литературно-художественного кружка 2 марта 1913 г. было решено начать выпускать ежегодник с обзорами деятельности объединения [20].

Что касается трудов, то эта форма издательской деятельности была характерна для научных обществ. Одно из самых «плодовитых» в этом плане Общество рязанских врачей за 34 года деятельности (1874–1908) издало 10 томов «Трудов» и опубликовало 160 докладов в разных специальных журналах (по хирургии, гинекологии, психиатрии и т. д.) [21].

Наряду с популяризацией начинаний общественных объединений издательская деятельность нередко преследовала и материальные цели. Так, в 1899 г. членами Рязанского общества устройства народных развлечений обсуждался вопрос об издании сборника статей для усиления средств

организации. В нем предполагалось поместить краткий очерк деятельности подобных обществ на Западе, историю русских обществ народных развлечений (в частности, рязанского), статьи по деятельности таких обществ в других губерниях, стихотворения и беллетристические произведения. Однако из-за организационных проблем создание этого сборника долгое время откладывалось, и судьба его так и осталась неизвестной [22].

Для привлечения публики общества анонсировали каждое свое массовое мероприятие в прессе [23]. В большинстве случаев афиши объединений не только информировали публику о времени и месте проведения акции, но и подробно описывали ее программу. Подобная педантичность являлась нормой, так как полностью соответствовала требованиям правительственной регламентации в данной области и в то же время дисциплинировала организаторов мероприятий перед аудиторией. Так, в афише Рязанского общества устройства народных развлечений были перечислены все вопросы, предполагаемые к рассмотрению в рамках публичного выступления: «Во вторник, 21 ноября 1900 г., в зале Рязанского благородного собрания, профессор Императорского Московского университета П. Г. Виноградов прочтет лекцию на тему „Накануне нового столетия“. Программа лекции: 1) Границы культурного мира в 1800 и в 1900 гг. Неизвестные страны. Дикая природа. Распространение европейской культуры. 2) Отношения между людьми; как путешествовали люди и как передавали сведения в начале XIX века. ... 6) Заключение: лучше ли люди, чем 100 лет тому назад? Счастливые ли они?» [24].

После проведения мероприятий, в свою очередь, в газетах печатались отчеты, рецензии критиков, отзывы участников. К примеру, Рязанское общество попечения о бедных детях поместило в прессе заметку о торжестве 4 января 1913 г.: «Комитетом общества... был устроен в училище общества праздник с елкой для детей, обучающихся в училище... После праздника каждый получил по 1 пакету со сладостями, яблоками, книжку или игрушку, порцию колбасы с белым хлебом... На оставшиеся деньги (113 руб. 17 коп.) Комитет приобрел обувь и

некоторые предметы одежды, и все это распределил между наиболее нуждающимися» [25].

С одной стороны, подобные отчеты в прессе обеспечивали дополнительную рекламу обществу и осуществляли «обратную связь» с населением, а с другой, для многих благотворительных организаций, к каким относилось и указанное объединение, это было одним из способов публичного выражения благодарности жертвователям за их помощь.

Наконец, одной из наиболее важных проблем во внутреннем функционировании общественных объединений было пополнение их материально-финансовой базы. Средства обществ складывались из членских взносов, пожертвований, прибыли от публичных мероприятий, ценных бумаг, имущества и других поступлений.

Самой успешной в финансовом отношении была деятельность организаций, занимавшихся обеспечением интересного и полезного досуга для широких народных масс — общественных собраний (клубов), обществ устройства общедоступных развлечений и попечительств о народной трезвости. Значительную часть их доходов составляла прибыль от игр и чайных. Деятельность подобных обществ, включавшая широкий круг публичных мероприятий (народные праздники, балы, литературные вечера, концерты и др.), всегда была очень популярна среди населения.

Например, Рязанское общество устройства народных развлечений уже на второй год существования (1900 г.) получало солидный доход от своих акций. Так, устройство в Ново-Александровской слободе катка и снеговых гор с оркестром обошлось Обществу в 385 рублей, а прибыль составила 243 рублей [26]. Еще более удачным в финансовом отношении стал организованный 22 января 1900 г. в зале местного Благородного собрания концерт при участии выдающихся артистов столичных театров и артистов-любителей, прибыль от которого достигла рекордной отметки в 1001 рубль [27]. О масштабах и популярности деятельности этого объединения можно судить по следующим данным: только за летний сезон 1899 г. общество успело устроить 30 гуляний,

которые посетило 27681 человек (при это на самом массовом из мероприятий присутствовало 2000 человек, а минимум посетителей равнялся 299 лицам) [28].

Материально успешной была и деятельность таких просветительно-досуговых организаций как общества трезвости. Они создавались для борьбы с алкоголизмом путем устройства чтений и бесед о вреде спиртных напитков, а также организации чайных, народных читален, народных домов. Общества трезвости получали от своих учреждений немалую прибыль и, как правило, их годовой доход значительно превышал расход. В отчете правления Рязанского общества трезвости за 1901 г. (второй год работы) указывалось, что приход составил 8669 руб. 23 коп., а расход — 8229 руб. 52 коп., то есть прибыль оказалась равна 439 руб. 71 коп. [29].

Но даже финансово успешные организации редко могли позволить себе такую статью расхода как строительство. Этим в основном занимались филантропические объединения, оперировавшие большими денежными суммами (от крупных частных пожертвований, пособий от органов местного самоуправления) и по роду деятельности вынужденные иметь помещения для своих подопечных (богадельни, приюты, столовые и т. д.). Одним из самых активных обществ-строителей было Благотворительное общество г. Рязани, владевшее несколькими заведениями [30]. Строительную деятельность, но в меньших масштабах, осуществляли Егорьевское общество пособия бедным [31], Общество пособия бедным детям г. Рязани [32] и др.

Большинство научно-просветительных обществ были более стесненными в средствах. Однако некоторые из них, помимо прочих источников дохода (членских взносов, пожертвований, выручки от публичных мероприятий и т. д.) нередко пользовались субсидиями губернской земской и городской управ. Так, в отчете Общественно-педагогического кружка за 1914 г. указывалось, что от данных учреждений было получено 1209,5 руб. и 200 руб. соответственно [33]. Пожертвованиями от земских управ пользовались и общественные объединения, оказывавшие помощь педагогам и учащимся.

Наибольшие финансовые трудности испытывали творческие объединения. Так, в 1913 г. расходы Егорьевского литературно-художественного кружка оказались почти равными доходам (1338 руб. 98 коп. и 1353 руб. 52 коп. соответственно), остаток на 1914 г. составил 14 руб. 54 коп., а долг достиг 450 руб. [34]. Похожая ситуация в 1913 г. сложилась и в Раненбургском литературно-художественном кружке: приход — 1333 руб. 48 коп., расход — 1262 руб. 62 коп., остаток на 1 января 1914 г. — 70 руб. 56 коп. [35]. Очевидно, что суммы, которыми располагали творческие организации, были ничтожно малы. В большинстве случаев доходы ненамного превышали расходы, но нередко получался и отрицательный баланс.

Положение этого типа общественных организаций усугублялось еще тем, что они часто не имели своего помещения и вынуждены были его арендовать. Корреспондент местной газеты с прискорбием сообщал о трудностях Раненбургского литературно-художественного кружка: «Собственного помещения у кружка до сих пор нет, и ему приходится ютиться в случайных помещениях — в клубе или в земском зале...» [36]. Член Рязанского Литературно-музыкально-художественного кружка В. И. Мордвинов (впоследствии председатель Рязанского Музыкального общества) в своих воспоминаниях сетовал: «Работать было чрезвычайно трудно из-за отсутствия помещения для хоровых спевков, сыгровок и репетиций. Приходилось пользоваться помещением Уездного съезда, столовой при винном складе и частными квартирами. Это приводило к расхолаживанию музыкантов и угрожающему понижению посещаемости» [37].

Но, несмотря на материальные проблемы, даже общества, не имевшие главной целью занятие благотворительностью, находили возможность оказывать помощь нуждающимся. Особую социальную самоотверженность демонстрировали творческие объединения. Например, Раненбургский литературно-художественный кружок устраивал благотворительные спектакли, праздники для бедных детей [38]; Рязанский литературно-художественный кружок организовывал вечера и концерты в пользу бедных учащихся рязанских

гимназий [39]; Рязский артистический кружок ставил спектакли в пользу местного дома трудолюбия [40] и т. д. А в период русско-японской войны многие социокультурные организации проводили благотворительные акции в пользу местных отделений Общества Красного Креста, русских воинов и членов семей погибших солдат — например, такие мероприятия в 1904 г. были организованы Скопинским кружком любителей драматического искусства [41], Михайловским кружком любителей драматического искусства [42] и др.

Интересен и тот факт, что благополучные в финансовом отношении объединения поддерживали малообеспеченных коллег по общественной деятельности. Так, Рязанское общество устройства народных развлечений предоставляло свой летний сад для мероприятий с целью пополнения касс Общества приказчиков и Вольно-пожарного общества [43].

Материальную помощь активно оказывали рязанские сословно-общественные объединения — Купеческое и Благородное собрания. Купеческим собранием выплачивались именные стипендии учащимся рязанских учебных заведений (училище Н. Д. Малашкина, Мариинская гимназия, гимназия Екимецкой) [44], делались пожертвования в пользу обществ помощи бедным: так, в 1909 г. на содержание приюта Попечительного общества о нищенствующим и бесприютных девочках г. Рязани было отпущено 50 рублей [45]). Поддержку благотворительно-попечительских организаций осуществляло и Благородное собрание.

Таким образом, несмотря на разницу материальных баз и целей, рязанские добровольные объединения чувствовали ответственность и находили возможность помогать не только отдельной категории населения в районе своей деятельности, но и друг другу, тем самым формируя единую многоуровневую филантропическую систему губернии.

Важным моментом при рассмотрении внутреннего функционирования общественных объединений является вопрос о членском составе — организаторах, участниках и руководителях. Деятельность первых начиналась еще до официального оформления общества. Они были центром, вокруг которого

постепенно объединялись единомышленники. Добровольные организации в большинстве случаев возникали из небольшой группы лиц, собиравшихся на частных квартирах для обсуждения тех или иных вопросов. Через некоторое время участники таких встреч решали зарегистрировать новое объединение.

Так, например, член одного из рязанских объединений З. А. Гиляровская рассказывала об учреждении Общественно-педагогического кружка: «Начало организации кружка было положено бывшим преподавателем гимназии Н. Н. Зелятрова Я. Р. Эртгардтом, который сумел организовать небольшую ячейку горячо сочувствующих появившейся идее. Из жизни группы, образовавшейся еще полгода назад, вырос кружок» [46].

По этому же принципу создавались и благотворительные организации. Согласно отчету Рязанского попечительного общества о нищенствующих и бесприютных малолетних девочках г. Рязани, формирование объединения началось осенью 1899 г., когда в городе образовался «кружок лиц, обративших внимание на детей — девочек, занимающихся нищенством». Вскоре активистами на собранные за счет добровольных пожертвований средства «в виде опыта» был открыт приют на 24 воспитанницы. По мере увеличения числа сочувствующих этой идее, «было признано целесообразным для дальнейшего поддержания столь полезного учреждения организовать общество, которое приняло бы на себя заботу о дальнейшем развитии этого доброго дела и управление открытым приютом» [47].

Сословно-профессиональный состав учредителей во многом определялся типом общественного объединения. Однако выявить качественные характеристики участников по каждому обществу из-за отсутствия сведений не представляется возможным. Нужно также учитывать тот факт, что подобные сведения (если они все-таки встречаются в документах), как правило, неоднородны, то есть отсутствует единый критерий для социальной классификации: в одном случае в информации об участнике указывается его сословная принадлежность, в другом — воинское звание, род занятий или

профессия, а в некоторых — даже семейный статус (преимущественно при описании лиц женского пола).

Наиболее пестрым был состав учредителей досуговых общественных организаций, таких как общественные собрания. Например, для Рязанского Общественного Всесословного собрания (всего 141 учредитель) этот список выглядел так: мещан — 60 человек, крестьян — 26 человек, купцов — 22 человека, почетных граждан — 6 человек, цеховых — 5 человек, учителей — 3 человека, дворян — 2 человека, а также один горнозаводской рабочий, правитель канцелярии Рязанского губернатора, секретарь Рязанской городской управы, коллежский советник, инженер, коллежский секретарь (сословная принадлежность и род занятий 11 человек не указывались) [48].

В составе учредителей Пронского Всесословного Общественного собрания преобладали чиновники низшего и среднего уровня (коллежские регистраторы, коллежские секретари, коллежские асессоры, титулярные советники) — всего 26 человек; другие сословно-профессиональные категории были представлены в меньшем количестве: 6 мещан, 4 почетных граждан, 3 потомственных дворян, 3 купца, 3 врача, 2 учителя, 1 техник-строитель, 1 агроном, 1 военный [49].

Разнородным был и состав учредителей другого объединения в сфере досуга — Рязанского спортивного общества. Описание участников его первого собрания 12 августа 1912 г. приводила газета «Рязанская жизнь»: «...здесь можно было видеть лиц разных социальных групп и профессий: встречались педагоги средних и низших учебных заведений, чиновники, архитекторы, техники, студенты, купцы, торговые служащие и пр.» [50].

По-другому обстояло дело в творческих объединениях, где основная часть учредителей принадлежала к интеллигенции [51]. В заметке об организации Егорьевского музыкального кружка говорилось, что «в состав кружка входят местные интеллигентные молодые люди» [52]. В списке учредителей Данковского литературно-музыкально-художественного кружка также преобладали представители интеллигенции: чиновники среднего и низшего звена — 6 человек (с тремя супругами), военные — 2 человека, преподаватели Данковской мужской

гимназии — 3 человека, купцы — 2 человека, 1 агроном (член Землеустроительной комиссии Рязанской губернии), 1 крестьянин и др. [53]

Самым однородным был состав организаторов научно-просветительных и профессиональных объединений — он включал только представителей соответствующей специализации (см., например, Устав рязанского фельдшерско-акушерского общества [54]).

А вот учредителями благотворительных обществ в большинстве случаев являлись дворяне, купцы и духовенство, то есть те социальные категории, которые имели материальные возможности для оказания помощи нуждающимся и в то же время традиционно включали филантропию в зону своей моральной ответственности.

Преобладали дворяне и среди учредителей сельскохозяйственных обществ, что объяснялось их заинтересованностью в существовании данных объединений как главных землевладельцев. Так, в состав членов-учредителей Зарайского общества сельского хозяйства входили: 4 дворянина, 3 купца, 1 крестьянин, 1 агроном, 1 секретарь земской управы, 1 генерал-майор [55].

Членский состав общественных организаций включал несколько категорий: действительные члены (основная часть участников), почетные члены, пожизненные члены, члены-учредители, члены-соревнователи, члены-корреспонденты и члены-посетители. Такое деление не было обязательным для всех объединений, и чаще всего в их составе выделялись только первые три группы. Все члены выбирались на общих собраниях.

Основную категорию составляли действительные члены. Требования к лицам, желающим вступить в их ряды, были различными в зависимости от типов общественных организаций. Наименее трудными были условия вступления в благотворительные общества. Они могли включать в свой состав неограниченное число лиц «всех званий, состояний и вероисповеданий» [56].

Наряду с этим существовали объединения, чей состав был ограничен профессиональным цензом — например, в Рязанское общество врачей могли вступать лишь врачи и провизоры, состоявшие на службе в Рязанском губернском

земстве [57]. Некоторые общественные организации имели ограничения по гендерному признаку — в Рязанский технический кружок не предполагалось допускать лиц женского пола [58], а действительными членами Рязанского общества взаимопомощи женщин, соответственно, не могли стать мужчины [59]. Для членов научных объединений необходимо было иметь соответствующее образование или обладать ученой степенью. Фактором, осложнявшим доступ в членство некоторых общественных организаций, мог также служить размер членского взноса — так, сумма взноса в Рязанском обществе охотников, равнявшаяся 30 руб. в год [60], была приемлема отнюдь не для всех желающих.

Иногда для вступления в общество была необходима рекомендация нескольких действительных членов. Например, в уставе Рязанского общественно-педагогического кружка указывалось: «Лица, желающие вступить в число членов подают об этом письменное заявление в Совет с рекомендацией двух членов кружка; Совет принимает их закрытой баллотировкой» [61]. Такая политика позволяла уже на начальном этапе отсеивать «случайных» людей.

С введением Положений 1897 г. (о «нормальных» уставах) в нормативно-правовых документах всех типов объединений появился обязательный пункт о том, что их членами обществ не могли быть: состоявшие на действительной военной службе низшие чины и юнкера, несовершеннолетние (за исключением имеющих классные чины), подвергшиеся ограничению прав по суду. Тем не менее некоторые общества принимали в свой состав несовершеннолетних, но лишь на правах членов-соревнователей и с разрешения родителей. Они не имели права голоса в общих собраниях и не могли избираться на должности в обществе [62].

Звание почетного члена присваивалось в знак благодарности за особые заслуги, достижения или пожертвования. Например, в Рязанском вольно-пожарном обществе претендовать на причисление к этой категории могли «лица, сделавшие в пользу общества денежное или иное полезное для предприятия пожертвование, а также и вообще выдающиеся деятели по пожарному делу» [63], а в Рязанском обществе устройства общедоступных развлечений — «лица,

оказавшие особенно важные услуги обществу или сделавшие значительные пожертвования в пользу общества» [64]. В отличие от действительных почетные члены не платили взносов и имели право решающего голоса в собраниях.

Стремясь заручиться поддержкой местной власти и повысить свой статус, общества часто избирали почетными членами губернаторов или членов губернской администрации (это требование часто прописывалось в уставе объединения). Так, губернатор Н. С. Брянчанинов являлся почетным членом Благотворительного общества г. Рязани, Рязанской ученой архивной комиссии, Общества для пособия бедным г. Егорьевска, Рязанского общества трезвости; губернатор В. А. Левашов — почетным членом Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Рязанского реального училища им. Н. Д. Малашкина и Общества вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии; губернатор А. Н. Оболенский и вице-губернатор В. А. Колобов — почетными членами Рязанского спортивного общества и т. д.

Другой привилегированной категорией были пожизненные члены. Ими становились люди, внесшие единовременно большую сумму в пользу общества. Например, в собрании Общества вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии было отмечено, что член общества А. И. Орфенов сделал взнос в размере 100 руб. и, согласно §4 устава общества, был признан пожизненным членом [65].

Члены-корреспонденты были характерны для научных организаций. Они занимались исследованиями или обеспечивали информационную поддержку. С течением времени члены-корреспонденты могли перейти в категорию действительных членов. Деятельность членов-соревнователей заключалась в оказании материальной помощи общественному объединению. А в творческих объединениях встречалась категория членов-посетителей — они участвовали в музыкально-драматических мероприятиях обществ, но не имели права решающего голоса в общих собраниях.

Помимо этих категорий членов, избравшихся на общих собраниях, в некоторых организациях существовали так называемые «непременные» члены. Это касалось объединений, оказывавших помощь бедным учащимся. Непременные члены назначались из числа местных чиновников министерства народного просвещения и представителей (директоров и преподавателей) тех учебных заведений, над которыми устанавливалось попечительство. Например, такие члены входили в состав Общества вспомоществования учащимся в низших учебных заведениях г. Рязани [66], Общества для вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище [67] и др.

Сословный состав членов общественных объединений (как и учредителей) определить крайне сложно из-за недостатка информации. Но скорее всего, он в общих чертах соответствовал списку организаторов данных учреждений, так как после регистрации объединения члены-учредители автоматически становились действительными членами.

Что касается количественного состава общественных объединений, то он был различным. Наиболее крупные объединения Рязанской губернии в период расцвета деятельности насчитывали до нескольких сотен членов. Так, Общество для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии, имевшее филиал в каждом уезде, к 1 января 1909 г. объединяло в своем составе 1227 человек [68], Общество для пособия бедным г. Егорьевска в 1905 г. — 387 человек [69], Общество торговых служащих в 1913 г. — 272 человека [70]. Наряду с этим существовали небольшие объединения, число членов которых не превышало сотни — например, в состав Благотворительного общества г. Рязани в 1907 г. входило 53 человека [71].

Численность общественных организаций зависела от возраста объединения, организаторских способностей его руководства, востребованности мероприятий общества среди широких слоев, масштаба целевой аудитории. Кроме того, некоторые общественные объединения в уставном порядке ограничивали число членов (например, число действительных членов Рязанского и Пронского Всесословных собраний не должно было превышать 150 человек [72]).

Деятельность общественного объединения направлялась его правлением. В его состав входило от 5 до 12 человек (председатель, товарищ председателя, казначей, секретарь и еще несколько членов). Члены правления избирались закрытой баллотировкой на общих собраниях на определенный уставом срок (чаще всего, на 1 год). Одновременно с этим на случай смерти или болезни членов правления проводились выборы кандидатов на их должности.

Выборы правления являлись одним из важнейших моментов во внутреннем функционировании объединения. Как и при отборе почетных членов, на эти должности стремились привлечь наиболее авторитетных людей в Рязанской губернии. Например, во главе Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии стояли видные общественные деятели и чиновники — губернский предводитель дворянства Л. М. Муромцев (председатель правления), бывший и действующий директор народных училищ М. Н. Кормилицын и А. В. Драницын, инспектор В. В. Баренов, председатель губернской земской управы А. В. Алянчиков, директор Учительской семинарии В. Н. Екимецкий, инспектор Н. И. Высотский, советник губернского правления В. М. Полянский [73].

Однако ориентация исключительно на статус руководителя иногда приводила к тому, что в правлении оказывались далекие от специализации объединения люди. Такая ситуация возникла на первом собрании Рязанского Музыкального общества: «...Некоторое недоумение вызвало избрание на место председателя М. Н. Тарачкова, не имевшего к музыке ни малейшего отношения. Это объяснялось тем, что нужен был находчивый администратор, а Тарачков к тому же представлял заметную для Рязани фигуру» [74].

В обязанности правлений добровольных объединений входило: распределение функций между членами; забота об увеличении средств общества и достижении его цели; заведование имуществом и капиталами общества; контроль над своевременным поступлением членских взносов; созыв общих собраний и приведение в исполнение их постановлений; составление финансовых

отчетов; сношение с надлежащими органами власти; наблюдение за исполнением устава и т. д.

Деятельность правления, как правило, была безвозмездной, но некоторые общественные объединения предполагали возможность оплаты труда должностных лиц. Например, пункт о передаче решения по данному вопросу на усмотрение общего собрания содержится в уставе Рязанского общества торговых служащих [75].

Число заседаний правления зависело от направления деятельности общества, его масштаба и объема текущих дел. Так, правление Общества устройства народных развлечений в период с 25 февраля 1900 г. по 25 февраля 1901 г. имело 20 заседаний [76], правление Рязанского Благотворительного общества в 1908 г. — 6 заседаний [77], правление Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой в том же 1908 г. — всего 2 заседания [78].

Одной из приоритетных задач правления любой добровольной организации было пополнение бюджета общества. В отчетах правлений объединений всех типов эти вопросы всегда находились в центре внимания — ведь без хорошей материально-финансовой базы невозможно было устраивать публичные мероприятия, оказывать помощь нуждающимся, заниматься строительством. Об усилиях и разнообразии методов руководства по привлечению средств свидетельствует, например, отчет правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанской мужской гимназии и реального училища Н. Н. Зелятрова. Согласно ему, за период с 1 июля 1911 г. по 1 января 1913 г. правлением было организовано несколько лотерей, 1 лекция, 2 сеанса кинематографа, 2 семейных вечера с елкой, спектакль и концерт. Все это принесло совокупный доход свыше 2,5 тыс. руб. Кроме того, правление обращалось с воззваниями к родителям учеников, членам общества и посторонним лицам, а также с ходатайствами к разным учреждениям. Как отмечалось, существенная помощь была получена от Рязанского губернского

земства (800 руб.), от Рязанского уездного земства (50 руб.), частных пожертвований (100 руб.) [79].

Контроль над деятельностью правления осуществляла ревизионная комиссия. Ее члены изучали финансовые документы (приходно-расходные ведомости, банковские счета и т. д.) и представляли свое заключение на ежегодном общем собрании. В большинстве случаев резолюция ревкомиссии была положительной и содержала типичную формулировку о правильности ведения руководством финансовой документации [80]. Однако были и исключения. Так, в результате ревизии финансовой деятельности правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанской мужской гимназии и реального училища Н. Н. Зелятрова за 1907–08 гг. был выявлен ряд нарушений: «при проверке кассовой книги... замечено, что суммы, представляющие собою неприкосновенный капитал общества, не выделены в этой книге особой графой», «правление, употребив неприкосновенный капитал на покупку вещей для лотереи, поступило неправильно и нарушило §11 Устава общества», «по устройству лекции г. Иванова некоторых счетов, служащих оправдательными документами не имеется, а по устройству спектакля совершенно ни счетов, ни прочих документов в делах Правления не имеется...» [81].

Наряду с решением финансовых проблем правления занимались широким кругом организационных вопросов и делопроизводством, а также выполняли представительские функции при взаимодействии с правительственными и общественными учреждениями [82]. Для тщательного изучения и последующего решения особо важных проблем правлением создавались специальные комиссии (временные). Например, в Рязанском обществе врачей в 1898/99 гг. работало сразу несколько комиссий: для выработки нового устава общества, для упорядочения библиотеки общества, для разработки вопроса об устройстве публичных лекций, для организации приемного покоя при общине сестер милосердия в Рязани, для постройки «заразного барака» при Скопинской земской больнице [83]. Подобная внутренняя специализация позволяла конструктивнее и быстрее решать текущие

и «чрезвычайные» вопросы, эффективнее использовать личный (научный, творческий, организаторский) потенциал членов объединения.

Таким образом, несмотря на разную целевую направленность, статус, количественный и качественный состав, аудиторию и масштаб деятельности добровольных организаций Рязанской губернии, принципы их устройства и функционирования имели много общего как внутри одного типа объединений, так и между обществами разной специализации (что, разумеется, не дает представление о специфических условиях и формах работы каждого из них в отдельности). Данное единообразие было результатом жесткой правительственной регламентации существования добровольных ассоциаций и мер органов власти по упорядочению общественной самодеятельности с целью создания единой системы социальной инициативы, комплементарной механизму правительственного контроля. В то же время разнообразие социальной базы добровольных организаций, отражавшее общую тенденцию к стиранию сословных границ в эпоху модернизации, дало возможность наиболее прогрессивным представителям рязанской общественности (различных «чинов, званий и капиталов») консолидировать свои усилия на единой основе для успешного решения социокультурных проблем.

Глава 2. Участие легальных общественных объединений Рязанской губернии в организации социальной защиты населения и обеспечении безопасности рязанцев при чрезвычайных ситуациях

2.1. Рязанские благотворительные и попечительские общества

Наиболее многочисленными и поощряемыми местными властями категориями общественных организаций в Рязанской губернии на рубеже XIX–XX вв. были благотворительные и попечительские. Необходимость в них объяснялась недостаточным финансированием социальной сферы со стороны государства. Дореволюционная система общественного призрения и частной филантропии Российской империи была довольно разветвленной и аморфной, отличалась структурно-функциональным разнообразием сегментов и включала несколько независимых групп учреждений, относящихся к разным ведомствам (приказов общественного призрения, «особых» ведомств, органов местного самоуправления и др.).

Нельзя не упомянуть и об отдельной большой группе благотворительных и попечительских обществ духовного ведомства (хотя они не являются предметом данного исследования), игравших весьма существенную роль в системе социальной помощи нуждающимся, особенно в провинции. Этот вид общественной деятельности, органически связанный с христианским мировоззрением и духовно-нравственной традицией сострадания к обездоленным, являлся одним из наиболее приоритетных для церковного руководства и находился под его пристальным вниманием. Свидетельством этого, например, служит крайне негативная, но во многом справедливая, реакция обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева на то, что представители церкви не были включены в комиссию К. К. Грота по модернизации законодательства об общественном призрении в 1892 г. [1], и на появившиеся в этот же период критические замечания министра внутренних дел о недостаточной эффективности работы благотворительных учреждений религиозной направленности (хотя, по признанию последнего, их количество в несколько раз превышало число всех остальных учреждений подобного рода). В записке Победоносцева к проекту

МВД (21 октября 1898 г.) говорилось: «...ввиду закона 2 августа 1864 г. о приходских попечительствах при православных церквях, в этой комиссии [Грота] должен бы присутствовать и представитель духовного ведомства, хотя бы для доставления ей точных справок и основательных объяснений тех исторических и общественно-бытовых данных, касающихся приходской благотворительности, не принимая во внимание которых едва ли можно было иметь правильное суждение о ней, а тем более осудить ее и названный закон... Проектированное же ею „Положение об общих основаниях общественного призрения“ не может не коснуться жизни православного прихода, притом разрушающим образом» [2]. Важно подчеркнуть и тот факт, что многие представители духовной интеллигенции плодотворно работали в рамках светских филантропических объединений.

В целом все рязанские благотворительные объединения (преимущественно светской направленности) можно условно поделить на две категории: 1) местные общества и попечительства, преследовавшие общие цели поддержки нуждающихся (общества помощи бедным) или специальные цели (оказание помощи бедным учащимся и педагогам, определенной категории неимущих, а также осуществление какого-то определенного вида благотворительности); 2) филиалы центральных учреждений и обществ, имевших полуадминистративный, полуобщественный статус (отделения Российского Общества Красного Креста, Российского Общества Белого Креста, Императорского Человеколюбивого общества, Ведомства учреждений императрицы Марии и др.) Почти все общества содержали какие-либо благотворительные заведения — богадельни, детские приюты, дома трудолюбия, ночлежные приюты, столовые и т. д.

В конце XIX в. в России насчитывалось 2750 частных благотворительных обществ [3]; в Рязанской губернии в этот период их число составляло около 14 [4], а в начале XX в. — примерно 24 [5].

Одним из самых крупных и старых было Благотворительное общество в г. Рязани, учрежденное в 1864 г. и находившееся в ведении Императорского Человеколюбивого общества. Особенно успешной деятельностью объединения

была в конце XIX в., когда место председателя (в 1882 г.) заняла Екатерина Николаевна Муромцова. В это время были открыты основные заведения общества — богадельня для престарелых женщин и «Работный дом», а капитал общества за 12 лет ее руководства возрос в три раза (с 21962 руб. в 1882 г. до 63126 руб. в 1894 г.) [6]. Всего во главе общества Е. Н. Муромцова пробыла 15 лет.

В соответствии с заявленной в уставе целью, деятельность Благотворительного общества г. Рязани заключалась в следующем: размещении малоимущих престарелых женщин в богадельнях общества; выдаче ежемесячных и единовременных денежных пособий нуждающимся; оплате обучения детей бедных родителей в учебных заведениях; определении беднейших детей на полное содержание в приюты; снабжении бедняков одеждою и другими предметами первой необходимости [7].

Так, в отчете за 1897 г. говорилось, что денежные расходы за данный период включали три направления: 1) единовременные пособия, 2) ежемесячные пособия, 3) пособия для воспитательно-образовательных целей.

Первая статья расходов — выдача пособий лицам, «в силу обстоятельств вынужденным прибегнуть к помощи благотворительности, или малоимущим, пользующимся поддержкой общества время от времени в дополнение к своему скудному заработку» — выразилась в сумме 189 руб. 30 коп. [8].

Вторая категория нуждающихся, находящихся под опекой общества в 1897 г., состояла из лиц нетрудоспособных, не имеющих жилья, пожилых и не имеющих родственников. На ежемесячной пенсии состояло 43 семьи, каждая из которых получала от 1 до 5 рублей (всего за год 1041 руб.) [9].

Третье направление заключалось в пособиях на содержание в учебных заведениях малолетних сирот и детей из бедных семей: в 1897 г. было израсходовано 1007 руб. 30 коп. на стипендиатов общества в Александровском детском приюте, в Епархиальном женском училище, в Мариинской женской гимназии и в школе кройки [10].

Кроме того, общество помогало бедным вещами и одеждою, раздача которых была обычно приурочена к праздникам — Пасхе и Рождеству. А также

оказывало помощь рязанцам, пострадавшим от стихийных бедствий (наводнения, пожаров и т. д.). Например, согласно постановлению Комитета Общества от 30 октября 1908 г. было выделено 200 рублей на единовременные пособия крестьянским семьям Рыбацкой и Кальной слободы, пострадавшим от наводнения (всего 26 человек) [11].

Общество вело собственное строительство. На средства объединения было построено несколько богаделен, названных в честь выдающихся членов и крупных жертвователей. В 1908 г. в ведении общества находилось 7 «именных» заведений — богадельни имени Е. Н. Муромцовой, И. В. Трескина, Х. П. Лобанова, А. Н. Зыбиной, К. А. Ковыляевой, Е. Д. Донской, Ф. Т. Смирнова [12]. Примечательно, что к помощи этих заведений прибегали лица разного сословного происхождения. В отчете общества за 1893 г. указывалось, что в богадельне содержались 22 женщины, из которых 3 дворянки, 6 мещанок, остальные — крестьянского и прочих сословий [13].

Средства общества пополнялись из разных источников: пожертвованных благотворителями капиталов и процентов с них, членских взносов, сборов при устройстве благотворительных вечеров, субсидий от губернского земства, пожертвований деньгами и вещами от частных лиц [14].

Как уже отмечалось, наиболее активной и финансово успешной деятельность объединения была в период руководства Е. Н. Муромцовой (1882–1897). В это время ежегодный приход в среднем на 2000–2500 руб. превышал расход. Например, в 1893 г. в кассу общества поступило 7739 руб. 40 коп., было израсходовано 4950 руб. 74 коп., капитал общества составил 63126 руб. 56 коп. [15]. В последний год нахождения Е. Н. Муромцовой во главе общества приход составил 11356 руб. 5 коп., расход — 10696 руб. 6 коп. [16].

С течением времени общество снизило свои обороты. Это видно по ежегодным отчетам: в 1898 г., когда председателем общества стала Полина Сергеевна Шеншина, общий доход (5475 руб. 13 коп.) составил меньше, чем общий расход (6502 руб. 12 коп.), а капитал общества равнялся 72200 руб. [17]. За последующие 10 лет общество хотя и увеличило свой капитал — в 1908 г. он

вместе со стоимостью недвижимого имущества равнялся 94540 руб. 13 коп. [18], однако не так значительно, как в «золотые годы»: по общим подсчетам за 15 лет управления Е. Н. Муромцовой капитал вырос на 50 тыс. руб.

В 1898 г. общество из-за нехватки средств вынуждено было отказаться от содержания Работного дома, который еще в 1893 г. был передан в заведование объединения по предложению губернатора Брянчанинова [19]. Было принято решение о необходимости организации отдельного общества, которое бы взяло Работный дом в свое личное управление [20].

Постепенно деятельность общества все более ограничивалась управлением богадельнями. Значительно меньше внимания стало уделяться другим заявленным в уставе целевым направлениям — поддержке бедных учеников, единовременной помощи неимущим вне заведений и т. д.

Членский состав в начале XX в. также менялся в сторону уменьшения. Если в 1897 г. в обществе состояло 62 члена (19 почетных, 16 пожизненных, 27 действительных) [21], то в 1908 г. — 51 (18 почетных, 15 пожизненных, 18 действительных) [22]. В качественном отношении состав был традиционным для подобного типа объединений — дворяне, купцы и духовенство.

Не менее известной благотворительной организацией Рязанской губернии на рубеже XIX–XX вв. было Егорьевское общество для пособия бедным. Устав общества был утвержден 16 июня 1898 г. [23], а действия оно официально открыло 13 сентября 1898 г. [24]. Возникновению объединения в немалой степени способствовал пример Рязанского благотворительного общества, а также влияние личности Иоанна Кронштадтского — крупного общественного деятеля, мецената и основателя различных филантропических заведений. Учредителем объединения стал Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин, человек деятельный и причастный ко многим общественным начинаниям. Он не раз поднимал в рязанском земстве вопрос об организации эффективной системы помощи неимущим. Данный проект стал одним из самых важных в его жизни.

18 сентября 1895 г. в городской думе была создана комиссия под председательством Н. М. Бардыгина для составления устава будущего общества.

Среди причин образования этого объединения указывалось, что «прежний способ помощи бедным путем подачи милостыни, пригодный в древние патриархальные времена, теперь должен быть оставлен, так как люди, подавая милостыню, совершенно не знают положения тех, кто ее берет, а потому с одной стороны, оставляют без надлежащей серьезной помощи действительно нуждающихся, а с другой стороны, поощряют промышлять нищенством многих проходимцев...» [25].

Целевая категория нуждающихся в помощи общества была определена учредителями довольно широко — бедняки города вне зависимости от вероисповедания, звания и причины их нищеты. Нетрудоспособных неимущих предполагалось обеспечивать всем «необходимым для скромного существования», а здоровых просителей милостыни «обратить к честному труду». Наряду с этим общество брало на себя попечение о детях из бедных семей и о сиротах, которых предполагалось «не только обеспечить, но и воспитать». Организаторы объединения планировали также оказывать помощь малоимущим лицам, потерявшим трудоспособность вследствие болезни или несчастного случая, чтобы «своевременно спасти от дальнейших нужды и гибели» [26]. По мнению учредителей, новому обществу следовало применять индивидуальный подход к каждому обратившемуся за помощью и оказывать поддержку прежде всего в поиске регулярных заработков. С этой целью при обществе планировалось открыть трудовые заведения.

Благодаря сведениям, собранным личным секретарем М. Н. Бардыгина (сына Н. М. Бардыгина) Алексеем Алексеевичем Виталем, можно составить подробную картину начального этапа деятельности объединения. После утверждения устава Н. М. Бардыгин обратился к населению Егорьевска с призывом вступить в члены объединения и явиться 13 сентября 1898 г. для избрания правления. На первое собрание пришло 85 человек (вместо минимально достаточных 30). Было избрано правление в составе 18 человек во главе с Н. М. Бардыгиным. Сразу же по имеющимся в городской управе сведениям был составлен список всех горожан, имевших свыше 600 рублей годового дохода.

Члены правления нового общества лично посетили каждого из них с предложением участвовать в деятельности объединения, в результате чего число членов достигло 486 человек [27].

Из приведенного выше описания подготовительной деятельности учредителей видно, что при создании объединения был широко задействован административный ресурс. Сотрудничество городских властей и общественных сил было продолжено и в дальнейшем, что говорит о полуобщественном, полуадминистративном статусе Егорьевского общества. Данный факт нашел отражение и в уставе объединения, где в §1 говорилось: «При городской думе учреждается общество попечения о бедных города Егорьевска в целях доставления средств к улучшению их нравственного и материального состояния» [28].

Уже с самого начала своей деятельности Егорьевское общество помощи бедным получило в свое распоряжение немалые средства. Егорьевская городская дума выделила ежегодное пособие в 3500 руб. Первым крупным частным пожертвованием стали 1000 руб. от протоиерея Александра Светлова. Членские взносы за 1899 г. достигли суммы 2400 руб. Капитал на постройку дома трудолюбия составил 17399 руб. 29 коп. (10000 руб. пожертвовали известные рязанские купцы и промышленники братья Хлудовы, 5000 руб. — Н. М. Бардыгин). Все средства общества к концу первого года после открытия достигли 44500 руб. [29]. А ежегодные благотворительные расходы, начиная с этого времени, составляли до 10 тыс. руб., о чем можно судить по отчетам: в 1899 г. на пособия (единовременные и ежемесячные) неимущим вне заведений было потрачено 2679 руб. 56 коп., в учреждениях общества — 5820 руб. 87 коп. [30]; в 1903 г. по тем же статьям соответственно 3467 руб. 54 коп. и 7216 руб. 27 коп. [31]; в 1905 г. — 3431 руб. 34 коп. и 7763 руб. 64 коп. [32].

Деятельность общества началась с составления списка всех нищих и бездомных лиц города и разделения их на категории по нуждам. Всего получилось 8 категорий: 1) совершенно нетрудоспособные и при этом не имеющие посторонней поддержки лица, нуждающиеся в устройстве в приют;

2) совершенно нетрудоспособные, но получающие помощь от благодетелей (жилье, еду и т.д.) и не нуждающиеся в приюте; 3) способные к некоторым видам работ и нуждающиеся в дополнительном пособии; 4) относящиеся к третьей категории лица, материальное положение которых требовало дополнительной проверки; 5) лица, помощь которым должна была заключаться только в рекомендации или содействии (например, при трудоустройстве); 6) трудоспособные, которым требовалось лишь «нравственное воздействие»; 7) лица, не являвшиеся уроженцами или жителями Егорьевска и уезда, то есть не имевшие права на помощь общества; 8) лица, не нуждавшиеся в помощи.

По результатам классификации на помощь первой и второй категории бедняков предполагалось выделять по 5 рублей (на человека в месяц), третьей и четвертой — по 3 рубля. Выдачу пособий 66 лицам первых трех категорий общество начало 7 января 1898 г. Всего планировалось оказывать помощь 114 неимущим [33].

В это же время был учрежден приют на 22 человека для престарелых и больных (в отведенном бесплатно Н. М. Бардыгиным помещении), а 10 человек поместили за плату в земский приют. Помимо этого, общество арендовало помещение для артельного общежития бездомных (13 человек). Последние были обязаны заниматься работой по поручению городского самоуправления и помогать городской пожарной команде.

1 октября 1899 г. началось строительство собственного двухэтажного дома общества на Никитской площади (стоимостью 30 тыс. руб.). В октябре 1900 г. сюда были переведены подопечные из прежнего собственного и земского приютов и приняты еще 48 человек. Впоследствии в этом приюте было устроено еще одно отделение — для бедных мальчиков-сирот [34].

Однако деятельность этого объединения, начавшаяся столь активно, с течением времени стала угасать. Как и в случае с Благотворительным обществом г. Рязани, успех организации был связан с конкретной личностью, стоявшей во главе — Никифором Михайловичем Бардыгиным. Благодаря своим личным качествам и грамотному использованию административного ресурса он сумел

организовать эффективную работу общества на первом этапе его существования и заложил прекрасную основу для длительного функционирования объединения. Но после его смерти в 1901 г. и по причине падения интереса со стороны правительства к идее о домах трудолюбия — стержневой для Егорьевского общества пособия бедным, наступает постепенное охлаждение интереса горожан к делам организации. Общество лишилось значительной части своих членов: в 1903 г. численный состав объединения — 464 человека [35], в 1905 г.— 387 человек [36], в 1907 г. — 317 человек [37].

Потеря в численности сопровождалась ухудшением финансового положения общества. Особенно тяжелым оказался 1905 г., когда к внутренним проблемам организационного характера прибавились трудности, вызванные войной. Общее обеднение населения и голод привели к резкому увеличению числа нуждающихся в помощи. В отчете объединения за этот год указывалось, что расходы превысили доходы на 763 руб. 64 коп., а смета общества на 1906 г. также была составлена с предположением дефицита [38]. Тем не менее в итоговых документах подчеркивалось, что общество не отказало в помощи никому из просителей по причине недостатка средств.

Несмотря на финансовые проблемы общество находило способы помогать нуждающимся даже в самые тяжелые периоды своего существования. Так, с 1 декабря 1903 г. при приюте общества действовала бесплатная столовая для лиц, которые «по слабости воли» не могли использовать ежемесячные пособия по назначению. Также этой категории неимущих выдавались деньги на квартплату (1 руб. в месяц на человека) [39]. А в период сложной экономической ситуации 1905 г. была открыта еще одна бесплатная столовая при обществе «ввиду появления... в городе нуждающихся лиц, не имеющих себе заработка ввиду происходивших забастовок на железных дорогах, на фабриках... а равно и для являющихся бедных людей, проходящих через город в поисках работы или возвращающихся с мест, где они ожидали иметь работу» [40]. Чтобы стимулировать благотворительную деятельность в городе, правление организовало продажу специальных книжек, каждая с 10 билетами на обеды,

стоимостью 1 рубль. Приобретающие такие книжки могли раздавать эти билеты нуждающимся в качестве милостыни, и каждый получивший такой билет имел право получить бесплатный обед в столовой общества [41].

Тем не менее, как отмечали современники Егорьевского благотворительного общества, через несколько лет после его открытия на улицах Егорьевска вновь появилось много нищих. Причину этого они видели в следующем: «...Такие организации существуют лишь в нескольких городах. Поэтому, когда по соседним городам и окрестным селам стало известно, как Егорьевск хорошо устроил без исключения всех своих неимущих, то в него потянулись оттуда все нищие в надежде также хорошо устроиться. Конечно, приютить и обеспечить эти массы нищих Егорьевск не в состоянии...» [42].

Общество с переменным успехом просуществовало еще долгое время. К 1911 г. число членов общества уменьшилось до 189 человек, а капитал составил 42500 рублей. Семья Бардыгиных продолжала помогать объединению — на средства, пожертвованные М. Н. Бардыгиным (10000 руб.), были произведены две крупные постройки: расширено здание приюта и выстроен летний кинотеатр в городском саду. При приюте в это время содержался 61 человек и 6 детей [43].

Помимо Рязанского и Егорьевского, в Рязанской губернии на рубеже XIX–XX вв. существовало еще пять местных благотворительных обществ, преследовавших общие цели помощи бедным — Зарайское (с 1876 г.), Раненбургское (с 1879 г.), Данковское (с 1893 г.), Скопинское (с 1898 г.) и Касимовское Мусульманское (с 1898 г.). Название последнего объяснялось принадлежностью значительной части населения Касимова к данной конфессии.

Деятельность этих обществ была в целом схожей, однако ее масштабы были разными и зависели от бюджетов объединений. Так, старейшее из них — Зарайское общество для пособия бедным — к 1899 г. владело капиталом в 42500 руб., Раненбургское — 8800 руб., Данковское — 1200 руб. [44].

Источником доходов обществ служили членские взносы, проценты с капиталов и пожертвования. Однако значение этих способов пополнения кассы для каждого объединения было разным: в одном случае наибольшую часть

бюджета составляли проценты с капиталов, в другом — членские взносы и пожертвования. Кроме того, Зарайское и Раненбургское благотворительные общества получали пособия от городских дум. В 1898 г. общества имели следующие доходы: Зарайское — 4799 руб. 90 коп. (2119 руб. 8 коп., или 44 % — проценты с капиталов, 175 руб., или 3 % — членские взносы, 60 руб., или 1,5 % — пособие от городской думы), Раненбургское — 891 руб. 30 коп. (310 руб., или 34 % — членские взносы, 240 руб. 25 коп., или 27 % — пожертвования, 111 руб. 5 коп., или 12,5 % — проценты с капиталов, 230 руб., или 25 % — пособие от гордумы), Данковское — 487 руб. 60 коп. (155 руб., или 32 % — членские взносы, 155 руб. 40 коп., или 32 % — сбор при замене «праздничных визитов», 133 руб. 15 коп., или 27 % — выручка от проведения вечеров) [45].

Наиболее широкую деятельность вело Зарайское общество, владевшее значительными средствами. Им был организован дом призрения для бедных детей, в котором в конце XIX в. содержалось и обучалось кройке и шитью 17 девочек, и ночлежный дом (принимавший в среднем по 6 человек в сутки). На содержание этих учреждений тратилась основная часть расходных средств общества (около 42 %). Второй по размеру статьей расходов Зарайского общества для пособия бедным была выдача единовременных пособий (около 20 % бюджета). Деятельность остальных местных благотворительных организаций была сосредоточена преимущественно на выдаче единовременных и ежегодных пособий бедным города и уезда, что и являлось их основными тратами (в Раненбургском, Данковском и Скопинском обществах доля подобных выплат составляла свыше 70 % общих трат, в Касимовском Мусульманском — свыше 20 %) [46].

В 1903 г. расходы благотворительных обществ на пособия бедным равнялись: в Зарайском обществе — 842 руб. 45 коп. на постоянные и 247 руб. 30 коп. на единовременные выплаты [47], в Скопинском — 327 руб. 28 коп. и 20 руб. 75 коп. соответственно [48], в Раненбургском — 403 руб. 90 коп. и 193 руб. 81 коп. [49], в Касимовском Мусульманском — 762 руб. и 172 руб. [50], в Данковском — 92 руб. и 5 руб. [51].

К второстепенным задачам этих общественных организаций относились: в Зарайском обществе — помощь бедным невестам, финансирование устройства амбулатории в городе, оплата похорон бедняков [52]; в Раненбургском — помощь бедным невестам, внесение платы за обучение и выдача денег на учебные пособия для бедных учеников, выдача лекарственных средств неимущим больным и т. д. [53].

Практически все эти общества, кроме Зарайского, осуществляли помощь бедным напрямую, вне специальных заведений. Это было связано с хронической нехваткой средств для открытия и содержания благотворительных учреждений. Так, Раненбургское общество попечительства о бедных в течение длительного времени собирало деньги на устройство детского приюта — эта статья бюджета содержится как в отчете общества за 1897 г. [54], так и за 1908 г. [55]. А Данковское общество лишь спустя более 10 лет с момента своего открытия смогло содержать приют для одиноких пожилых женщин (всего в 1908 г. в нем находилось 5 человек) [56].

Из-за небольших и неравномерно пополнявшихся бюджетов общества были вынуждены периодически урезать траты на благотворительность. Особенно большие трудности испытывало Данковское благотворительное общество. Так, в отчете за 1896 г. указывалось: «Весьма значительное сокращение членских взносов вызывает печальную необходимость сокращения благотворительной помощи для сбережения средств на те случаи, где обойтись без неё совершенно невозможно...» [57]. В последующие годы, как показывает документация данного объединения, ситуация даже ухудшилась. Резко сократилось число членов, а соответственно и членские взносы — основа бюджета общества. Если в 1896 г. размер последних составил скромную сумму в 90 рублей [58], то в 1903 г. при 9 членах — всего 30 рублей [59]. Тем не менее к 1908 г. общество насчитывало в своем составе уже 20 человек, взносы которых составили 175 руб., а сумма пособий неимущим составила 708 руб. 65 коп. [60].

Однако даже деятельность материально благополучных обществ была, по свидетельству общественности, недостаточной для удовлетворения нужд всех

бедняков. На этот факт указывает, например, прошение в 1896 г. шести жительниц г. Зарайска во главе с женой статского советника Александрой Павловной Хлебниковой об учреждении в городе дамского благотворительного кружка. Целью учредителей было оказание ежемесячной материальной помощи (одежда, обувь и т. д.) бедным вдовам и сиротам Зарайска, так как, по их мнению, «периодические выдачи денег от местной городской управы и общества пособия бедным к Праздникам Св. Пасхи и Рождества Христова, являются для таких бедных недостаточными и не обеспечивающими существование тех на долгий период времени от одной выдачи и до наступления следующей» [61]. Тем не менее власти сочли существование еще одной благотворительной организации в городе не таким уж необходимым и отклонили прошение.

Отметим, что описанный случай был скорее исключением в общей административной практике всемерного поощрения филантропических начинаний. Это касалось как благотворительных объединений широкой социальной направленности, так и обществ помощи отдельным категориям населения. Причем власти старались не только не препятствовать распространению организаций данной направленности, но и сами активно соучаствовали в рамках благотворительных обществ, привлекая административный ресурс в поддержку общественной самодеятельности.

К благотворительным объединениям специального характера относилось Попечительское общество о нищенствующим и бесприютным малолетних девочках г. Рязани, открывшееся в 1901 г. Начало новой организации было положено в 1899 г., когда в Рязани образовался круг лиц, ставивших своей целью помощь бедным девочкам, чьи родители в силу пагубных привычек (пьянство, прошение милостыни) не занимались воспитанием детей. В задачи общества входило приучение девочек к честному труду и изолирование их от вредного влияния семейной среды. Для этого в 1899 г., за два года до официального открытия общества, благотворителями был основан приют.

С самого начала учредители получили активную поддержку со стороны рязанского губернатора Н. С. Брянчанинова, который стал почетным

председателем общества и почетным попечителем приюта. При его содействии был утвержден устав нового объединения, а приют был принят в Ведомство учреждений императрицы Марии. После оформления устава губернатор обратился к горожанам с призывом вступить в состав организации, а для сбора членских взносов по его указанию были распространены «квитанционные книжки». В ноябре 1901 г. под руководством губернатора состоялось учредительное собрание, на котором было избрано руководство и определен бюджет объединения [62]. Особую роль в деятельности общества сыграли представители купеческих семей — Сливковых, Шемариных и др. В качестве пожертвования дворянином Д. П. Тантыковым было приобретено помещение для приюта. В день первого общего собрания общества, 4 ноября 1901 г., число жертвователей составило 140 человек, а сумма пожертвований достигла 2903 руб. [63].

Помимо членских взносов и частных пожертвований средства общества составляли проценты с капиталов, пособия от органов самоуправления и общественных организаций (Рязанское благородное собрание, Рязанское купеческое общество, Рязанское мещанское общество, Губернское земское собрание, Рязанская городская управа), доходы от спектаклей и концертов, прибыль от продажи работ воспитанниц и т. д.

В 1908 г. (на седьмой год существования) приход общества составил 5352 руб. 46 коп. (в том числе членские взносы — 820 руб., частные пожертвования — 1900 руб. 45 коп. и т. д.). Но уже в следующем, 1909 г. финансовое положение общества ухудшилось: приход — 3412 руб. 38 коп. (членские взносы — 320 руб., пожертвования — 468 руб. 99 коп.) [64]. Более подробно проследить финансовую и событийную историю данного объединения не представляется возможным из-за отсутствия сведений.

Еще одной общественной организацией узкой целевой направленности являлось Общество попечения о бедных детях г. Рязани. Согласно одному из годовых отчетов, первым толчком, давшим начало обществу стало письмо председательницы постоянного Комитета Н. А. Барановой, помещенное на

страницах «Рязанского Вестника» за 1905 г. (№141). В письме говорилось о необходимости помощи голодающим (вследствие неурожайного года) рязанским детям. Вскоре кружком лиц, откликнувшихся на этот призыв, было организовано кормление детей на дому и на съемных квартирах в нескольких районах города. Однако, ознакомившись в ходе этой акции с реальным положением беднейших слоев населения Рязани, благотворители пришли к выводу, что ограничиваться лишь временными мерами нельзя: «...требуется постоянная и надлежаще поставленная помощь — и не в одном только кормлении, но и в доставлении детям хотя бы элементарного образования, а вместе с этим в доставлении детям возможности научиться какому-либо мастерству» [65]. В результате появилась идея об открытии училища для детей бедных горожан, а также ремесленно-профессиональных отделений при нем. То есть объединение, первоначально задуманное как чисто благотворительное, с течением времени приобрело черты просветительской организации.

Как было сказано выше, уже на первом этапе деятельности еще официально не зарегистрированного объединения (зима 1905–1906 г.) идея помощи бедным детям получила довольно широкий резонанс в рязанском обществе. Различные его слои откликнулись на призыв Н. А. Барановой и организовали несколько видов благотворительности в пользу нуждающихся: учащаяся молодежь Рязани во главе с Н. К., С. К. и Б. К. Радугиными продавала горожанам пятикопеечные билеты, прибыль от которых шла в совет нового общества; рязанские купцы жертвовали ткани на пошив одежды, продукты для столовых и сладости; состоятельные рязанцы и священнослужители вносили в совет общества единовременные и ежемесячные пособия и т. д. [66] Всего за начальный период существования объединению удалось собрать 370 руб. [67].

Параллельно Совет общества через приходских священников, частных лиц и своих членов составил список беднейших семей Рязани. При этом, как отмечалось в местной прессе, «совет отделил профессиональное нищенство от истинной бедности, не имеющей нравственной решимости показаться на улице с протянутой для подаяния рукой» [68]. В результате опросов был определен

первоначальный круг семей, чьи дети нуждались в помощи, и намечены основные благотворительные действия (прежде всего обеспечение едой и одеждой) [69].

Бесплатное обучение детей началось зимой 1905–1906 гг. в так называемых вечерних классах. Преподавателями были священник Г. И. Васильев (учитель Закона Божьего в будущем училище) и Е. И. Орфенова (член Комитета общества). По мнению учредителей, эта временная школа должна была стать центром, вокруг которого необходимо было организовать другие виды благотворительной деятельности общества — столовые, курсы рукоделия, ремесленные мастерские и т. д.

В соответствии с этим был составлен устав общества, утвержденный 2 июля 1906 г. [70]. В нем указывалось, что цель общества — оказание помощи в получении начального образования детям беднейших жителей г. Рязани. Для этого общество планировало устраивать в Рязани начальные училища; содействовать помещению сирот в учебно-воспитательные заведения или на обучение к мастерам-ремесленникам, а также на воспитание в благополучные семьи; выдавать стипендии бедным учащимся в учебных заведениях г. Рязани для взноса платы за обучение; открывать воскресные школы, вечерние классы, дополнительные занятия, библиотеки при школах и пр. [71]. Кроме того, общество брало на себя обязанность обеспечивать бедных детей всем необходимым в училище: книгами, учебными пособиями и принадлежностями, одеждой и обувью, обедами, медицинской помощью, а также устраивать чтения со световыми картинками, экскурсии, детские праздники, литературные и музыкальные вечера.

К началу 1906–1907 учебного года при обществе было открыто училище с программой и курсом трехлетних школ ведомства Министерства народного просвещения. Оно размещалось сначала во временном помещении, предоставленном попечителем училища В. К. Ларионовым. Позже на средства Ларионова было построено собственное школьное здание, а в училище, преобразованном в четырехклассное, сначала появились классы рукоделия для девочек и ручного труда для мальчиков, а затем — учебная белошвейная

мастерская для девочек и ремесленное отделение для мальчиков, прошедших начальное общеобразовательное училище. В 1911 г. общество, имея возможность расширить свою деятельность, начало строительство пристройки к училищу [72].

Как отмечалось в годовых отчетах общества, число желающих поступить в Ларионовское ремесленное училище увеличивалось с каждым годом. Однако администрация была вынуждена многим отказывать «за недостаточностью помещения». В 1910–1911 учебном году в училище обучалось 66 мальчиков и 55 девочек, в 1913–1914 г. — 52 мальчика и 68 девочек [73]. Учащимися становились дети из беднейших слоев рязанского общества, полные сироты или имевшие одного родителя. Большинство детей, обучавшихся в училище, являлись уроженцами Рязанской губернии, около 10–13 % — уроженцами других губерний [74].

Курс общеобразовательных предметов в училище продолжался 4 года. Кроме них мальчикам преподавался ручной труд по дереву, девочкам — рукоделие. Также учащиеся обучались черчению и рисованию под руководством отдельного преподавателя графических искусств. Второй ступенью обучения, дававшей учащимся возможность получить низшее профессиональное образование, были белошвейная мастерская (для девочек) и ремесленные классы художественно-столярного мастерства (для мальчиков). На 1 января 1913 г. в ремесленных отделениях состояло 40 человек: 12 мальчиков и 28 девочек [75].

При училище имелась библиотека для внеклассного чтения, содержавшая в 1911 г. свыше 850 изданий. Она регулярно пополнялась, в том числе, за счет пожертвований частных лиц [76]. Все учебники и учебные пособия дети получали от училища бесплатно.

Организация учебного дела в училище очень скоро завоевала высокую оценку со стороны представителей Министерства народного просвещения и местной власти, которые поощряли начинания Общества пособия бедным детям г. Рязани. Помимо частных пожертвований Общество получало финансовую поддержку от казны (например, в 1910 г. пособие составило 3855 руб. 20 коп. [77]), а также от различных рязанских общественных учреждений и органов

самоуправления: губернской и уездной земской управ, Рязанской городской и мещанской управ, Рязанского Благородного и Всесословного общественных собраний, Рязанского общества потребителей, Рязанского кружка устройства общедоступных развлечений и др. [78] Кроме того для пополнения средств обществом устраивались лотереи, выставки и аукционы работ воспитанников училища, о чем регулярно сообщалось в местной прессе [79]. В результате успешной деятельности к 1911 г. общество владело недвижимым имуществом на сумму около 14000 рублей и денежным капиталом в 4600 рублей [80].

Таким образом, организовав в начале XX в. одно из крупнейших рязанских ремесленных училищ, Общество внесло существенный вклад в дело развития профессионального образования в губернии и дало возможность детям беднейших сословий получить специальность и устроиться на квалифицированную работу.

Схожие черты с Обществом пособия бедным детям г. Рязани имела целая группа благотворительных объединений для помощи нуждающимся учащимся. Однако путь их создания и развития был противоположным – они возникали при уже существующих образовательных заведениях (школах, гимназиях и т. д.), то есть носили по отношению к последним вторичный (производный) характер. Появление этих объединений было результатом модернизационных процессов в сфере образования: облегчения доступа к знаниям для широких народных масс (в том числе для женщин); роста общей численности учебных заведений, а также числа учащихся и педагогов; массового появления частных школ и гимназий и др. Вместе с тем трансформация образовательной системы с еще большей остротой обнаружила материальные проблемы учащихся и педагогов.

Общества помощи учащимся стали появляться еще в 60–70-е годы XIX в., главным образом, при отдельных средних и высших учебных заведениях. Позднее такие же общества стали учреждаться с целью помощи учащимся во всех вообще учебных заведениях данного города или уезда, а также специальные общества для пособия учащимся в низших и начальных училищах определенного района и благотворительные организации при возникавших в большом количестве в начале

XX в. частных учебных заведениях. В целом по России в начале XX в. насчитывалось 111 подобных общественных объединений [81], в Рязанской губернии — приблизительно от 9 (в начале 1900-х гг.) до 17 (к 1914 г.). К ним относились: Общество вспомоществования недостаточным воспитанникам Рязанских мужских гимназии и прогимназии, ставших впоследствии 1-й и 2-й гимназиями (с 1873 г.), Общество вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии (с 1878 г.), Общество вспомоществования недостаточным ученикам Егорьевской прогимназии (с 1880 г.), Общество для вспомоществования бедным ученикам Зарайского реального училища (с 1881 г.), Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в реальном училище и женской гимназии в г. Скопине (с 1882 г.), Общество вспомоществования бедным ученицам Касимовской женской гимназии (с 1881 г.), Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Касимовского технического училища, бывшей мужской гимназии (с 1898 г.), Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в школах грамоты г. Егорьевска и его уезда (с 1898 г.), Общество вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой (с 1904 г.), Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в частной женской прогимназии г. Твердовой в г. Михайлове (с 1905 г.), Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Раненбургской женской прогимназии (с 1905 г.), Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам частной мужской гимназии Н. Н. Зелятрова, основанной В. И. Радужкевичем (с 1907 г.), Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанского реального училища Малашкина (с 1907 г.), Общество вспомоществования бедным учащимся подготовительной школы (для детей обоего пола) и частного мужского учебного заведения второго разряда С. А. Мансуровой в г. Касимове (с 1908 г.), Общество вспомоществования недостаточным ученицам Пронской женской прогимназии им. В. Н. Фон-Дервиз (с 1908 г.), Рязанское общество вспомоществования учащимся в низших учебных заведениях (1912 г.), Спасское общество вспомоществования нуждающимся учащимся в реальном и городском четырехклассном училищах (1913 г.).

Эти общества учреждались по инициативе попечителей или преподавателей данных учебных заведений (как, например, Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в частной женской прогимназии Твердовой в г. Михайлове [82]), а также родителей учащихся (например, Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанского реального училища Малашкина [83]).

Уставы указанных общественных организаций были схожими (с 90-х гг. XIX в. основывались на «нормальных» уставах для данного типа объединений) и отличались лишь некоторыми деталями. Помимо общей цели — оказания помощи бедным учащимся в соответствующем учебном заведении или в учебных заведениях какого-либо города (уезда), в уставах некоторых объединений содержалось примечание о возможности единовременной помощи талантливым и прилежным выпускникам при их поступлении в другие учебные заведения [84].

Согласно уставам, деятельность большинства обществ могла выражаться в следующем (для примера взят устав Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Раненбургской женской прогимназии): а) взнос платы за обучение; б) бесплатная выдача книг и учебных пособий или продажа таковых учащимся по льготной цене; в) обеспечение нуждающихся учеников одеждой, питанием и жильем; г) содействие подопечным в поиске работы; д) оказание помощи бедным ученикам в случае болезни (оплата услуг врача на дому или пребывания больного в больнице) или смерти (организация похорон); е) оказание материальной помощи в исключительных случаях [85]. Однако некоторые из объединений ограничивались реализацией лишь одного-двух пунктов этого списка. Так, Общество вспомоществования бедным ученикам Зарайского реального училища осуществляло только взнос платы за обучение и снабжение одеждой своих подопечных [86].

Количество членов в каждой из данных благотворительных организаций, как правило, не превышало 100 человек. Среди наиболее крупных можно выделить: Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище: в 1899 г. оно объединяло в своем составе 110

членов [87], в 1901 г. — 140 членов [88], в 1903 г. — 138 членов [89]; Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназии и прогимназии в 1896 г. насчитывало 119 членов [90], в 1898 г. — 105 членов [91], в 1902 г. — 110 членов [92].

Доходы благотворительных обществ при учебных заведениях складывались главным образом из членских взносов, пожертвований и процентов с капиталов.

Первая статья доходов зависела прежде всего от количества членов и возраста организации, поэтому самыми крупными суммами членских взносов располагали: Общество при Рязанских гимназии и прогимназии (в 1898 г. — 735 рублей [93], в 1903 г. — 710 рублей [94], в 1912 г. — 850 руб. [95]); Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище (в 1899 г. — 577 руб. 50 коп. [96], в 1903 г. — 485 руб. [97]); Общество вспомоществования недостаточным ученикам Егорьевской прогимназии (в 1897 г. — 395 рублей [98], в 1903 г. — 390 рублей [99]). В среднем же ежегодные поступления от членов большинства рязанских объединений данного типа составляли 250–350 рублей.

Но были и менее благополучные общественные организации: Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в начальных школах г. Егорьевска и его уезда в 1903 г. имело 218 руб. членских взносов [100], в 1905 г. — 138 руб. [101], в 1908 г. — 96 руб. [102]. Последний пример не только свидетельствует о незначительных поступлениях в бюджет общества из данного источника, но и указывает на отрицательную экономическую динамику объединения в целом. Это подтверждали и годовые отчеты общества: «...дело общества падает, а не процветает. Доказательства упадка деятельности Общества очевидны: число членов в 1902 г. было 86; в 1903 — 81, в 1904 г. — 65 и, наконец, в 1905 году только 49. Изыскание средств, кроме членских взносов, является чем-то неисполнимым...» [103], «с каждым годом число членов общества уменьшается, средства общества тают, помощь же постоянно требуется, и она необходима...» [104].

Самым непостоянным и неравномерным источником доходов являлись пожертвования от частных лиц (членов общества и посторонних благотворителей). Некоторые общества в неблагоприятные периоды существования вообще не имели такой поддержки, другие пользовались ею в незначительной степени. Например, пожертвования частных лиц Егорьевскому обществу помощи нуждающимся учащимся в начальных школах составили в 1904 г. всего 2 рубля [105], Обществу при Рязанской мужской гимназии и реальном училище Н. Н. Зелятрова в 1911–1912 учебном году — 11 рублей [106]. Для большинства объединений денежные поступления от частных благотворителей редко превышали 50 рублей в год.

Более значительными и регулярными были пожертвования и пособия от земства или других крупных общественных организаций. Так, практически все рязанские благотворительные объединения при учебных заведениях получали ежегодную помощь от Рязанского губернского (от 300 до 500 руб.) и уездного (50–100 руб.) земств [107]. Пособие рязанским обществам выплачивало и Рязанское Благородное собрание (в среднем по 300 рублей в год). Уездные общественные организации субсидировались земствами в меньшем объеме — в среднем по 50–100 руб. ежегодно [108].

Капиталы данных общественных организаций также существенно различались по своим размерам. Самыми значительными суммами владели: Общество при Рязанских гимназии и прогимназии (в 1898 г. — 22381 руб. 38 коп. [109], в 1905 г.— 26968 руб. 50 коп. [110]) и Общество при Рязанской Мариинской женской гимназии (в 1898 г. — 33863 руб. 42 коп. [111], в 1905 г.— 40331 руб. 79 коп. [112]). Соответственно эти общества получали наибольшую прибыль в виде процентов с капиталов: Общество при Рязанских гимназии и прогимназии — 803 руб. 43 коп. в 1897 г. [113], 1186 руб. 89 коп. в 1905 г. [114]; Общество при Мариинской женской гимназии — 1262 руб. в 1898 г. [115] и 1536 руб. 2 коп. в 1905 г. [116].

Среди наиболее богатых уездных общественных организаций можно выделить Общество при Касимовском техническом училище, располагавшее в

1899 г. капиталом 3906 руб. 49 коп. [117], в 1903 г. — 5067 руб. 50 коп. [118], и Общество при Егорьевской прогимназии, владевшее в 1897 г. 3656 руб. 36 коп. [119], в 1903 г.— 4033 руб. 48 коп. [120].

Кроме того, общества получали доход от устройства лотерей, праздничных вечеров, продажи учебных пособий и письменных принадлежностей.

Способы оказания помощи нуждающимся учащимся заключались преимущественно во взносе платы за обучение. Это статья расхода являлась главной для большинства обществ (от 60 до 100 % всех трат), за исключением Общества при Рязанских гимназии и прогимназии — здесь основные средства тратились на содержание квартир для учеников (более 73 % всех расходов). Помимо этого, общества осуществляли и другие виды помощи: покупку учебных пособий и одежды, организацию завтраков и т. д. Всего же на средства всех благотворительных обществ при учебных заведениях в 1898 г. обучалось 127 детей (71 мальчик и 56 девочек) [121].

Общие суммы расходов обществ составляли от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей: например, Общества при Рязанских гимназии и прогимназии — 4805 руб. 66 коп. в 1903 г. [122], 4081 руб. 30 коп. в 1912 г. [123]; Общества при Мариинской женской гимназии — 6085 руб. 32 коп. в 1903 г. [124], 3300 руб. 73 коп. в 1912 г. [125]; Общества при Егорьевской прогимназии — 1189 руб. 8 коп. в 1898 г. [126], 1113 руб. 63 коп. в 1903 г. [127]; Общества при Касимовской женской гимназии — 351 руб. 29 коп. в 1903 г. [128], 595 руб. 23 коп. в 1908 г. [129] и т. д.

В целом деятельность большинства рязанских благотворительных обществ при учебных заведениях была довольно успешной. Даже в самые тяжелые периоды своего существования они старались не отказывать в помощи своим подопечным, что постоянно подчеркивалось в отчетных документах. При этом подавляющее число отклоненных прошений было связано с несоответствием материального положения просителей критериям отбора нуждающихся [130]. Лишь немногие благотворительные организации отказывали в финансовой поддержке по причине нехватки средств [131].

Анализ документации данного типа объединений показывает, что наиболее благополучно функционировали благотворительные общества, созданные еще в 70–80-е гг. XIX в. и имевшие к началу XX в. прочную финансовую основу. Так, председатель Правления общества при Мариинской женской гимназии, подводя в 1898 г. итоги двадцатилетней деятельности объединения, отмечал: «Общество представляет собою в настоящее время вполне солидное учреждение, обеспеченное достаточным капиталом и упрочивающее свое положение постоянным увеличением этого капитала и ежегодным зачислением в списки Общества новых членов...» [132]. Положительно оценивало свою работу и Общество при Зарайском реальном училище (открыто в 1881 г.), которое в начале XX в. смогло значительно увеличить число членов, доходы и размер помощи учащимся [133].

В то же время организации, открывшие действия в конце 1890-х и начале 1900-х гг., испытывали гораздо больше финансовых и организационных трудностей, что, очевидно, было связано с объективными экономическими проблемами первой пятилетки XX в. и особенно 1904–1905 гг. Не обладая на первоначальном этапе существования достаточными капиталами и численностью, эти общества оказались не способны противостоять кризисным явлениям этого периода. Многим из них пришлось еще долгое время бороться с последствиями экономического коллапса. Так, в журнале общего собрания (9 мая 1909 г.) общества при женской гимназии В. П. Екимецкой находим замечание председательницы: «Наличные средства Общества истощились совершенно; трудно сказать, как придется вести дела Общества в начале будущего учебного года; желательно теперь же указать какой-либо выход от этого положения» [134]. Хроническая нехватка средств препятствовала расширению деятельности объединений данного времени.

Тем не менее к концу рассматриваемого периода в Рязанской губернии появляются еще два общества более широкой целевой направленности (предполагавшие оказывать помощь сразу в нескольких учебных заведениях) — Общество вспомоществования учащимся в низших учебных заведениях г. Рязани

(1912 г.) [135] и Спасское общество вспомоществования нуждающимся учащимся в реальном и городском четырехклассном училищах (1913 г.) [136].

Рязанское общество возникло по инициативе бывшего инспектора Второго городского четырехклассного училища М. М. Подшивалова. На первом этапе общество оказывало финансовую поддержку учащимся 1-го и 2-го городских четырехклассных училищ и Ремесленного училища С. Живаго. За первый год существования обществом была оказана помощь: взнос платы за обучение 36 учеников на сумму 97 руб. 50 коп., покупка книг 28 ученикам на сумму 90 руб. 3 коп., покупка одежды и обуви 14 ученикам на сумму 106 руб. 94 коп. [137]. В дальнейшем Правление предполагало помогать учащимся и в других городских низших школах. К 1914 г. общество уже насчитывало в своем составе 112 человек [138].

Деятельность Спасского общества заключалась в финансировании бедных учеников реального училища в размере $\frac{4}{5}$ средств, а городского училища – в размере $\frac{1}{5}$ [139].

К благотворительным организациям в сфере образования относилось и Рязанское отделение Комитета для содействия устройству студенческих общежитий при Императорском Московском университете (открыто в 1899 г.). Деятельность общества, как это следует из его названия, заключалась в оплате проживания студентов в общежитии или на частных квартирах, а также в назначении в отдельных случаях денежных пособий учащимся вуза. В начале XX в. в составе объединения насчитывалось более 70 членов [140].

Средства общества складывались из членских взносов, процентов с капитала, пожертвований, доходов от концертов и спектаклей. Так, в 1903 г. общий доход организации равнялся 1610 руб. 66 коп. (335 руб.— членские взносы, 739 руб. 50 коп. – прибыль от увеселительных мероприятий, 300 руб. — пожертвование от Рязанского Благородного собрания и пр.), а общий расход – 1064 руб. 35 коп. (828 руб. 60 коп. — плата за содержание студентов в общежитии, 215 руб. — единовременные денежные пособия). Число лиц, пользовавшихся помощью общества в этом году, составило 12 человек [141].

Еще одной группой благотворительных организаций в Рязанской губернии на рубеже XIX–XX вв. являлись общества трудовой помощи (попечительные общества о домах трудолюбия или работных домах, попечительства о яслях и детских приютах и т. д.). Необходимо отметить, что эта область системы социального призрения была сильно раздроблена между различными ведомствами и филантропическими объединениями. Значительная часть обществ трудовой помощи относилась к Ведомству учреждений императрицы Марии, созданному еще в конце XVIII в. В конце XIX – начале XX в. данный тип благотворительных обществ стал учреждаться Ведомством Попечительства о трудовой помощи, состоявшем под покровительством императрицы Александры Федоровны. По определению В. И. Чарнолуского, это были «бюрократически-благотворительные организации, пользующиеся своеобразной автономией в общей административной системе» [142].

Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (позднее — «Попечительство о трудовой помощи») было учреждено в 1895 г. для облегчения «участи неимущих доставлением им честного труда, как единственного залога счастливой и на христианских началах основанной жизни» [143] и было призвано оказывать необходимую помощь домам трудолюбия и работным домам, а также способствовать их распространению в Российской империи. В отличие от других благотворительных объединений, ведущая роль в попечительстве принадлежала не общему собранию членов, а Комитету под личным председательством императрицы. Комитет Попечительства контролировал деятельность всех местных обществ трудовой помощи. Попечительство также разработало единый устав и правила для обществ, организующих дома трудолюбия в России.

Одним из самых старых учебно-трудовых заведений, находящихся под попечительством местного благотворительного общества, был Рязанский дом трудолюбия. Он был основан в 1821 г. и состоял в Ведомстве учреждений императрицы Марии. Целью заведения было призрение девочек-сирот и детей беднейших родителей всех сословий «для приготовления их или к служению в

частных домах, или же к профессиональной деятельности по применению знаний и навыков в области женского рукоделия» [144].

В дальнейшем учебные задачи Рязанского дома трудолюбия расширились в сторону развития общеобразовательной программы, что позволяло выпускницам выбирать между занятием ремеслом или продолжением учебы в так называемом «педагогическом классе» с правом получения звания сельской учительницы. К концу рассматриваемого периода (1913 г.) Рязанский дом трудолюбия являлся по преимуществу общеобразовательным учебным заведением по типу четырехклассных Мариинских училищ со специальными ремесленными классами для воспитанниц, желавших посвятить себя профессиональной деятельности. К 1 января 1913 г. число учащихся в ремесленных классах дома трудолюбия составляло 20 человек (примерно 20 % общего числа воспитанниц): 9 учениц в белошвейном классе и 11 — в портновском [145]. Попечительское общество обеспечивало учащихся учебными пособиями, питанием, одеждой и обувью.

Одной из наиболее известных в Рязанской губернии организаций данного типа было Песочинское общество трудовой помощи, действовавшее на территории Сапожковского уезда. Задачей объединения было приучение к труду и обеспечение достойного заработка бедным крестьянским девушкам. С этой целью в 1908 г. обществом была открыта женская ткацкая школа с двухлетним курсом обучения. Принимались в нее, как правило, окончившие курс сельских школ, но иногда допускались и малограмотные крестьянки. Девушкам преподавалась теория и практика ткацкого дела, а также общеобразовательные предметы по программе народных училищ.

В первый год после открытия в школе обучалось 17 девушек, 16 из которых жили в общежитии. Работы учениц были настолько хороши, что на двух сельскохозяйственных выставках летом этого же года школа завоевала большую серебряную (в с. Песочне) и малую золотую (в Рязани) медали [146]. В дальнейшем продажа изделий воспитанниц интерната стала одной из главных статей доходов общества (наряду с членскими взносами, пожертвованиями и прибылью от лотерей и праздничных мероприятий). В 1908 г. за них было

получено 447 руб. 25 коп., а общий приход составил 2918 руб. 16 коп. (с остатком в 1564 руб. 69 коп. от 1907 г.) [147].

К тому же разряду благотворительных обществ специального характера относилось Попечительное общество о доме трудолюбия для подростков в г. Ряжске, начавшее свою работу 4 сентября 1898 г. [148]. У истоков объединения стоял известный общественный деятель и меценат Иоанн Кронштадтский. Членский состав нового объединения включал преимущественно представителей светской и духовной интеллигенции. В 1903 г. общество насчитывало 47 членов [149], в 1908 г. число участников возросло до 62 человек [150].

Общество содержало приют для бедных девочек, где их обучали грамоте (чтению, письму и счету) и рукоделиям (вязанию, шитью и др.) Девочки среднего и старшего возраста выполняли заказы в мастерских. С 1902 г. при обществе работала столовая для приходящих учениц церковно-приходской школы. По мнению руководства общества, «в связи с крайним недостатком в г. Ряжске хороших портных... надлежащая постановка дела обучения призреваемых девочек портняжному мастерству не только обеспечила бы им заработок в будущем, но могла бы быть со временем одним из серьезных источников дохода для дома трудолюбия» [151].

Замечание о дополнительном источнике доходов было не случайным — бюджет общества испытывал постоянный дефицит. Правление вынуждено было обращаться за финансовой поддержкой в Комитет Попечительства о трудовой помощи в Санкт-Петербурге. Так, в отчете за 1908 г. находим: «При такой скудности средств, естественно, не все нужды могли быть удовлетворены. В частности, ощущается значительный недостаток в платье и обуви. Далее отложен на следующий год ремонт, весьма необходимый... Отсутствие основного капитала и необходимость, по местным условиям, призрывать в значительной части малолетних, еще мало трудоспособных девочек, дает Правлению основание для предложения об исходатайствовании ежегодного пособия из Комитета трудовой помощи в 300 рублей» [152].

Помимо пособий от Комитета Попечительства трудовой помощи, средства общества состояли из членских взносов, пожертвований, доходов от развлекательных мероприятий. В 1903 г. общий доход объединения составил 1659 руб. 41 коп. (108 руб. — членские взносы, 162 руб. 71 коп. — пожертвования, 561 руб. 3 коп. — прибыль от продажи изделий воспитанниц, 295 руб. 49 коп. — доход от увеселений и пр.), общий расход — 1695 руб. 69 коп. (содержание заведений, жалование учителей, одежда для воспитанниц, покупка материалов и пр.) [153]. В 1898 г. в доме трудолюбия находилось 10 девочек [154], в 1903 г. — 20 девочек [155], в 1908 г. — 15 девочек [156].

А 31 января 1899 г. был утвержден устав Попечительного общества о доме трудолюбия в Зарайске [157]. Как говорилось в направленном в МВД «Представлении рязанского губернатора Н. С. Брянчанинова о способах и мерах по прекращению нищенства» (от 20 мая 1897 г.): «Учреждение в г. Зарайске работного дома представляется вполне назревшей необходимостью, в целях принятия рациональных мер к прекращению местного нищенства, как профессионального, так и вынужденного — вследствие потери средств к существованию по несчастным случаям» [158]. Административную и финансовую поддержку новому объединению как на этапе учреждения, так и впоследствии, оказывала Зарайская городская дума (в том числе обеспечение помещением и начальным капиталом в 829 руб. 77 коп.).

Цель организации, указанная в уставе, содержала подробную характеристику объектов попечительской деятельности и способов оказания помощи: «Общество имеет назначением оказывать срочную, по возможности, недолговременную помощь бездомным, выпущенным из больниц и не имеющим заработка, освобождаемым из мест заключения по отбытии наказания и всем вообще впадшим в крайнюю бедность, посредством предоставления им труда и приюта впредь до более прочного устройства их судьбы...» [159]. Реализовать все это на практике предполагалось путем открытия ночлежного приюта, столовой, яслей, «трудового убежища» для подростков, конторы для осуществления

посреднической деятельности при трудоустройстве нуждающихся, а также других заведений в соответствии с профилем общества.

Ограничением для членства в объединении являлось нахождение на действительной службе низших воинских чинов и лишение прав по суду. Несовершеннолетние не могли избираться в правление, а учащиеся (за исключением офицеров в академиях) допускались в общество с разрешения руководства учебного заведения. В составе объединения выделялось несколько категорий членов: 1) члены-учредители — внесшие при открытии общества не менее 2000 руб.; 2) почетные члены — сделавшие пожертвование на сумму не менее 500 руб. или принесшие обществу «особую пользу» своей деятельностью; 3) действительные — внесшие единовременно 50 руб. или по 5 руб. ежегодно, 4) соревнователи — лица, годовой взнос которых составлял 2 рубля. Правом голоса в заседаниях правления и общих собраниях обладали также представители сословных и общественных учреждений, назначивших ежегодную субсидию обществу.

Источниками пополнения бюджета Зарайского попечительного общества о доме трудолюбия были: ежегодное пособие Зарайского общества помощи бедным (350 руб.), членские взносы, пожертвования частных лиц и общественных учреждений, проценты с капитала, прибыль от недвижимого имущества, выручка от реализации производимой подопечными продукции, доходы от публичных мероприятий (чтений, выставок, спектаклей и т. д.), поступления от «кружечных» сборов и сборных книжек и др. [160].

В 1901 г. с целью обучения ремеслу мальчиков-сирот обществом была открыта учебно-показательная мастерская с общеобразовательным классом в объеме низших начальных училищ [161]. В мастерскую принимались обученные грамоте мальчики, достигшие двенадцати лет, а неграмотные дети должны были предварительно пройти учебный курс в вышеназванном классе. В мастерской было четыре отделения — два младших, среднее и старшее. Переход из одного отделения в другое зависел от способностей учащихся и от их успехов в работе. По окончании профессионального курса учащимся выдавались свидетельства на

звание подмастерьев по освоенной ими специальности. Начиная с третьего отделения, труд учащихся оплачивался (от 1 руб. / месяц в среднем звене до 3 - 5 руб. / месяц — в старшем) [162]. Учащиеся обучались столярному и слесарному мастерству, технологическим основам ремесел, рисованию и черчению.

Необходимо отметить, что дом трудолюбия в Зарайске представлял собой в большей степени учебно-промышленное заведение. То есть помимо учебных целей, данное учреждение одной из главных задач считало получение прибыли от выполнения заказов в мастерских. С течением времени благотворительная направленность Зарайского дома трудолюбия ушла на второй план, а доход от заказов стал основной статьей бюджета (81,7 % в 1912 г.). Другие источники дохода составляли незначительную часть финансовых поступлений заведения: взносы и пожертвования членов попечительного общества, а также пожертвования других общественных организаций – 10,7 %, субсидии от местной казны – 6,7 % [163].

Что касается финансов самого попечительного общества о доме трудолюбия в Зарайске, то в отчете за 1905 г. эти цифры выглядели так: приход – 2912 руб. 79 коп. (членские взносы — 125 руб., пожертвование от Зарайского общества пособия бедным — 360 руб., средства из Санкт-Петербурга на постройку дома для мастерской — 2000 руб. и т. д.) [164].

В 1898 г. в деревнях Рязанского уезда открыло свои действия Общество «Ясли», носившее временный (сезонный) характер. Появление этого объединения было вызвано тяжелым положением населения Рязанской губернии вследствие неурожаев. Целью объединения было обеспечение присмотра и ухода за малолетними крестьянскими детьми во время нахождения их родителей на работах вне дома. Дети обоего пола в возрасте от 6 недель до 8 лет принимались в устраиваемые обществом ясли, где они по возможности обучались ручному труду и грамоте и получали религиозно-нравственное воспитание в духе православной церкви [165].

Средства общества «Ясли» составлялись из пожертвований, членских взносов, сборов от спектаклей и процентов с капитала. Значительную помощь

оказало Общество Красного Креста, ассигновавшее 1300 руб. на устройство детских столовых в деревнях. В результате приход общества в 1898 г. составили 4250 руб., а расход – 1270 руб. (из них 574 р. 45 коп. – содержание яслей и 605 руб. 61 коп. – содержание детских столовых) [166].

В период с 20–25 июня до 15–16 августа 1898 г. обществом были организованы ясли в шести селениях уезда. Заведование яслями осуществляли учительницы народных училищ, под наблюдением которых в течение всей рабочей поры в каждом из селений находилось от 60 до 200 детей (всего 669 человек) в возрасте от 3 до 8 лет. Помимо религиозно-нравственного воспитания (изучение молитв), особое внимание уделялось обучению старших детей ремеслам. При поддержке местного управления Красного Креста обществом также были открыты детские столовые в наиболее пострадавших от неурожая деревнях Рязанского уезда [167].

А 6 октября 1910 г. общество «Работные Ясли» было открыто в г. Рязани. Несмотря на похожее название, это объединение несколько отличалось от вышеописанного своей целевой направленностью и принципами отбора призреваемых. Как указывалось в уставе, целью этого общества было «призрение и обучение грамоте и ремеслам детей мужского пола нищих, сирот и полусирот, родители которых лишены возможности добывать себе средства к жизни, если при том родители или сами дети, нуждающиеся в призрении, состоят постоянно обывателями города Рязани или по крайней мере живут в гор. Рязани не менее одного года» [168].

Возраст принимаемых под опеку детей по уставу должен был равняться 8–12 лет. Средства общества включали членские взносы, пожертвования, проценты с капиталов, доходы от публичных мероприятий и др.

При обществе действовал приют, имевший свою самостоятельную длительную историю. Он был организован еще в период русско-японской войны обществом-предшественником данного объединения и имел целью помощь детям военных, ушедших на фронт. В 1906 г. это учреждение трансформировалось в приют для беспризорных мальчиков, где воспитанники обучались грамоте и

ремеслам. А в 1910 г. приют перешел в ведение нового общества — «Работные Ясли» [169]. С этого момента деятельность приюта включала в себя содержание, обеспечение одеждой, обучение грамоте (четырёхлетний общеобразовательный курс в объеме городского приходского училища) и ремеслу беспризорных мальчиков и мальчиков-сирот вплоть до достижения ими шестнадцатилетнего возраста. Ремесленное отделение состояло из трех мастерских – коробочно-картонажной, переплетной и жестяной. Прибыль от заказов мастерских составляла около 25 % общего годового дохода приюта. Покидавшие приют юноши устраивались в частные мастерские.

Общее число воспитанников приюта к 1 января 1913 г. достигло 41 человека: 12 — в переплетной мастерской, 14 — в картонной и 10 — в жестяной (остальные 5 продолжили учебу в средних учебных заведениях) [170].

Согласно Положению о детских приютах от 18 июля 1891 г., в Рязани и Пронске действовали попечительства детских приютов, состоявшие в Ведомстве учреждений императрицы Марии и находившиеся под непосредственным покровительством императора и императрицы. Их целью была помощь бедным детям обоего пола, независимо от сословия, происхождения и религии. В соответствии с этим приюты брали на себя заботу о детях, оставшихся без надзора родителей во время дневных работ, а также о малолетних детях, чьи родители были не в состоянии обеспечить должное воспитание и обучение, и о сиротах. Приюты принимали детей в возрасте от трех лет и содержали их вплоть до достижения ими 12 лет, лишь в исключительных случаях воспитанники могли оставаться в приюте до четырнадцатилетнего возраста. Попечительства в свою очередь отвечали за финансовое и санитарное благополучие приютов, распоряжались движимым и недвижимым имуществом, осуществляли контроль за отчетностью данных учреждений и рассматривали ходатайства о принятии новых воспитанников. В ведении Рязанского губернского попечительства находился Александринский детский приют (открыт в 1845 г.), в ведении Пронского уездного попечительства — Пронский приют королевы Вюртембергской Ольги Николаевны (учрежден в 1883 г.) [171].

Средства на содержание приютов поступали от опекунского совета учреждений императрицы Марии; в виде пособия от госказначейства, а также от городских и земских учреждений; в виде ежегодных взносов почетных членов и единовременных пожертвований частных благотворителей и общественных организаций; от лотерей, спектаклей, концертов; в виде доходов с недвижимого имущества и т. д.

К концу XIX в. (на 1 января 1899 г.) в распоряжении Рязанского губернского попечительства находился капитал в 27657 руб. 81 коп. Приход за 1898 г. составил: 1450 рублей – пожертвования от попечительницы и почетных членов, 500 руб. — пособие от Рязанского купеческого общества, 428 руб. 30 коп. — пособие от Рязанского благотворительного общества за воспитание опекаемых обществом детей. Остальная часть прихода выразилась в доходах с недвижимого имущества и материальных пожертвованиях (учебники, одежда, продукты) на сумму 640 руб. Расход на содержание приюта в этом году достиг 2280 руб. 76 коп. [172]. В это время в приюте было 65 детей, которые получали одежду и питание, а также обучались Закону Божию, пению, рукоделиям и переплетному мастерству.

Пронское уездное попечительство к концу 1898 г. владело 22000 руб. Главными статьями дохода для него были проценты с капиталов и пособие от уездной земской управы (500 руб.). Расход на содержание приюта в этом году составил 2444 руб. (из них 1150 руб. – экстренный расход по переустройству и ремонту здания приюта). В 1898 г. в приюте на полном содержании находились 16 мальчиков [173].

Помимо объединений, оказывавших помощь различным категориям неимущих, в Рязанской губернии существовала еще одна группа благотворительных обществ — попечительства о лицах, нарушивших закон. К таковым относилось Рязанское общество исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних преступников. Устав общества был утвержден министром внутренних дел 30 сентября 1894 г., о чем на учредительном собрании было объявлено рязанским губернатором [174]. Председателем нового общества был

избран прокурор окружного суда П. А. Рагозин. В состав Правления вошли представители местной судебной власти (судьи, помощники прокурора и т. д.). Целью общества было «первоначальное образование и нравственное воспитание несовершеннолетних, впавших в преступление, а если окажется возможным, и бесприютных сирот и нищих, развивая в них любовь к честной трудовой жизни и содействуя к продолжению таковой по оставлении колонии или приюта» [175]. По уставу общество получало право открывать приюты для несовершеннолетних, где воспитанники могли получить начальное образование и изучить на практике сельское хозяйство, садоводство, огородничество и ремесла.

Уже на первом этапе новое объединение получило значительную поддержку от местных органов власти и самоуправления. Так, Рязанское губернское земство выделило единовременно 5000 руб., а уездное – 3125 руб. 34 коп. Финансовую помощь оказали и другие уездные земства – Сапожковское, Пронское, Раненбургское, Егорьевское, Зарайское, Данковское, Касимовское, Ряжское, Спасское, Михайловское (в среднем по 50–100 руб.), а также городские думы – Раненбургская, Касимовская, Спаская (по 25 руб.) Были и крупные частные пожертвования — от бывшего прокурора Рязанского окружного суда (450 руб.), от председателя Рязанской губернской земской управы В. С. Буймистрова (1000 руб.) и т. д. Всего к 1 мая 1897 г. в кассу общества поступило 15140 руб. 44 коп. [176]. Кроме того, Губернским земским собранием было определено отчислять 10 % так называемых «штрафных денег» на устройство и содержание приюта [177]. На 1 января 1897 г. количество членов общества составило 248 человек [178].

В дальнейшем средства общества предполагалось пополнять из следующих источников: 1) членских взносов; 2) пособий и пожертвований правительственных и общественных учреждений, а также частных лиц; 3) платы от родителей, общественных и правительственных учреждений за содержание воспитанников; 4) доходов от продажи продукции учреждений общества (мастерских и сельскохозяйственных предприятий); 5) прибыли от концертов, спектаклей, лотерей, литературных чтений и т. д. [179].

Вскоре после организации объединения возник вопрос об учреждении при нем исправительного приюта. Причем, как свидетельствуют журналы заседаний общества, по этому поводу между его членами велись жаркие дебаты — одни высказывались за открытие городского приюта, другие — за организацию земледельческой колонии в сельской местности [180]. Одновременно решить обе проблемы было невозможно из-за недостатка средств. Поэтому было решено сначала открыть приют, а в дальнейшем собрать средства для учреждения колонии.

13 сентября 1897 г. был утвержден устав ремесленного исправительного приюта (официальное открытие состоялось 2 февраля 1898 г.) [181]. Согласно ему, в приют на основании полученных от судебных органов документов принимались несовершеннолетние мальчики в возрасте от 10 лет до 15 лет. Здесь они получали религиозно-нравственное воспитание и начальное образование, а также обучались ремеслу. Выпускники находились под опекой общества вплоть до 21 года и могли обращаться в правление за помощью. Некоторым воспитанникам за отличные успехи общество оплачивало дальнейшее образование в учебных заведениях [182].

К началу 1904 г. в приюте общества находилось 20 человек. Помимо занятий по общеобразовательным предметам (чтение, письмо, черчение, рисование, арифметика, естествознание, география, история, закон Божий) 10 воспитанников занимались в сапожной мастерской и 10 — в портновской. Обе мастерские приносили доход — 123 руб. 98 коп. и 98 руб. 15 коп. в 1903 г. соответственно. При приюте также имелся сад и огород, которые за этот же период принесли 40 руб. 25 коп. дохода [183]. Особое внимание в приюте отводилось религиозно-нравственному воспитанию подростков, для этого они регулярно посещали церковные службы.

Что касается деятельности самого общества, то она с течением времени явно замедлилась. Если в 1900 г. в состав общества входило 186 человек [184], то в 1903 г. число членов равнялось 118 человек [185], то есть сократилось более чем в два раза с момента возникновения общества (сравн.: 248 человек в 1897 г.). За

счет уменьшения членских взносов и частных пожертвований значительно снизился годовой доход объединения: в 1900 г. — 6385 руб. 29 коп. (1406 руб. — членские взносы, 1094 руб. 40 коп. — пожертвования, 2616 руб. 27 коп. — пособия от казны и местных органов самоуправления и пр.) [186], в 1903 г. — 5961 руб. 35 коп. (400 руб. — членские взносы, 46 руб. 54 коп. — пожертвования, 2927 руб. 20 коп. — пособия от казны и местных органов самоуправления и пр.) [187].

Из приведенной характеристики данного объединения и его заведения становится очевидным его близкое «родство» с описанными выше попечительствами о домах трудолюбия и работных домах. Разница между ними была лишь в отсутствии в последних элементов пеницитарной системы (в том числе представителей судебных органов в составе) и упора на «исправительный» характер учреждений попечительства. Сходство же этих двух типов объединений социального призрения прослеживалось прежде всего в содержательной части воспитательно-образовательных мероприятий и активном участии административных органов в создании и деятельности попечительств.

Похожую миссию выполняла еще одна группа общественных объединений — общества покровительства бывшим заключенным «Патронат», действовавшие на территории всей Российской империи. Одно из таких обществ находилось в Рязани. Оно было открыто 12 мая 1912 г., а первое общее собрание объединения состоялось 14 сентября 1912 г. [188]. Причиной, вызвавшей появление этого типа организаций, стало издание закона 22 июня 1909 г. Согласно ему, лица, отбывшие наказание и отличившиеся хорошим поведением в месте заключения, освобождались за некоторое время до окончания срока наказания (условно досрочно). Они передавались на попечение местного общества «Патронат», которое должно было помочь им «вернуться к честной жизни» [189].

«Патронат» брал на себя материальную помощь семье заключенного, снабжение освобожденного средствами для переезда на родину, чтобы избавить его от следования этапом. Нравственная поддержка осуществлялась как во время пребывания заключенного в тюрьме (посещение членами «Патроната», беседы и

мелкие услуги), так и после освобождения – содействие в налаживании отношений подопечного с родственниками и обществом. Юридическая помощь заключалась в поиске поручителей, возбуждении ходатайств о досрочном освобождении и др. [190].

Один из первых отчетов нового объединения был опубликован в газете «Рязанская жизнь». В нем говорилось о помощи освобожденным из губернской тюрьмы (всего 85 человек) и из исправительно-арестантских отделений (всего 169 человек): «У 14 заключенных имелись небольшие средства всего на сумму 67 рублей 2 копейки. Этих средств не хватило на дорогу, пропитание и одежду. Поэтому «Патронат» оказал им помощь деньгами в сумме 55 руб. 51 коп. ... У 7 же лиц денег совершенно не оказалось, почему пришлось выдать им полностью необходимые средства на сумму 71 руб. 85 коп. ... У 14 не оказалось одежды, каковая и была куплена на средства «Патроната» на сумму 73 руб. 64 коп.» [191].

Общества «Патронат», как и многие из вышеописанных, имели полуадминистративную структуру и поддерживались правительством. В 1913 г. был издан закон, согласно которому «Патронатам» из государственного казначейства отпускались пособия, не превышавшие ежегодного бюджета общества [192].

Одной из наиболее известных гуманитарно-благотворительных организаций общероссийского масштаба, имевшей свое отделение в Рязанской губернии, было Общество Красного Креста. Особенностью этого объединения было сочетание традиций международного движения (частью которого являлось и российское общество) с национальным историческим опытом филантропии. Российское Общество Красного Креста состояло под непосредственным покровительством императрицы и в своих действиях руководствовалось уставом, утвержденным 17 апреля 1893 г. Целью объединения было содействие отечественной военной администрации в организации ухода за ранеными и больными воинами (всех армий в районе действий общества) во время войны, а также врачебная и иные виды помощи. В мирное же время деятельность общества была направлена на подготовку ресурсов к деятельности в период военных конфликтов, поддержку

воинам-инвалидам (как материальную в виде пожертвований, так и посредническую — при подаче ходатайств об их правах на пенсии, пособия и т. д.) и помощь населению, пострадавшему от общественных бедствий (эпидемии, пожары, неурожаи и т. д.) [193]. Вспомогательной функцией Красного Креста была организация медицинских учреждений и подготовка санитарного персонала.

Местное управление Общества Красного Креста находилось в Рязани. Активное участие в его работе принимал губернатор Н.С. Брянчанинов, ставший организатором и председателем Рязанского комитета общества. К 1894 гг. были открыты местные комитеты в уездных центрах (во главе с уездными предводителями дворянства) — Скопине, Раненбурге, Спасске, Касимове, Егорьевске, Пронске, Данкове, Зарайске, Рязске, Сапожке [194].

В апреле 1893 г. по инициативе местного комитета был утвержден устав Рязанской общины сестер милосердия во имя Святой Великомученицы Екатерины. Для ее организации были собраны пожертвования жителей губернии. А чуть позже при общине был открыт попечительный совет во главе с Екатериной Николаевной Муромцовой [195].

Средства общества составлялись из ежегодных взносов членов общества; единовременных пожертвований деньгами, вещами и имуществом; всякого рода сборов, разрешенных законом. За пособиями на содержание общины, особенно на первых порах ее деятельности, Е. Н. Муромцова обращалась также к председателям уездных земских собраний [196].

Например, в 1898 г. структура бюджета местного Рязанского управления включала: расходный капитал — 2048 р. 80 коп., запасный капитал на нужды военного времени — 14250 руб. 52 коп., капитал для пособий воинам-инвалидам — 1847 руб. 77 коп. и специальный капитал — 88977 руб. 57 коп. Главную статью расхода (более 30 %) составляла субсидия Рязанской Общине сестер милосердия в размере 720 руб. Кроме того, 10 % поступлений отчислялись в пользу Главного Управления. Остаток от расходных сумм распределялся в размере 2/3 в запасный капитал на нужды военного времени и 1/3 в капитал на помощь воинам-инвалидам. В 1898 г. из последнего было выдано пособий воинам-инвалидам на

сумму 203 руб. 77 коп. В состав специальных сумм входил капитал пособий при общественных бедствиях (84 %) и капитал скорой помощи при несчастных случаях (11 %). В 1898 г. были выданы пособия на сумму 38023 руб. 64 коп. пострадавшим от неурожая жителям губернии [197].

Помимо этого с 1897 г. специальные суммы отпускались на устройство амбулатории при Рязанской Общине сестер милосердия, для чего был основан специальный фонд. Средства для него собирались по всей губернии местными комитетами. В 1897 г. они составили 1303 руб. 47 коп. [198].

Наибольшую активность Общество, согласно своей основной специализации, проявляло во время вооруженных конфликтов—в период русско-японской и особенно Первой мировой войны, когда на территории губернии были развернуты госпитали (Рязанский и Рязанской Екатерининской общины сестер милосердия). Однако основная деятельность общества на региональном уровне пришлась на мирное время.

Особую роль Рязанское Общество Красного Креста сыграло в организации помощи пострадавшим от неурожая конца XIX в. Во всех уездах губернии были организованы продовольственные Попечительства Общества Красного Креста, которые в свою очередь открывали вспомогательные попечительства с более локальными районами деятельности (городские, участковые, сельские). Для получения денежных средств в фонд помощи пострадавшим от неурожая общество организовало кружечный сбор в церквях губернии, осуществляло прием пожертвований от организаций и частных лиц. Помощь пострадавшим оказывалась деньгами и продовольствием, а также посредством открытия бесплатных столовых для детей и престарелых. Так, например, во время неурожая 1891 г. в кассу общества поступило более 50 тыс. рублей пожертвований [199].

Поддержка оказывалась и семьям погибших военных — так, в 1893 г. после гибели экипажа броненосца «Русалка» были собраны средства для помощи их родственникам [200].

Деятельность общины сестер милосердия заключалась в дежурстве при больницах и уходе за больными в частном порядке, оказании помощи в составе

санитарных отрядов во время эпидемий (в 1893 г. — дизентерии и холеры, в 1897 г. — тифа и дифтерита). Медицинская подготовка сестер осуществлялась под руководством главного врача общины. Теоретическая часть включала следующие разделы: болезни внутренних органов и уход за больными, хирургия, анатомия и физиология, фармакология и латинский язык, Закон Божий. Практические занятия по уходу за больными проводились в больнице Рязанского губернского земства и Рязанской уездной земской больнице, а занятия по изготовлению лекарств — в аптеке Рязанского губернского земства. Обучение завершалось сдачей экзаменов.

Число выпускниц сестринских курсов росло с каждым годом. К 1 января 1898 г. в общине состояло 8 сестер Красного Креста, 10 испытуемых, 6 учениц и 3 человека «в запасе» [201]; к 1 января 1911 г. — 19 сестер и 11 испытуемых [202]; к 1 января 1913 г. — 28 сестер и 5 испытуемых [203]. Сословная принадлежность сестер милосердия (в основном девушки 18–25 лет) была весьма разнообразной. Так, слушательницами сестринских курсов в 1913 г. были: 4 дворянки, 5 дочерей чиновников, 3 дочерей почетных граждан, 2 послушницы женского монастыря, 12 крестьянок [204].

Членский состав местного комитета на протяжении истории существования общества также постепенно увеличивался: 1897 г. — 36 человек [205]; 1911 г. — 41 член [206]; 1913 г. — 52 члена [207].

Следует отметить, что сведения о деятельности Общества Красного Креста на региональном уровне очень фрагментарны. Это, вероятно, объясняется особенностями его структуры и управления, а также значительной организационной «вторичностью» региональных отделов по отношению к центральному.

Параллельно осуществляло свою деятельность Воинское Благотворительное Общество Белого Креста. Центральное общество возникло в Петербурге в начале 80-х гг. XIX в., а в конце 80-х гг. оно было принято под покровительство великого князя Михаила Александровича. В Рязани подобное объединение появилось в 1899 г. и получило название Рязанского местного правления Воинского

Благотворительного Общества Белого Креста. В состав правления общества вошли: полковник генерального штаба Г. А. Зметнов (председатель), М. С. Докудовская (товарищ председателя), ректор Рязанской духовной семинарии протоиерей И. Смирнов и др. [208].

Целью общества было оказание помощи: а) нуждающимся воинам, потерявшим здоровье на службе, их женам, вдовам и детям; б) в особых случаях и лицам, состоящим на действительной военной службе, а также военным, уволенным в отставку в результате каких-либо исключительных обстоятельств, и их семьям [209].

Помощь выражалась в выдаче нуждающимся денег и вещей, устройстве сыновей офицеров в кадетские корпуса и школу-приют Общества, помещении престарелых и больных в богадельни и больницы и т. д. Для осуществления этих задач общество имело право устраивать общежития, приюты, дома призрения.

Общественная забота распространялась не только на людей. Объектами ее являлись и «братья меньшие»: 29 мая 1903 г. в Рязани открылось Общество покровительства животным. Оно представляло собой местный отдел Российского общества, находившегося под покровительством императрицы Марии Федоровны [210]. Из «Программы занятий общего собрания членов Рязанского отдела Российского общества покровительства» видно, что уже на начальном этапе деятельности объединения в его рамках было образовано несколько комиссий (по охране лошадей, по устройству народных чтений «в духе покровительства животным») и избрано 8 участковых попечителей, осуществлявших контроль в подведомственных им районах города [211]. Последние, в свою очередь, были тщательно проверены жандармерией на политическую благонадежность, так как деятельность объединения включала просветительную часть [212]. Активно обсуждался вопрос об открытии амбулаторной лечебницы для животных.

Особое внимание участники объединения уделяли проблеме жестокого обращения с ломовыми лошадьми [213]. По этому вопросу они неоднократно посылали рязанскому губернатору прошения о содействии. Так, в архивных документах находим его замечание: «Правление Рязанского отдела Российского

общества покровительства животным... обратилось ко мне с просьбой о запрещении ломовым извозчикам, а также частным лицам, перевозящим тяжести, привязывать лошадей арканами, которые приносят напрасные мучения животным» [214].

Необходимо отметить, что местная администрация с готовностью оказывала помощь этой организации. Об этом свидетельствуют распоряжения губернатора и рязанского полицмейстера. Так, по приказу начальника рязанской полиции всем низшим полицейским чинам предписывалось на постах строго наблюдать за точным исполнением ломовыми извозчиками принятых городской думой правил обращения с лошадьми (не перегружать, не бить твердым или острым орудием и т. д.) [215]. А летом 1905 г. после очередного ходатайства правления общества, губернатор наказал полицейским управлениям «вменить подведомственным органам в обязанность не допускать... мучения каких-либо животных и всякого жестокого с ними обращения; упорствующих же в прекращении поименованных нарушений привлекать к законной ответственности» [216].

Общество активно занималось пропагандой своих идей. По инициативе членов организации и с разрешения губернатора на улицах Рязани были установлены столбы с плакатами против истязания животных. Кроме того, стремясь привлечь внимание молодежи (учащихся) к проблеме защиты животных, объединение предлагало учителям городских и народных школ вступать в его состав на льготных условиях [217]. То есть большое внимание уделялось не только попечительским мероприятиям, но и просветительству.

Еще одним филантропическим объединением было «Благотворительное общество рязанцев в Санкт-Петербурге». Несмотря на то, что общество располагалось за пределами Рязанской губернии, его учредителями и членами являлись рязанцы, а значит, данную организацию можно по праву отнести к рязанским. Это общество представляло собой своего рода землячество и было образовано по примеру благотворительных организаций Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской и других близлежащих губерний. Целью

объединения было осуществление помощи (моральной и финансовой) землякам, приехавшим в столицу и оказавшимся в затруднительном положении.

Вот как причины создания общества описывались в «Воззвании» его учредителей, опубликованном в рязанской прессе: «Каждый день поезда железных дорог везут в Петербург новых людей из провинции, жаждущих познаний или заработка. Но не всех балует столица: для многих она является мачехой. Сколько раз приходится читать и слышать о тех, кто затерялся в этом многолюдном городе, попал в среду падших и сам пал... А между тем простое теплое участие, добрый совет, нравственная или материальная поддержка, оказанная своевременно, спасли бы многих от падения» [218].

Устав объединения был утвержден МВД 28 апреля 1905 г., а открытие общества состоялось 11 мая 1905 г. Почетными членами были избраны министр внутренних дел А. Г. Булыгин (уроженец Рязанской губернии), член Государственного Совета П. П. Семенов-Тян-Шанский и протоиерей И. И. Демкин. В Правление вошли: Председатель Государственного совета, егермейстер Высочайшего Двора граф С. А. Толь, профессор духовной академии Соллертинский, протоиерей Н. К. Смирнов, председатель Ларинской Петербургской гимназии С. А. Лавров. Членские взносы составили 5 рублей в год [219].

Как указывалось в отчетах организации, на первых порах в действительные члены записалось около 100 человек, однако с течением времени состав участников значительно сократился [220]. Из-за трудностей, вызванных войной на Дальнем Востоке, новое объединение не смогло развернуть широкую деятельность. Тем не менее общество не осталось в стороне от организации помощи рязанским воинам и их семьям. Так, Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, возглавлявший в это время Мариинское попечительство о семействах призванных на войну солдат запаса и Алексеевский комитет государственной помощи семьям убитых и раненых воинов, сумел посредством этих двух объединений оказать поддержку землякам. Многим из них были назначены единовременные пособия. А благодаря усилиям и рекомендациям первого

председателя графа С. А. Толя, входившего параллельно в Совет Общества Красного Креста, нуждающиеся рязанцы получали помощь в рамках учреждений этого объединения.

Кроме того, члены общества помогали в трудоустройстве: многие рязанцы поступили на службу на городских трамваях, в Экономическое общество офицеров армии и флота, на столичные фабрики и заводы [221].

Что касается денежной помощи землякам, то она была менее обширной ввиду постоянной нехватки у общества оборотных средств (не более 400 руб. в год). Причем материальной поддержкой пользовались лица всех сословий и званий, приезжавшие в Петербург из Рязанской губернии. Но в большинстве случаев это были прибывшие на заработки крестьяне, военные и учащиеся. Ежегодное число получавших помощь лиц варьировалось от 2 до 30 человек.

В 1905 г. было выдано пособий на сумму 40 рублей, в 1906 г. — 108 руб., в 1907 г. — 35 рублей, в 1908 г. — 25 рублей, в 1909 — 396 рублей [222]. В основном это были единоразовые денежные пособия нуждающимся, взнос платы за обучение студентов, оплата лечения земляков. В отдельных случаях общество оказывало помощь семьям умерших рязанцев, а также выдавало заимообразные пособия (с последующим возвратом) на различные нужды.

К 1910 г. общий капитал объединения составил 1338 руб. 36 коп. [223], а общее количество членов — 38 человек [224], что свидетельствовало о довольно скромных результатах деятельности данного объединения за первую пятилетку. Об этом же говорят и суммы членских взносов, являвшиеся одной из главных статей дохода объединения: 1905 г. — 778 руб., 1906 г. — 186 руб., 1907 г. — 95 руб., 1908 г. — 147 руб. 1909 г. — 243 руб. [225].

Для борьбы с дефицитом денежных средств и привлечения внимания общественности к деятельности объединения правление периодически публиковало в прессе воззвания к землякам, рассылало им устав общества, а также снабжало членов организации квитанционными книжками для сбора взносов и пожертвований. В качестве дополнительных источников дохода объединением устраивались благотворительные вечера и концерты.

Однако все эти меры не способствовали существенному улучшению положения данной добровольной организации: «О средствах денежных говорить не приходится: только при щедрых притоках взносов и пожертвований возможно расширение деятельности, так как никакая инициатива невозможна без затрат. А между тем средства Общества до сего времени более чем скромны» [226]. В целом члены правления констатировали печальный факт — опыт рязанского объединения оказался гораздо менее удачным, чем опыт подобных обществ в других губерниях (в частности, Ярославской, Тверской и Костромской).

Отличительной чертой рассматриваемого исторического периода и составной частью модернизации системы общественных отношений являлся процесс женской эмансипации. Свидетельством возрастания общественной роли представительниц слабого пола стало появление в Рязанской губернии женских благотворительных организаций. В рязанских архивах сохранились отрывочные сведения о двух из них — Дамском благотворительном кружке и Обществе взаимопомощи женщин. Первая (согласно предложенной выше классификации) относилась к объединениям, преследовавшим цели общего характера, вторая оказывала помощь лишь отдельной категории населения. Действительными членами обеих организаций могли быть только женщины.

Дамский благотворительный кружок (появился в конце XIX в.) состоял из лиц женского пола во главе с уже упоминавшейся председательницей Рязанского Благотворительного общества Е. Н. Муромцовой. В рамках этого кружка рязанские барышни осуществляли помощь нуждающимся жителям г. Рязани (продуктами, одеждой и деньгами). Так, в «Отчете Дамского благотворительного кружка по снабжению бедных г. Рязани платьем, чаем, сахаром и деньгами к Празднику Св. Пасхи» от 18 марта 1896 г. указывалось, что такая поддержка была оказана: 122 семействам назначены денежные пособия для взноса квартплаты в размере 189 руб. 40 коп.; 80 семействам и Общине сестер милосердия выданы ткани и одежда; для 60 семейств куплены чай и сахар [227]. Общий приход составил 218 руб. 40 коп. [228].

А вот целью Рязанского общества взаимопомощи женщин было «улучшение материальных и нравственных условий жизни своих членов, а также взаимное содействие развитию их умственного, морального и правового самосознания» [229]. Учредители подали прошение об утверждении устава в апреле 1914 г., а регистрация объединения произошла незадолго до начала Первой мировой войны — 7 июля 1914 г. [230].

Одним из главных инициаторов создания общества стала жена редактора «Рязанского вестника» Владимира Николаевича Розанова Юлия Васильевна. В состав новой организации вошли местные «прогрессивные» дамы — супруги многих известных рязанских общественных деятелей, врачей, инженеров, представительницы дворянского и купеческого сословий: вдова рязанского купца Варвара Николаевна Крюкова, жена врача Александра Николаевна Пежемская, жена врача Мария Максимовна Штейнлехнер, жена инженера Ксения Владимировна Любомирова, дворянка Нина Александровна Ширинкина и др. (всего 15 дам) [231].

Во главе общества стоял Комитет (12 человек), избиравшийся сроком на три года. Весь членский состав делился на три категории: действительные члены (были обязаны ежегодно вносить по 3 рубля), почетные члены (избирались общим собранием за особые заслуги или крупные пожертвования) и соревнователи (платили ежегодно по 5 руб., не имели права решающего голоса в общих собраниях и права входить в состав руководства). В отличие от действительных членов, которыми могли быть только женщины, две последние категории могли включать лиц обоего пола. Однако ни почетные члены, ни члены-соревнователи не могли пользоваться помощью общества и получать от него пособия и ссуды. Интересен принцип поощрения за преданность делу объединения — действительные члены, состоявшие в объединении непрерывно в течение 15 лет, освобождались от уплаты членских взносов при сохранении всех своих прав и статуса [232].

В качестве материальных источников объединение предполагало использовать членские взносы, частные пожертвования, проценты с капиталов и выдаваемых ссуд, прибыль от публичных мероприятий.

Деятельность общества, согласно уставу, распространялась на Рязань и Рязанскую губернию. Для достижения заявленной в пункте 1 устава цели общество имело право: выдавать нуждавшимся членам единовременные и ежемесячные пособия; помогать в поиске работы; обеспечивать участников объединения и их семьи дешевым жильем, столовыми и лечебницами; учреждать приюты для нетрудоспособных и престарелых членов общества; организовывать детские сады и летние колонии для детей членов общества; открывать при обществе библиотеки и мастерские; устраивать для членов общества публичные лекции и литературные чтения по различным вопросам общественной и политической жизни; проводить музыкальные и литературные вечера, спектакли, танцы, игры в шахматы и т. д. [233]. Мы видим, что данное объединение было полифункциональным и совмещало в себе черты благотворительных, просветительских и досуговых обществ.

Таким образом, общественная филантропия Рязанской губернии на рубеже XIX–XX вв. характеризовалась огромным разнообразием целей, форм и принципов деятельности, охватывала различные категории населения и сферы жизни рязанцев. В работе рязанских благотворительных объединений — старейших, наиболее многочисленных и материально обеспеченных среди добровольных обществ, успешно соединились традиции прошлого (активное участие дворянства и церковных деятелей в деле социальной защиты) и тенденции эпохи модернизации (развитие купеческого меценатства, соединение благотворительной и просветительной функции, женская эмансипация). Вместе с тем следует отметить гибкость благотворительных объединений этого времени, их способность к переориентации на актуальные проблемы общества и потребности различных групп нуждающихся. Огромное значение для этой категории добровольных объединений имела финансовая и организационная поддержка местной власти и органов самоуправления, их «соучастие» в

осуществлении общественно полезной деятельности. Существенно дополняя государственную систему социальной защиты населения, рязанские благотворительные объединения способствовали стабилизации материального положения различных категорий неимущих, открывали доступ к получению начального и профессионального образования для бедных учеников, обеспечивали возможности для социальной адаптации отдельных групп рязанского социума.

2.2. Общества профессиональной взаимопомощи и добровольные объединения по защите населения губернии при чрезвычайных ситуациях

Неотъемлемой частью общественной жизни Рязанской губернии на рубеже XIX–XX вв. стала деятельность организаций профессиональной взаимопомощи. Появление этих объединений было вызвано тяжелым материальным положением различных групп интеллигенции и служащих — педагогов, врачей, работников культуры, приказчиков, работавших по найму и живших за счет небольшого жалованья. Взаимовспомогательные организации, в свою очередь, призваны были компенсировать недостатки системы государственной поддержки работающего населения. Вместе с тем возникновение подобных объединений стало отражением важной социальной тенденции эпохи модернизации, когда в результате трансформации стратификационной структуры общества сословный принцип корпоративности постепенно сменялся профессиональным.

По сути, объединения взаимопомощи занимали промежуточное положение между благотворительными организациями и профсоюзами. Однако от первых они отличались тем, что осуществляли помощь только внутри своего общества, что не нельзя признать филантропией в широком смысле слова. Так, в «Справочной книжке об обществах и союзах» В. И. Чарнолуского разъяснялось: «Общества взаимного вспоможения не могут быть отнесены к числу обществ благотворительных, так как они оказывают помощь... только своим членам, а следовательно и самая помощь имеет характер товарищеской поддержки, между тем как благотворительные общества выдают пособия или оказывают те или другие услуги исключительно нуждающимся в том лицам, вовсе не принадлежащим к составу сих обществ, а потому услуги и пособия являются для пользующихся ими благотворением» [1]. Отличие от профсоюзов заключалось в том, что объединения взаимопомощи не имели права отстаивать интересы своих членов перед работодателями. Кроме того, многие из обществ взаимопомощи содержали в себе черты научно-технических и отчасти страховых организаций. Большинство взаимовспомогательных объединений появилось в 90-е годы XIX в. — начале XX в. К 1914 г. в Российской империи насчитывалось свыше 100

обществ учителей, около 40 — фельдшеров, свыше 150 — служащих частных предприятий и т. д. [2]. В Рязанской губернии в этот период их число не превышало 10.

Деятельность большинства обществ взаимопомощи заключалась в выдаче ссуд и пособий своим членам, а также в содействии их трудоустройству (иногда и в других видах помощи). Средства обществ складывались из членских взносов, благотворительных пожертвований, доходов от устройства спектаклей, концертов и т. п.

Одним из самых старых в этой области (не только в губернии, но и в Российской империи в целом) было Общество для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии, открытое 3 марта 1882 г. по инициативе бывшего директора народных училищ М. Н. Кормилицына. Первоначально оно учреждалось как исключительно благотворительное, но с течением времени приобрело функции взаимовспомогательного объединения.

Необходимо отметить, что недостаточность материального обеспечения представителей данной профессиональной категории в дореволюционной России признавалась как обществом, так и властью. Однако периодические попытки решить эту проблему на уровне государства не приводили к радикальному улучшению положения народных учителей: их годовое жалованье в начале XX века составляло от 120 до 240 рублей (в зависимости от разряда учебного заведения). Так, сотрудник одного из местных изданий этого времени (некто «Ф. Ч-н»), анализируя в своей статье бюджет рязанских педагогов (с приведением соответствующих математических расчетов), сделал неутешительные выводы: «большинство учителей вследствие низкого оклада или обремененности семьей лишены возможности выписать журнал или газету, следить за общественной жизнью и быть всегда в курсе завоеваний педагогической мысли», и более того, скудность средств, по его мнению, приводит к «малокровию, неврастении и полному упадку физических сил, что способствует забвению ранее приобретенных учителем знаний, мешает всецело отдаться своему делу, лишает возможности хоть сколько-нибудь пополнить свое образование» [3]. Такая

характеристика жизни педагогов дает ясное представление о причине возникновения в их среде объединения профессиональной поддержки.

На начальном этапе новому обществу (имевшему на тот момент филантропическую ориентацию) удалось привлечь к участию немногим более 100 человек, большинство из которых были представителями земства. Во главе общества встали видные общественные деятели Рязанской губернии: председателем правления был избран Губернский Предводитель Дворянства Л. М. Муромцев, первыми членами Правления — бывший и действующий директор народных училищ М. Н. Кормилицын и А. В. Драницын, инспектор В. В. Баренов, председатель Губернской земской управы А. В. Алянчиков, директор Учительской семинарии В. Н. Екимецкий, инспектор Н. И. Высотский и советник Губернского Правления В. М. Полянский [4].

Как отмечалось в уставе, целью объединения было «оказание своевременной и посильной помощи учащим в народных училищах Рязанской губернии преимущественно в непредвиденных несчастных случаях, как например: пожара, непредвиденной болезни, временного лишения места и пр.» [5]. Кроме того, предполагалось оказывать поддержку семьям педагогов, если они после смерти учителя лишались единственного кормильца. Для реализации указанных задач обществом выдавались единовременные или постоянные пособия и беспроцентные ссуды нуждающимся. Действительным членом объединения мог стать любой желающий («независимо от пола, звания и состояния»), делавший ежегодный взнос в пользу общества в размере 5 рублей. Человек, единовременно внесший не менее 100 рублей, становился пожизненным действительным членом. Звание почетного члена получали лица, «принесшие Обществу особенную пользу своими значительными пожертвованиями или трудами» [6].

Благодаря стараниям правления уже к моменту открытия общество имело в своем распоряжении более 2000 рублей. К концу первого года капитал объединения вырос до 2524 руб. (из них 254 руб. было выдано в виде пособий нуждающимся учителям), а через два года — до 3300 руб. Активную финансовую

поддержку новой организации оказало рязанское земство. Первым откликнулось губернское земство, которое назначило ежегодное пособие обществу в размере 200 руб. За ним последовали уездные земства – Данковское, Егорьевское, Касимовское и Спасское, установившие ежегодные взносы в 150 руб. [7]. Впоследствии к этому списку добавились и остальные уездные земства. В среднем помощь со стороны земства в первые двадцать лет существования общества выражалась в сумме 500 рублей ежегодно.

Необходимо отметить, что отношение самих учителей к деятельности общества на первых порах было настороженным. Определенную роль играла природная скромность большинства учащихся, и возникавшее у них при обращении за помощью чувство неловкости и униженности своим положением. Упоминание об этом не раз встречалось в отчетах объединения: «Центральное Правление отмечает факт чрезвычайной осторожности, даже щепетильности, с которой г. г. учителя обращаются за пособиями. Это подтверждается тем, что, несмотря на тяжесть нынешнего года [1891 г. — голод в России] отражающуюся на всех, а тем более на лицах, живущих в местах, где хлеб съеден еще в октябре месяце... и тем не менее прошений по этому поводу (т. е. в связи с голодом) поступило всего четыре, причем одно из них о ссуде» [8].

Таким образом, учителя даже в самые трудные периоды жизни неохотно обращались в общество за безвозвратными пособиями, предпочитая им ссуды. Принимая во внимание данный факт, правление общества со временем сосредоточилось в большей степени именно на этом виде помощи учащим. Всего за период с 1891 г. по 1904 г. Центральным правлением общества было выдано 313 ссуд на сумму 12372 руб. [9].

По мере развития деятельности объединения у руководства возникла идея о привлечении к участию в ней самих учителей: к 1896 г. на основании внесенного в устав дополнения педагоги стали допускаться в состав объединения на правах членов-соревнователей с ежегодным взносом в 1 руб., а с 1903 г. — в качестве действительных членов со взносом 5 руб. в год (4 руб. из них доплачивало уездное земство). К 1 января 1904 г. действительными членами стали 497

народных учителей [10]. Таким образом, общество пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии окончательно перешло из разряда чисто благотворительных организаций в категорию объединений профессиональной взаимной помощи.

Резкое увеличение численности организации за счет массового вступления в нее учителей поставило перед Правлением вопрос об учреждении уездных отделений, что позволило бы более эффективно управлять делами общества. В результате в течение года были открыты почти все уездные отделения: 2 ноября 1903 г. — Скопинское, 8 ноября 1903 г. — Раненбургское, 20 ноября 1903 г. — Данковское, 21 ноября 1903 г. — Рязанское, 22 ноября 1903 г. — Зарайское, 20 декабря 1903 г. — Спасское, 21 декабря 1903 г. — Ряжское, 30 декабря 1903 г. — Сапожковское, 4 февраля 1904 г. — Егорьевское, 5 февраля 1904 г. — Касимовское, 4 декабря 1904 г. — Михайловское, 22 декабря 1904 г. — Пронское [11], к которым перешло большинство функций по оказанию помощи нуждающимся учителям. Центральное правление оставило за собой только выдачу безвозвратных пособий в исключительных случаях острой нужды просителя, помощь многодетных учителям в деле образования их детей (посредством денежных выплат и стипендий), а также выдачу пособий уездным отделениям на организацию и содержание ими учреждений — общежитий для детей на время учебы, учительских домов и т. д. Кроме того, Центральное правление осуществляло общее руководство деятельностью филиалов, а те обязаны были делать годовые отчеты перед головным отделением.

В обязанности Центрального правления также входило осуществление взаимодействия и обмена информацией (путем рассылки экземпляров своего устава и отчетов) с обществами того же типа за пределами губернии. Так, например, в 1905 г. Правление Рязанского общества разослало копии отчета за 1904 г. обществам взаимопомощи учителей в народных училищах Вологодской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Псковской, Самарской, Тверской, Тульской, Ярославской, Владимирской и ряда других губерний, а также в редакции журналов: «Вестник благотворительности», «Трудовая помощь»,

«Известия по народному образованию», «Русский начальный учитель», «Народное образование», «Русская школа», «Вестник воспитания», «Педагогический листок» [12].

Нередко, особенно в первые годы своего существования, обществу приходилось отказывать просителям в оказании помощи. Это было вызвано как нехваткой средств, так и другими причинами. Так например, в отчете за 1897 г. содержатся следующие сведения: «отклонено 9 прошений о пособиях и 3 о ссудах. Из первых 5 — вследствие несоответствия мотивов просьб целям общества, причем одному лицу была предложена вместо пособия ссуда, 1 — вследствие неоднократного удовлетворения просьб просительницы, 1 — по достаточной материальной обеспеченности просителя и 2 — по недостаточной основательности просьбы; из вторых 2 — по необозначению предмета нужды и 1 — по недостаточной основательности просьбы» [13].

Несмотря на постоянно встречающиеся в отчетах Правления критические замечания о слабом нарастании средств, капитал общества стабильно увеличивался, особенно с появлением филиальных отделений. Спустя 10 лет с момента основания общество располагало общей суммой в 7000 рублей (пособия учащим за этот период составили 5255 руб.), через 15 лет — 10000 рублей (на помощь было потрачено 9373 руб.) [14], через 30 лет — 19300 рублей. В целом же за 30 лет работы сумма выданных пособий составила 41061 руб., ссуд — 68034 руб. [15].

Что касается капиталов уездных филиалов, то наиболее активно росли средства Сапожковского (сравн.: 360 руб. 13 коп. в 1905 г. и 2854 руб. 93 коп. в 1912 г.), Рязанского (641 руб. 50 коп. в 1904 г. и 2588 руб. 37 коп. в 1912 г.), Егорьевского (717 руб. 44 коп. в 1904 г. и 2341 руб. 59 коп. в 1912 г.), и Скопинского отделений (518 руб. 90 коп. в 1904 г. и 2264 руб. 77 коп. в 1912 г.). А вот капиталы Михайловского и Пронского отделений за тот же период изменились незначительно и к 1912 г. составляли 899 руб. 28 коп. и 782 руб. 90 коп. соответственно (против 209 руб. 42 коп. и 201 руб. 50 коп. в 1904 г.) [16].

Наряду с помощью отдельным лицам посредством ссуд и пособий, особой заботой общества было обеспечение детей учащихся всем необходимым для получения образования и устройство для них общежитий в городе, где находились средние учебные заведения. Так, общежития были открыты Рязанским (1903 г.), Егорьевским (1904 г.), а также Пронским и Спасским отделениями (1905 г.) [17]. Причем Рязанскому отделению общества для этой цели семьей Елагиных был отдан в дар дом, а Спасский и Пронский филиалы размещали свои общежития на частных квартирах.

Средства на содержание общежитий поступали от Центрального Правления, уездного отделения общества, земства и частично из жалованья учителей. Например, в общежитии Егорьевского филиала содержание каждого воспитанника обходилось в 142 рубля в год; из них 52 рубля платили родители, а 90 руб. — правление [18]. Кроме того, большинство филиалов имело специальные фонды с отчислениями на постройку собственных учительских домов.

Немалое внимание уделялось проблеме получения учителями бесплатных медицинских услуг. Так, в 1902 г. Центральное Правление обратилось в уездные земские собрания с просьбой предоставить учителям в земских начальных училищах бесплатное лечение в местных земских больницах и взять на свой счет лечение учителей в губернской земской больнице. В результате все земства, которые ранее не обеспечивали бесплатного лечения педагогов в уездных больницах, согласились взять на себя эти обязательства. От оплаты лечения учителей в губернской земской больнице временно отказались Касимовское, Михайловское, Пронское, Сапожковское и Ряжское земства, но с пометкой «принять к сведению» [19]. А членами Скопинского уездного общества даже обсуждался вопрос об устройстве санатория для учителей Рязанской губернии [20].

Помимо материальной поддержки в повседневной жизни, общество ставило перед собой задачу способствовать духовному и профессиональному развитию народных учителей. В связи с этим уездные отделения (Егорьевское, Михайловское, Пронское, Раненбургское, Сапожковское) ежегодно отчисляли

определенную сумму на пособия учащим, желающим поехать на педагогические курсы в Москву и Петербург [21].

Кроме того, в некоторых филиалах регулярно ассигновались средства на организацию учительских библиотек (например, Михайловским и Скопинским отделениями) [22]. В Рязанском уездном отделении общества для пособия учащим существовала специальная комиссия, которая занималась устройством в уезде лекций для учителей (педагогического и общеобразовательного характера), открытием библиотек, организацией образовательных поездок учащихся, помощью в посещении ими образовательных курсов, выпиской газет и журналов, изданием литературных работ педагогов и т. д. [23]. А вот в Михайловском отделении общества существовало целых три комиссии с соответствующими функциями: библиотечная, строительная и «о нуждах духовных» [24], что было отличительной чертой данного филиала.

К 1 января 1912 г. Рязанское общество вспомоществования учащим насчитывало 1765 члена и являлось самым крупным добровольным объединением губернии [25]. Наиболее многочисленными уездными отделениями, количество участников которых к концу первого десятилетия XX в. превышало 100 человек, являлись: Рязанское (153 члена), Касимовское (147 членов), Спасское (133 члена), Скопинское (117 членов), Сапожковское (113 членов), Егорьевское (107 членов) и Раненбургское (104 члена). Менее 100 человек имели в своем составе Зарайский (78 членов), Ряжский (73 члена), Михайловский (64 члена), Данковский (63 члена) и Пронский (61 член) филиалы [26].

С течением времени менялся состав общества и его руководство. Но были рязанцы, которые отдали работе в объединении не один десяток лет и внесли значительный вклад в развитие его деятельности. Среди них — Л. М. Муромцев и Н. И. Высотский, остававшиеся в составе правления со дня основания общества до своей смерти. Леонид Матвеевич Муромцев пробыл бессменным председателем Правления 18 лет (умер в 1899 г.). В 1899 г. Рязанское земское собрание постановило передать в пользу общества 3000 руб. Эти деньги основали капитал имени Л. М. Муромцева. Николай Иванович Высотский занимал

должность казначея общества в течение 13 лет. Он являлся главным зачинателем мероприятий общества, направленных на усиление его средств. По его инициативе ежегодно устраивались весьма популярные среди рязанцев концерты с участием хора воспитанников Александровской Учительской семинарии. В общей сложности эти концерты принесли обществу около 3000 руб. дохода. В разное время в деятельности общества принимали участие Г. Е. Павленков, князь Л. Н. Гагарин, В. А. Радецкий, Е. П. Кочкин, А. В. Селиванов, В. С. Буймистров, А. А. Ростовцев, В. Н. Алеев, Н. Г. Бабынин, И. М. Титов, А. А. Флеров, А. П. Соколов, Р. П. Выдрин, С. С. Климов, П. Н. Лего, Н. И. Родзевич, М. М. Повало-Швыковский [27]. Благодаря стараниям всех этих лиц общество сумело значительно упрочить свое положение и стать одним из наиболее эффективных добровольных объединений в сфере благотворительности и профессиональной взаимопомощи Рязанской губернии.

Свои профессиональные объединения были и у торговых служащих. По данным А. М. Гудвана, а всего в России к 1900 г. насчитывалось 97 обществ взаимной помощи приказчиков [28]. Одно из них находилось в Рязани — «Вспомогательное общество приказчиков» (учреждено в 1894 г.). Целью данного объединения было оказание помощи своим членам и/или их семьям в случае потери приказчиком работы, проблем со здоровьем, смерти и т. д. Для выполнения поставленных задач общество выдавало пособия (единовременные и ежемесячные) и ссуды, помогало в трудоустройстве безработных членов, предоставляло возможность получения бесплатных медицинских услуг, оплачивало обучение детям приказчиков (с 1896 г. по постановлению общего собрания в честь коронации императора обществом ежегодно содержалось 10–11 вакансий для детей приказчиков в образовательных учреждениях губернии [29]). Кроме того, в 1905 г. при обществе была учреждена «Касса взаимопомощи на случай смерти», в основе которой лежала раскладочная система взносов. Участвовать в кассе имели право «лица обоего пола, не старше 50 лет, без различия званий, занятий и вероисповеданий» [30].

Руководство деятельностью объединения осуществляло Правление (организационные, исполнительные и представительские функции) и Совет общества (контрольно-наблюдательные функции), контроль над финансами — ревизионная комиссия [31].

Средства объединения складывались из членских взносов, частных пожертвований (в основном меценатами становились представители рязанских купеческих семей и торговые фирмы), прибыли от развлекательных мероприятий. Согласно отчетам общества, его доходы и капитал росли с каждым годом: так, в 1897 г. доход составил 2486 руб. 61 коп., общие средства — 10306 руб. 40 коп. [32]; в 1903 г. — 2434 руб. и 19165 руб. соответственно [33]; в 1906 г. — 3106 руб. 65 коп. и 21693 руб. 65 коп. соответственно [34].

Особое внимание уделялось проведению разнообразных увеселительных акций с целью получения дополнительных денежных средств. Например, в 1897 г. обществом были устроены три спектакля (всего получено в приход 295 руб. 77 коп.) [35]; в 1903 г. — две велосипедные гонки, «концерт-спектакль» с выступлением артистов оперы, оркестра и народным гуляньем, предновогодний танцевальный вечер с ёлкой, три танцевальных вечера (всего 70 руб. 29 коп.) [36]; в 1906 г. — два спектакля в Рязанском городском театре, народное гулянье в саду Рязанского общества трезвости с запуском воздушного шара, фейерверком и выступлением оперных певцов, предновогодний танцевальный вечер с ёлкой (всего 380 руб. 47 коп.) [37] и т. д.

Расходы объединения делились на три основные группы: 1) содержание общества: аренда помещения, плата обслуживающему персоналу и покупка канцелярских товаров; 2) размещение вкладов в банках под проценты; 3) непосредственная помощь нуждающимся членам — пособия и ссуды участникам объединения, взнос платы за обучение детей приказчиков. Причем суммы трат по статьям первой и второй группы значительно превышали таковые по третьей, то есть основную часть средств правление расходовало на административно-хозяйственные нужды, а также на увеличение капиталов общества в сберегательных учреждениях Рязанской губернии. Общие расходы объединения

составляли: в 1897 г. — 558 руб. 41 коп. (из них лишь 46 руб. потрачено на пособия и 50 руб. на взнос платы за обучение детей членов) [38]; в 1903 г. — 1574 руб. 30 коп. (из них 114 руб. — пособия, 330 руб. — ссуды, 10 руб. — взнос платы за обучение детей членов) [39]; в 1906 г. — 2023 руб. 56 коп. (из них 145 руб. — пособия, 170 руб. — ссуды, 60 руб. — взнос платы за обучение детей членов) [40].

Тем не менее правление пыталось корректировать финансовую деятельность объединения в сторону увеличения отчислений по наиболее «обделенным» статьям. Об этом свидетельствует повестка общих собраний. Например, 2 сентября 1905 г. членами общества обсуждалось следующее: «По отчету Общества, главным образом недостаточны капиталы „вдов и сирот“, „приюта и школ“, так как в эти капиталы отчислений не делается, а образуются они только из добровольных пожертвований, с увеличением же оборотного и других капиталов можно отчислять [проценты] на увеличение этого капитала, почему правление и просит собрание сделать постановление о разрешении ему на будущее время помещать при отчетах публикации о торговых фирмах, вполне надеясь, что они придут в этом деле на помощь обществу своими пожертвованиями...» [41]. В результате общее собрание постановило: «Уполномочить Правление и Совет продолжать изыскание способов заполнения этих капиталов указанным в докладе образом...» [42]. Следует отметить, что выбранный способ пополнения бюджета объединения (размещение рекламы в отчетах) очень точно характеризовал контингент его участников — людей «с предпринимательской жилкой».

Несмотря на заметную экономность правления в деле помощи своим членам, в изменении количественного состава объединения на протяжении всей его истории наблюдалась положительная динамика: в 1897 г. общество насчитывало 144 члена [43], в 1903 г. — 160 членов [44], в 1905 г. — 191 член [45].

Одним из важнейших направлений в деятельности этой добровольной организации было обеспечение своих участников льготными медицинскими

услугами. Правление имело на этот счет договоренность с рязанскими врачами и аптекарями, о чем регулярно сообщалось в отчетах: «Врачи: Иван Николаевич Кавалеров, Савелий Максимович Липец и Николай Николаевич Гинзбург принимали больных членов и их семьи на своих квартирах с оплатой за каждый визит особым билетом, стоящим 25 коп. Билеты на получение врачебной помощи выдавались казначеем общества... Аптеки: М. М. Суббоцкого и Морман отпускали лекарство из своих аптек, по рецептам врачей, действительным членам общества и их семействам со скидкой от 15 до 25 %» [46].

Помимо этого, действительным членам предоставлялись скидки в некоторых рязанских магазинах и мастерских: «Магазин А. Н. Белленицкого производил скидку с чая разных фирм 20 % с рубля, с бакалейных и колониальных товаров 10 % и мучного 5 % с рубля... Г. Петров делал скидку с готового платья в 10 % с рубля... Сапожная мастерская Н. П. Соловьева производит скидку в 10 % с рубля...» [47].

Особой гордостью правления была библиотека общества, которая в начале XX в. насчитывала более 1500 изданий по различной тематике: богословию, философии и психологии, педагогике, общественным и юридическим наукам, географии, истории, естественным и математическим наукам и т. д. Также имелись детские книги, беллетристика, иностранные книги в оригинале и переводе, периодические издания. Специально для библиотеки выписывались: «Вестник иностранной литературы», «Курьер», «Биржевые ведомости», «Журнал для всех», «Нива», «Мир Божий», «Развлечение», «Кормчий» и т. д. [48].

В 1909 г. после закрытия общества приказчиков в связи с обнаружением в библиотеке объединения запрещенных изданий и привлечения ряда членов к суду из-за участия в подпольной революционной организации (см. гл. 1, §2 «Эволюция правовой основы института общественных объединений, их взаимоотношения с органами местной власти») на основе Общества взаимопомощи приказчиков возникло новое объединение — Общество торговых служащих с более широкой профессиональной базой. В общество принимались «все торговые служащие, как-то: приказчики, приказчицы, кассиры и кассирши, конторщики и конторщицы,

бухгалтеры и другие лица, занятые трудом в торгово-промышленных заведениях, складах и конторах и не состоящие на степени рабочего или ремесленника» [49].

Устав организации был утвержден Рязанским губернским по делам об обществах присутствием 21 сентября 1909 г., а 11 октября 1909 г. состоялось первое организационное собрание членов-учредителей и выборы должностных лиц. Вступительный взнос для желавших принять участие в деятельности объединения составлял 50 копеек, ежегодный взнос — 3 рубля. Структура нового объединения была идентична таковой общества взаимопомощи приказчиков — основными органами являлись: общее собрание, Правление, Совет и ревизионная комиссия. В состав руководящих органов вошли многие участники прежнего общества приказчиков — П. М. Рождественский (председатель), Н. Г. Русяков, А. Н. Мальцев, И. А. Аверин и др. [50]

По замыслу учредителей, новая организация, продолжая традиции своего предшественника, имела своей целью «прийти на помощь своим членам через оказание им материального содействия, следя при этом за духовным их развитием и вообще всячески улучшая условия их жизни и быта» [51]. Реализовывать эти идеи предполагалось путем выдачи пособий (ежемесячных и единовременных) и ссуд членам общества или их семьям в случае потери работы, болезни или смерти торгового служащего. Новое общество также обратилось в Рязанскую городскую управу с просьбой передать ему капиталы и библиотеку бывшего общества приказчиков. В свою очередь Общество взаимопомощи торговых служащих брало на себя обязательства перечислять проценты от этих капиталов на воспитание детей бедных приказчиков и на выдачу пособий сиротам и вдовам приказчиков.

Во «Временных правилах о расходовании процентов с капитала бывшего вспомогательного общества приказчиков г. Рязани» указывалось, что на обучение и воспитание детей бедных приказчиков ежегодно ассигновалось 300 рублей (по 10 рублей в год тридцати учащимся в начале учебного года). Эти пособия выдавались вплоть до полного окончания учащимися курса начального училища,

а в некоторых случаях — до окончания курса средней школы. Средства можно было потратить на взнос платы за обучение и на покупку учебных пособий [52].

Кроме того, согласно «Временным правилам», пособия на общую сумму 300 рублей в год выдавались сиротам и вдовам приказчиков (ежемесячно по два рубля на сироту и вдову). Сироты пользовались помощью общества вплоть до достижения ими 17 лет. Полные сироты устраивались в начальные школы, по окончании которых им подыскивалось рабочее место.

Денежные пособия в размере 100 рублей ежегодно выдавались двум выходящим замуж дочерям или сиротам бедных приказчиков. Для чего дополнительно выделялось 200 рублей [53].

Финансовую поддержку получали также торговые служащие, потерявшие работу по болезни или другим причинам. Так, в 1911 г. на пособия лицам, потерявшим трудоспособность по болезни, было ассигновано 300 рублей, а оставшимся безработными — по 5 рублей ежемесячно [54].

В 1913 г. правила использования процентов с капитала бывшего общества приказчиков были несколько изменены. Правлением и советом общества было подтверждено, что содействие в воспитании детей бедных и неимущих приказчиков должно заключаться в материальной помощи им и предоставлении возможности получить среднее образование. В связи с этим руководство объединения постановило выдавать пособия вдовам и сиротам приказчиков в размере 35 рублей ежемесячно и учредить одну стипендию для бедной сироты в среднем учебном заведении с выплатою до шестого класса. Стипендиат также пользовался пособием общества на покупку учебных пособий [55]. В этом году по данной статье было израсходовано 833 рубля. [56].

Средства общества составлялись из членских взносов, частных пожертвований и 18000 рублей, унаследованных от закрывшегося общества приказчиков [57]. Однако из отчетов видно, что финансовая деятельность нового объединения была менее успешной, чем у его предшественника. Доходы общества торговых служащих в 1910 г. составили 268 руб. 30 коп., расходы — 565 руб. 83 коп. [58]; в 1912 г. — 1146 руб. 88 коп. и 438 руб. 45 коп.

соответственно [59], что составляло примерно половину денежных оборотов общества приказчиков (см. данные выше).

Количественный состав объединения изменялся скачкообразно: в самом начале деятельности общества (конец 1909 г. – начало 1910 г.) на волне интереса к новому предприятию число участников составило 109 человек, но к концу 1910 г. оно резко сократилось до 68 человек [60]. В 1911 г. количество членов возросло до 95 человек [61], в 1912 г. составило 153 человека [62], а в 1913 г. общество насчитывало уже 272 человека [63].

В отчетных документах общества сохранилась информация о качественном составе общества (по категориям торговых служащих и их гендерной принадлежности). Так, в 1910 г. из 68 членов: 51 человек – приказчики, 7 – доверенные, 3 – бухгалтеры, 2 – ученики, 1 – конторщик, 1 – кассир, 1 – собственник. Из них двое членов — женщины [64].

Необходимо отметить, что общество заботилось не только о материальном обеспечении своих членов, но и об их профессиональном развитии (как и было заявлено в уставе). Для этого активно пополнялась библиотека общества; организовывались лекции по бухгалтерии, товароведению и другим научным вопросам. Таким образом, общество взаимопомощи торговых служащих (равно как и его предшественник — общество приказчиков) сочетало в себе черты профессионально-благотворительного и профессионально-просветительного объединения.

Общества взаимопомощи приказчиков и торговых служащих учреждались и в других городах Рязанской губернии. Так, в местной прессе сохранились сведения об открытии подобного добровольного объединения в Раненбурге: 7 января 1912 г. состоялось учредительное собрание этого общества, на котором было выбрано правление и установлен размер членского взноса – 3 руб. [65].

Свое общество взаимопомощи было у пожарных — «Общество Голубого Креста». Оно было открыто 27 июня 1897 г. и распространяло свою деятельность на территорию всей Российской империи. В Рязани находилось его отделение, в которое в качестве членов на первых порах вошли Михайловская, Данковская,

Пронская, Спасская, Раненбургская и Рязанская пожарные команды, а также «Рязанское пожарное общество» [66]. Всего же в составе Общероссийского общества в первый период его деятельности насчитывалось: 61 член (пожарных организаций — команд, обществ и дружин) в 1898–99 гг., 105 членов в 1900 г., 333 члена в 1901 г. [67].

Своей целью «Общество Голубого Креста» определило обеспечение материальной компенсации самим пожарным (и их семьям) за последствия несчастных случаев при исполнении профессиональных обязанностей [68].

Средства, необходимые для осуществления этого, образовывались частично благотворительным путем, а также из взносов действительных членов этого объединения, каковыми могли быть пожарные команды, общества и дружины. По сути, это было страховое общество, действовавшее по принципу дифференцированной системы взносов его участников. Размер взносов определялся в зависимости: 1) от количества членов пожарной команды, общества и дружины; 2) численности населения той местности, в которой она действует; 3) расположения и характера построек, а также других причин, обуславливающих степень опасности для работы пожарных в данной местности. Для расчета суммы для каждого объединения-участника была составлена специальная таблица [69].

Являвшееся одним из главных членов «Общества Голубого Креста» Рязанское пожарное общество в качестве членского взноса ежегодно платило 43 рубля 55 копеек. В 1901 году поддержкой общества взаимопомощи пользовались 65 членов Рязанского пожарного общества. В случае смерти члена общества его семье выплачивалась сумма в 500 рублей, в случае инвалидности — 1000 рублей, временной неспособности к труду — 50 рублей [70].

Что касается других источников поступлений, то наиболее существенными являлись: единовременные пожертвования в 500 рублей в пользу объединения за присвоение звания почетных членов общества с правом на ношение золотого знака общества; единовременные пожертвования в 100 рублей за присвоение звания членов-жертвователей, которое давало право на ношение серебряного

знака общества; добровольные благотворительные пожертвования и поступления за жетоны «Общества Голубого Креста» [71].

Таким образом, работа «Общества Голубого Креста» была строго ограничена выполнением финансово-страховых обязательств (в том числе в качестве посредника между членами общества и страховыми организациями) и не предполагала мероприятий с целью совершенствования профессиональных качеств своих участников.

Кроме того, частично функцию профессиональных взаимовспомогательных объединений выполняли «Рязанское Медицинское общество» и «Общество врачей рязанского губернского земства» (хотя это направление было для них вторичным по отношению к основной санитарно-профилактической и научной деятельности), а также открывшийся в период Первой мировой войны Рязанский отдел «Императорского Русского Театрального общества», в числе задач которого была материальная поддержка театральных деятелей (оно брало на себя обязательства: выдавать пособия и ссуды членам общества; устраивать для театральных деятелей и их семей богадельни, приюты, санатории, больницы, общежития, дома с дешевыми квартирами и т. п.) и др.

В целом, говоря о взаимовспомогательных объединениях Рязанской губернии, следует подчеркнуть пограничный характер их деятельности, осуществлявшейся на стыке филантропии, просвещения и страхования. Однако их главным отличием от других добровольных общественных организаций губернии (в большинстве случаев также имевших полифункциональную направленность) являлась максимальная закрытость и узость социальной базы. В то же время объединения взаимопомощи сильно дифференцировались (по принципам, методам и задачам) и внутри своей группы, что было в первую очередь связано с профильной специализацией их участников, особенностями сфер их занятости. Несмотря на ограниченность бюджетов и особенно пристальное внимание со стороны властей, работа данной категории объединений в значительной степени способствовала облегчению материального положения отдельных профессиональных групп дореволюционной провинции, открыла

возможности для обмена специализированными знаниями с коллегами, компенсировала отсутствие государственной финансовой поддержки наемных работников и системы социального страхования.

К отдельной большой группе добровольных неполитических объединений (тем не менее родственной вышеописанным обществам и пересекающейся с ними по социальной базе и сфере деятельности) относились организации, оказывавшие помощь населению в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и несчастных случаев — пожарные общества и общества спасания на водах.

По сведениям рязанского архива, в начале XX в. всего в Рязанской губернии насчитывалось 19 пожарных обществ и дружин (городских и сельских) [72]. Наряду с пожарными командами, входившими в систему Министерства внутренних дел, в Рязани и уездах действовали вольные пожарные общества. Периодом наиболее активного возникновения последних стали 1897–1899 гг., чему во многом способствовало издание соответствующих типовых нормативно-правовых документов — Нормального устава городских пожарных обществ 23 января 1896 г. и Нормального устава сельских пожарных дружин 5 августа 1897 г. [73]. Активное содействие появлению и деятельности подобных организаций оказывали органы местного управления и представители власти на местах, которые были непосредственно заинтересованы в поддержании порядка в подответственном населенном пункте при одновременном сокращении расходов на содержание профессиональных пожарных подразделений.

Свидетельством такой поддержки является переписка Егорьевского городского головы с рязанским губернатором в июне 1902 г. по вопросу об учреждении Егорьевского добровольного пожарного общества. Согласно рапорту головы, инициатива егорьевцев, объединившихся в добровольную пожарную команду, была поддержана городской думой. При обсуждении в заседании этого вопроса дума, «вполне соглашаясь с мнением [городской] Управы о той существенной пользе, которая приносится сказанными командами при тушении пожаров», поручила последней возбудить надлежащее ходатайство перед губернской властью об утверждении устава добровольного объединения [74].

Принципы работы пожарных объединений губернии можно рассмотреть на примере открывшегося в 1897 году Рязанского Вольного пожарного общества. Оно входило в состав Российского пожарного общества, получившего в 1898 г. звание «Императорское». Как декларировалось в уставе: «Общество учреждается с целью тушения пожаров и вообще противодействия пожарным бедствиям в пределах города Рязани и его слобод: Ямской, Троицкой и Рыбацкой» [75].

Для реализации цели обществу разрешалось содержать пожарную команду и особый отдел трубочистов, контролировать соблюдение в районе своей деятельности правил пожарной и строительной безопасности, приобретать недвижимое имущество для своих нужд и для сдачи в аренду, содержать хор музыки и устраивать с разрешения властей публичные увеселительные мероприятия. Кроме того, объединение могло иметь именное знамя и печать [76].

В состав общества не принимались: лица до 17 лет (а с 17 лет до 21 года — только с согласия родителей или опекунов и без права участвовать в Правлении и общих собраниях), состоящие на военной службе нижние чины и ограниченные в правах по суду. В то же время учащиеся допускались к членству с разрешения начальства учебного заведения.

Объединение включало несколько категорий членов, обладавших разными обязанностями и правами: почетных, действительных, охотников и жертвователей. Действительные члены и члены-охотники (только лица мужского пола) принимали непосредственное участие в тушении пожаров. При этом первые имели право участвовать в управлении делами общества и обязывались платить ежегодный денежный взнос в пользу общества. Члены-жертвователи (в том числе лица женского пола, общества и учреждения) не присутствовали на пожарах, но осуществляли ежегодные или единовременные пожертвования в общественную кассу, наименьший размер которых определялся на общих собраниях. В почетные члены избирались лица, пожертвовавшие значительные денежные средства, а также известные пожарные деятели [77]. По сведениям 1911 г., ежегодный взнос для действительных членов общества составлял 3 рубля, для жертвователей — 5 рублей [78].

На первом этапе существования объединения количество его членов постоянно росло: 1901 г. – 80 человек (5 почетных, 11 пожизненных, 25 действительных членов и 39 жертвователей) [79], 1902 г. – 112 человек (6 почетных, 10 пожизненных, 30 действительных и 66 жертвователей) [80]. Однако с 1904–1905 гг. оно значительно уменьшается, что, очевидно, было связано, с одной стороны, с началом русско-японской войны и уходом части членов на фронт (среди участников объединения было немало военных), а с другой, с социально-экономической нестабильностью и, как следствие, с сокращением числа членов-жертвователей. Об этом свидетельствует и отрицательная динамика общих сумм ежегодных членских взносов: 1900 г. – 216 руб., 1901 г. — 355 руб., 1902 г. — 389 руб., 1903 г. — 502 руб., 1904 г. — 200 руб., 1905 г.— 330 руб. [81].

Во главе общества стояло правление, состоявшее из председателя, не менее двух человек из числа действительных членов и начальника пожарной команды. В состав правления входили представители местной власти и полиции, военные, купцы, мещане, священнослужители. Председателями общества в разное время были: городской голова В. С. Буймистров (упоминается в отчете за 1901 г.), генерал-майор С. И. Шанявский (упоминается в 1903 г.), городской голова И. А. Антонов (упоминается в 1911 г.) и др. Последний факт еще раз свидетельствует о наличии административного ресурса в деятельности объединений данного типа.

Средства общества складывались из взносов участников, пожертвований общественных организаций и частных лиц, пособий и субсидий органов местного управления (например, губернская земская управа ежегодно жертвовала 300 рублей), прибыли от публичных увеселительных мероприятий, доходов с размещенных в банках капиталов и от недвижимого имущества, поступлений за очистку труб, выступлений оркестра общества и др. Следует отдельно отметить финансовую помощь страховых обществ — организаций, заинтересованных в эффективной противопожарной деятельности и, как следствие, уменьшении объема страховых выплат пострадавшим от пожаров.

Расходы общества включали в себя траты на административно-хозяйственные и канцелярские нужды, на обмундирование членов общества и их снаряжение, на пособие нуждающимся членам общества, на создание страхового фонда и т. д.

Однако, судя по отчетам, финансовая деятельность объединения была не слишком удачной. Объединению с трудом удавалось сводить баланс, а в «кризисный» период 1904–1905 г. и вовсе образовался дефицит его бюджета. Так, в 1901 г. общий денежный приход превысил расходы лишь на 6 руб. (5235 руб. 83 коп и 5229 руб. 27 коп. соответственно) [82], а в 1902 г. — на 101 руб. (приход составил 3092 руб. 50 коп. при расходе в 2981 руб. 37 коп.) [83]. В то же время в 1904 г. общий приход оказался меньше расходов на 1194 руб. 46 коп. (4918 руб. 27 коп. и 6112 руб. 73 коп. соответственно) [84], а в 1905 г. — на 987 руб. 86 коп. (приход – 3480 руб. 50 коп., расход – 4468 руб. 36 коп.) [85].

Более того, в отчетах постоянно содержались указания на денежные проблемы общества, которые усугублялись необходимостью вести строительство административно-хозяйственных объектов (особенно в первые годы существования) и снаряжать пожарную команду. Нехватка средств проявилась сразу же после открытия общества: в октябре 1897 г. оно вынуждено было обратиться к нескольким страховым обществам и финансово-экономическим учреждениям за единовременной денежной помощью для приобретения спецодежды и оборудования для дружины [86]. В результате были получены пособия от Страхового общества «Россия» (100 руб.), от Рязанского отделения Московского Международного Торгового Банка (100 руб.), Московского Страхового общества (100 руб.), от хозяйственного департамента МВД (500 руб.), от Рязанского товарищества по производству пахотных и других сельскохозяйственных орудий и машин (50 руб.), от Страхового товарищества «Саламандра» (50 руб.) и от Русского Страхового общества (150 руб.) [87]. А в 1900 г., когда общество начало строительство собственного помещения, правлению пришлось заключить договор с артисткой Московских Императорских

театров З. А. Колянковской о том, что половина дохода от театрального буфета во время ее выступлений будет поступать в кассу общества [88].

И в дальнейшем основная деятельность Правления была направлена на изыскание средств для существования общества, что, однако, не мешало ему реализовывать задуманные проекты. Так, в 1901 г., как следует из ежегодного доклада, «имея в своем распоряжении к началу года только 16 руб. 10 коп., Правление, тем не менее, сделало подворные постройки на усадьбе общества, приобрело новые предметы обмундирования и снаряжения дружины» [89]. Почти идентичное сообщение в отчете за 1902 г. сопровождалось описанием трудностей с погашением задолженностей после постройки депо. Для этого Правлению пришлось даже обратиться в Совет Императорского Российского пожарного общества с просьбой об ассигновании безвозвратной ссуды в 1000 руб., однако, не получив ответа, «ввиду крайней необходимости, Правление предложило общему собранию... разрешить заимообразно взять 500 р. из капитала, собранного на приобретение паровой трубы...» [90].

Но, несмотря на хроническую нехватку финансов, со временем обществу удалось усилить свою материально-техническую базу. Спустя пятнадцать лет с момента возникновения объединения в его распоряжении находился собственный дом с каланчой на Лазаревской улице, конюшни, обоз из 8 лошадей, депо с жилыми помещениями, пожарный инвентарь, паровая труба [91]. Кроме того, благодаря энергичной деятельности члена объединения А. А. Худзинского и пожертвованиям рязанцев, в июне 1902 г. при обществе появился собственный оркестр, который стал важным источником дохода [92].

Однако основной функцией объединения являлась, разумеется, борьба с пожарами. В архивных документах сохранилась статистика по количеству выездов пожарной дружины в места возгорания: 1898 г. — 19 раз, 1899 г. — 17 раз, 1900 г. — 32 раза, 1901 г. — 74 раза, 1902 г. — 39 раз [93].

Успешная деятельность огнеборцев вызывала уважение и благодарность со стороны рязанцев и местной власти. Об этом свидетельствует запись в отчете правления за 1901 г.: «Своей работой на пожарах дружина заслужила получение

письменной благодарности г. Рязанского Губернатора от 14 декабря 1901 г., за № 5753, на имя г. Председателя Общества В. С. Буймистрова» [94]. Помимо этого, ежегодно, начиная с 1901 г. дружинники, которые «не менее двух лет беспорочно и усердно прослужили в рядах команды общества», награждались похвальными листами [95]. А в особых случаях члены пожарной команды поощрялись ценными подарками: «13 октября были поднесены золотые часы с цепью и жетоном по подписке от членов общества и некоторых жителей гор. Рязани брандмейстеру Московской части Гавриилу Дмитриевичу Иванову — за образцовую распорядительность, отвагу и хладнокровие в борьбе с огнем, а также за руководство в первое время существования пожарного Общества членами его команды» [96].

В качестве форм публичной деятельности, имевшей главной целью сбор средств для развития общества, использовались спектакли, лотереи, катание на пароходе и т. д. А для просвещения и повышения профессионального уровня своих членов объединение участвовало в работе передвижных выставок, «касающихся предупреждения и прекращения пожаров» [97].

Одним из достижений объединения стала организация страхования от последствий пожаров как самих рязанских пожарных, так и жителей города. С самого начала общество активно пользовалось услугами различных страховых учреждений. Кроме того, в качестве члена Рязанское Вольно-пожарное общество входило, как уже говорилось (см. выше), в состав Российского общества взаимопомощи пожарных деятелей «Голубой Крест».

А в ноябре 1907 г. Рязанское Вольно-пожарное общество стало инициатором создания в г. Рязани Городского общества взаимного от огня страхования (об этом событии ретроспективно рассказывалось в газете «Рязанская жизнь»). На заседании правления после прочтения А. А. Худзинским доклада о полезности открытия такого объединения в Рязани (по примеру других городов) было принято решение выступить его учредителем поскольку «в будущем можно ожидать и в Рязани хороших результатов от этого общества, в смысле как улучшения противопожарных средств г. Рязани, так и увеличения благосостояния

горожан от понижения страховых премий» [98]. Устав новой организации был утвержден через полгода — 19 мая 1909 г. Однако судя по сообщениям в местной прессе, свои действия общество открыло гораздо позже: 12 февраля 1912 г. в помещении Рязанской уездной земской управы состоялось организационное собрание Рязанского городского общества взаимного от огня страхования, на котором в его состав вступили 25 домовладельцев, а также были избраны члены правления во главе с Д. Ф. Дмитриевским. Последним назначалось жалованье, равное 5 % от валовой прибыли объединения. В свою очередь само Рязанское страховое общество вошло в состав Всероссийского союза городских обществ взаимного от огня страхования [99].

Таким образом, Рязанское вольно-пожарное общество не только стремилось обеспечить физическую безопасность населения в чрезвычайных ситуациях, но и осуществляло функцию социально-экономической защиты рязанцев (и, разумеется, собственных членов), участвуя в создании нового специализированного страхового объединения. Из представленного обзора становится очевидным большое сходство рязанских объединений в области противопожарной охраны — Рязанского Общества взаимопомощи пожарных деятелей «Голубой крест», Рязанского вольно-пожарного общества и Рязанского городского общества взаимного от огня страхования. Все они в той или иной степени сочетали в себе черты страховых, профессиональных и филантропических организаций, однако соотношение этих функций и принципы их реализации в работе каждого общества были специфическими (в том числе, юридическая сторона вопроса). Эта похожесть во многом определяла взаимопроникающий и взаимодополняющий характер деятельности данных учреждений.

К объединениям, обеспечивающим безопасность населения, относилось также Рязанское окружное правление Императорского Российского Общества спасания на водах. В своих действиях оно руководствовалось уставом, утвержденным 31 марта 1894 г. Согласно ему, целью объединения являлось спасание людей на воде и принятие мер к предотвращению гибели на водоемах

людей и судов. Для этого общество устраивало и содержало спасательные учреждения (преимущественно речные спасательные станции и посты) в местах наибольшего риска. Кроме того, члены организации изучали местности, в которых чаще всего происходили несчастные случаи, и проводили просветительную работу с населением о способах устранения причин этих несчастий.

Средства общества складывались в основном из процентов с капитала (например, в 1898 г. — 95 руб.) и членских взносов (в 1898 г. — 85 руб.). Кроме того, правлением устраивались сборы пожертвований, спектакли и т. д. В 1898 г. Общий капитал объединения составил 2146 руб. 27 коп. (1500 руб. — основной и 500 руб. — запасной). Деятельность общества (и, соответственно, его основные расходы) заключалась в содержании и ремонте спасательной станции (в 1898 г. на нее истрчено 398 руб. 18 коп.), а также временных наблюдательных станций во время половодья (в 1898 г. израсходовано 107 руб. 46 коп.) [100].

Таким образом, рязанские организации профессиональной взаимопомощи и добровольные общества по охране безопасности жизни населения являлись составной частью единой региональной системы социальной защиты, страхования и экстренной помощи жителям губернии. Своей деятельностью они в значительной степени дополняли и даже заменяли работу государственных учреждений этой сферы. Однако такая близость общественных и государственных функций в одном случае (в отношении профессиональных объединений) настораживала органы власти и заставляла их ужесточать контроль в данной области, а в другом (в отношении спасательных объединений) — опираться на общественную инициативу и поощрять ее деятельность. Особенно эффективным было сотрудничество данных групп объединенной самодеятельности с земскими органами — главными союзниками добровольных организаций в социальной сфере.

Глава 3. Деятельность рязанских общественных объединений в области просвещения, искусства и культуры досуга

3.1. Просветительные, научные и здравоохранительные общества Рязанской губернии

Одним из важнейших направлений работы общественных объединений российской провинции было просветительное. К 1910 г. в Российской империи насчитывалось около 550 просветительных организаций [1]. В Рязанской губернии просветительной деятельностью в разной степени занимались практически все добровольные организации, но лишь немногие из них ставили просветительство своей главной целью. Данная категория общественных организаций была самой малочисленной на рассматриваемой территории и почти не встречалась в чистом виде. С одной стороны, это объяснялось особенно жестким контролем местной власти над самым «опасным» в политическом отношении видом самодеятельности с учетом географического соседства региона с одним из столичных центров, с другой — сравнительной пассивностью самого населения губернии в просветительном движении, обусловленной общей аграрной ориентированностью рязанцев. Следует также отметить, что просветительная работа в провинции в большей степени являлась прерогативой церкви и находилась в ведении организаций и учреждений духовного ведомства, чему в немалой степени способствовала деятельность К. П. Победоносцева на посту обер-прокурора Синода.

О слабом распространении рязанских добровольных объединений просветительной направленности (светского характера) свидетельствует обзор организаций данного типа по уездам, составленный в 1895 г. в ответ на требование Министерства внутренних дел [2]. В результате проверки близкое по представленным в запросе критериям объединение обнаружилось лишь в одном уезде, о чем сообщалось местными властями: «...в Касимовском уезде частных обществ, комитетов и т.п. учреждений, имеющих целью содействие развитию народного образования или грамотности, вообще нет, исключая существующих в г. Касимове с 1894/95 года Воскресных праздничных чтений, которые открыты с

разрешения Епархиального начальства...» [3]. Указывалось также, что данное объединение (основную роль в нем играли преподаватели духовного училища) не имело точно выработанного устава, а сами чтения были религиозно-нравственного, исторического, литературного содержания и «по мировоззрению». Организаторам чтений даже удавалось зарабатывать деньги: за рассматриваемый год в кассу общества поступило 333 руб. 74 (различные пожертвования, доход от продажи билетов на чтения и представления с «туманными картинами» и др.) [4].

Необходимо также отметить, что местные чиновники часто отождествляли общества преимущественно просветительной направленности с благотворительными обществами сферы образования. Поэтому и отчеты из уездов, отправляемые в ответ на запросы МВД о просветительных организациях, в большинстве случаев содержали перечисление именно филантропических объединений. О подобной ошибочной классификации, в частности, говорилось в циркуляре № 34 от 8 декабря 1903 г. министра внутренних дел В. К. Плеве рязанскому губернатору в связи с передачей просветительных обществ в ведение Министерства народного просвещения: «В устранении дальнейших недоразумений... я признаю необходимым сообщить... что только существующие в губерниях, под различными наименованиями, преследующие преимущественно просветительные цели «Общества попечения о народном образовании» (например, «Общество распространения в народе грамотности или образования», ...«Общество устройства народных чтений» и т. п.) подлежат передаче в Министерство народного просвещения... все же прочие общества, имеющие отношение исключительно к учащимся и преследующие цели благотворительные, остались по-прежнему в ведении Министерства внутренних дел...» [5]. Таким образом, министром четко разграничивались два типа общественных объединений.

Примечательно, что продолжением этой разъяснительной переписки между центром и губернией стало письмо директора народных училищ Рязанской губернии рязанскому губернатору с резолюцией: «... очевидно, что ни одно из девяти обществ, уставы коих были присланы ко мне Вашим

Превосходительством, не должно подлежать передаче в ведение Министерства народного просвещения» [6]. Другими словами, ни одно из представленных в отчете местной администрации объединений нельзя было отнести к просветительным.

Похожий результат имел и запрос МВД в 1908 г., в котором содержалось требование к рязанскому губернатору указать сколько в губернии имеется добровольных просветительных обществ (и в частности, отделений общероссийского общества «Лига образования», «Общества содействия внешкольному образованию» и «Общества школьного просвещения») [7]. Рапорт губернатора, основанный на донесениях уездных исправников и рязанской жандармерии, говорил об отсутствии таковых в губернии, за исключением Касимовского общества мусульман-прогрессистов, «между прочим, имеющего целью распространение просвещения в г. Касимове и его уезде» и Литературно-художественного кружка в г. Рязани, а также зарегистрированного в г. Зарайске отделения «Лиги образования» (так и не открывшего свои действия) [8].

Эти факты могут свидетельствовать либо о полном отсутствии просветительных организаций на рассматриваемой территории, либо (что более вероятно) опять же о неумении местного начальства дифференцировать общества просветительской ориентации в общей массе добровольных организаций губернии.

Несмотря на отсутствие внятной официальной статистики по рязанским просветительным обществам, в архивных документах и местной прессе Рязанской губернии конца XIX – начала XX в. периодически встречаются упоминания об открытии (или прошении об утверждении устава) того или иного просветительного кружка или общества. Однако проследить подробно историю каждого из них весьма затруднительно из-за фрагментарности сведений. Кроме того, не все проекты удалось осуществить — например, неудачными оказались попытки учредителей «Общества распространения грамотности и полезных знаний в Рязанской губернии» (в 1891 г. устав был отклонен властями по формальным причинам) [9], Рязанского технического кружка (устав одобрен

властями в 1900 г., однако в силу неизвестных обстоятельств действия так и не были открыты) [10] и др. (см. Глава 1, § 2).

Тем не менее в конце XIX – начале XX в. на территории губернии действовало несколько обществ распространения народного образования, попечительств о народной трезвости, объединений по организации публичных библиотек и читален, а также научные и сельскохозяйственные объединения. Главными инициаторами создания подобных обществ были представители светской и духовной интеллигенции. В целом все рязанские просветительные организации рубежа XIX–XX вв. можно условно разделить на три категории: учебно-просветительные, научно-просветительные и просветительно-развлекательные.

В октябре 1894 г. рязанскому губернатору было подано прошение дворян Скопинского уезда об утверждении устава объединения первой категории — «Общества для содействия распространению народного образования в г. Скопине и его уезде» [11]. В прилагаемом к письму проекте устава говорилось, что для достижения главной цели объединения (заявленной в его названии) общество содействует учреждению начальных школ и школ грамоты для детей, воскресных школ для взрослых; снабжает учащихся книгами, учебными принадлежностями, одеждой и обувью; учреждает при школах библиотеки для учащихся и педагогов; устраивает общежития для приходящих учащихся; выдает пособия учителям в случае болезни или несчастных случаев, а также за особые успехи в учебе; устраивает чтения при школах для детей и взрослых и т. д. [12]. Данное прошение с пометкой губернатора «на заключение» было передано директору народных училищ, но дальнейшую судьбу объединения проследить не удалось.

А 28 января 1898 г. был утвержден устав Общества вспомоществования школам грамоты Касимовского уезда Рязанской губернии. Этому событию предшествовала длительная переписка учредителей с местными органами власти и, как результат, многочисленные исправления в проекте устава [13], хотя впервые прошение об утверждении устава было подано еще в 1893 г. [14].

Среди учредителей преобладали представители духовенства (члены Касимовского отделения Епархиального училищного совета) и земства. Необходимо отметить, что инициатива православной духовной интеллигенции в данном деле не являлась случайностью, так как в Касимовском уезде исторически были сильны позиции мусульманства. Таким образом, это было попыткой со стороны православных церковных деятелей усилить свое влияние на население уезда, что особо подчеркивалось организаторами в переписке с чиновниками [15].

По замыслу учредителей, объединение должно было «способствовать религиозно-нравственному просвещению населения в пределах Касимовского уезда». Практическим воплощением идеи являлась материальная помощь школам грамоты с целью их более широкого распространения в данной местности [16].

Эта помощь (единовременная или постоянная) заключалась в пособиях учителям; обеспечении школ книгами, учебниками и канцелярскими принадлежностями; устройстве школьных библиотек; ремонте школьных зданий и мебели. Кроме того, общество имело право само открывать школы грамоты, церковно-приходские и другие, если «явится к тому неотложная необходимость и позволят средства общества».

Членство в обществе ограничивалось общими для всех добровольных просветительных объединений исключениями: несовершеннолетние, учащиеся учебных заведений, нижние воинские чины и юнкера, находящиеся на действительной военной службе, ограниченные в правах по суду. Состав участников делился на действительных членов (ежегодный взнос составлял 2 руб.), соревнователей (1 руб. в год), пожизненных (единовременное пожертвование не менее 100 руб.) и почетных (за особые заслуги). Почетными членами объединения являлись глава Рязанской епархии, рязанский губернатор, губернский и уездный предводители дворянства, директор народных училищ и ректор Духовной семинарии [17].

Средства общества образовывались из членских взносов, частных пожертвований (денежных и материальных), сборов по специально выпускаемым

правлением общества книжкам, прибыли от публичных мероприятий (концертов, спектаклей, лекций и т. д.), доходов от имущества и капиталов.

Но, судя по сведениям источников рязанского архива, развернуть широкую деятельность объединению так и не удалось. В 1903 г., спустя пять лет с момента открытия, в составе общества насчитывалось 12 человек, а общий капитал общества при отсутствии расходного (только неприкосновенный и запасной) составил 123 руб. 34 коп. [18]. Более того, в отчете за этот год вообще не содержится свидетельств о каких-либо действиях общества по достижению заявленных в уставе целей: отсутствуют записи в графах «расход» и «приход», нет сведений о выплате пособий и организации материальной помощи школам.

Наряду с перечисленными объединениями появлялись и организации, которые более конкретно обозначали свою цель. Например, 6 октября 1910 г., как следует из журнала Рязанского губернского по делам об обществах Присутствия, в канцелярию губернатора было подано прошение от тридцати жителей г. Рязани и Рязанского об утверждении проекта устава «Общества основания средне-учебного заведения для детей обоего пола в селе Спас-Клепиках Рязанской губернии и уезда» [19].

В числе основных задач общества было: 1) открыть среднее учебное заведение смешанного типа в с. Спас-Клепиках; 2) содействовать распространению в местности с. Спас-Клепиков среднего образования путем учреждения библиотек, читален, музеев и книжных складов, организации выставок по предметам общего образования, открытия школ и курсов отдельных предметов в объеме программы средних учебных заведений, а также музыкальных, художественных, ремесленных и т. п.; 3) способствовать правильному физическому развитию детей путем устройства учебной гимнастики, игр, прогулок и пр. [20].

В отличие от Скопинского и Касимовского объединений, Клепиковское общество предполагало получать средства из более широкого круга источников. Помимо членских взносов, частных пожертвований и доходов от публичных

мероприятий, оно рассчитывало на пособия местных органов власти и самоуправления, а также на часть денег из взносов платы за ученье [21].

Таким образом, на примере вышеописанных просветительных объединений прослеживалась общая тенденция — постепенный переход от масштабных и «общепросветительных» организаций к более локальным и узкоспециальным. Этому в большой степени способствовало требование органов власти о предельной конкретизации уставов и регламентации работы добровольных объединений с целью упрощения административного контроля за деятельностью последних и формирования «управляемой» инициативы в «опасной» просветительной области.

Что касается объединений просветительно-развлекательной направленности, то к ним относились попечительства (общества) о народной трезвости, начавшие активно появляться в Российской империи с середины 90-х годов XX в. с проведением реформы о казенной продаже вина. Это были объединения полуадминистративного-полуобщественного характера, находящиеся под контролем Министерства финансов. Устав центрального Попечительства был утвержден 20 декабря 1894 г. [22] и провозглашал целью объединения отвлечение населения от пьянства путем устройства чтений и бесед о вреде спиртных напитков и обеспечение приятного досуга вне питейных заведений. Для этого попечительства открывали библиотеки, читальни, чайные. Сеть организаций попечительства охватывала территорию всей Российской империи, а во главе них стояли уездные и губернские комитеты.

Рязанское попечительство о народной трезвости появилось лишь в январе 1901 г.— почти одновременно с введением в действие на территории губернии «Положения о казенной продаже питей». Объединение состояло из губернского, осуществлявшего общее руководство, и 12 уездных комитетов во главе с уездными предводителями дворянства. Сразу после утверждения устава по указанию губернатора были избраны участковые попечители и члены-соревнователи от земских органов и других ведомств и учреждений губернии [23]. Таким образом, социальный состав попечительств включал

преимущественно дворян, интеллигенцию (учителей, врачей и т. д.) и священнослужителей.

На первом же этапе Попечительством были открыты чайные с библиотеками-читальнями в Данкове, Егорьевске, Касимове, Михайлове, Рязске, Скопине и двух поселениях Михайловского уезда. Были организованы народные чтения в Михайлове и Касимове; а также устроена сцена в Касимове, на которой ставили спектакли, проводили музыкальные и танцевальные вечера. Кроме того, комитеты Попечительства в районе своей деятельности оказывали денежную помощь частным обществам трезвости. В отчетных документах отмечалось, что пассивность в первоначальный период проявляли лишь Пронский и Сапожковский комитеты [24].

В целом основные принципы и условия работы местных попечительств были идентичными. Средства попечительств составлялись из членских взносов, пособий от губернского комитета, доходов от чайных, столовых ночлежных приютов, книжных складов и увеселительных мероприятий; основные расходы шли на содержание заведений и организацию публичных мероприятий. Так, например, согласно отчету Зарайского уездного комитета за 1907 г., в приход общества поступило 6616 руб. (3355 руб. — доход от заведений комитета, 2626 руб. 10 коп. — пособия, 10 руб. — членские взносы от 20 участников и пр.). Расход за этот же период составил 6487 руб.: 4082 руб. — содержание чайных, столовых и ночлежных приютов, 1286 руб. — организация читален, библиотек, книжных складов, 302 руб. — проведение народных чтений о вреде пьянства, 53 — устройство воскресных и вечерних классов, 74 — содержание театров и постоянных сцен и пр. [25].

Особым интересом со стороны молодого поколения пользовались библиотеки и читальни попечительства. Именно дети и подростки составляли основную массу посетителей этих заведений. Причем наибольший спрос был на книги литературного и духовно-нравственного содержания. Кроме того, попечительством выписывались периодические издания — «Вестник трезвости»,

«Вокруг Света», «Московский листок», «Кормчий», «Русский паломник», «Русская земля» и др.

Комитеты Попечительства были инициаторами такой формы просветительной работы как Народный дом. О популярности последнего, особенно среди низших слоев населения, можно судить по помещенному в газете «Рязанский вестник» отзыву корреспондента (и по совместительству члена местного комитета попечительства о народной трезвости) о Касимовском народном доме: «С открытием этого народного клуба большинство прислуги буквально от рук отбилась: в доме работа, требующая подчас спешного исполнения, а прислуга просится в народный дом на чтения или танцевальный вечер. Не пустить невозможно – сейчас же бросят место и уйдут» [26].

О масштабах деятельности этого заведения можно судить по следующим данным: при Касимовском народном доме работала дешевая столовая, в 1904 г. её посетило 12433 человека, пообедавших в общей сложности на сумму 743 руб. 26 коп.; действовала бесплатная библиотека-читальня, насчитывавшая в 1904 г. 2719 томов стоимостью 1029 руб. 91 коп. и 600 абонентов (286 мещан, 139 крестьян, 120 разночинцев, 40 представителей духовенства, 15 дворян); устраивались народные чтения, посещаемость которых в 1904 г. составила 4075 человек (причем большей популярностью у населения пользовались чтения со «световыми картинами»); в зимние месяцы функционировал ночлежный приют на 112 мест; имелась юридическая контора для оказания беднякам дешевой юридической помощи и т. д. [27].

Примечательно, что успех Касимовского народного дома даже вызывал недовольство со стороны части горожан и органов местного управления: владельцы частных чайных лавок и трактиров, не имевшие возможности конкурировать с низкими ценами заведений попечительства, сворачивали бизнес, а город при этом терял часть своих доходов.

Пример Народного дома в Касимове еще раз показывает, что из множества направлений просветительной деятельности наиболее востребованным у населения было прежде всего развлекательное. И именно на такую деятельность в

большей степени были ориентированы казенно-общественные попечительства о народной трезвости, чья работа была во многом схожей с работой досуговых обществ народных развлечений.

Наряду с организациями Попечительства существовали многочисленные общества и кружки трезвости сугубо частного характера, учреждаемые на одинаковых с другими добровольными общественными объединениями основаниях (например, в Зарайском уезде таких параллельно действовавших обществ было 8 [28]), а также общества трезвости религиозной направленности при церквях.

Одним из самых известных частных объединений было Рязанское общество трезвости, открытое 19 мая 1900 г. [29]. Решив общие организационные вопросы, общество развернуло активную деятельность по устройству собственных заведений. С 1900 г. по 1 апреля 1901 г. при обществе работала дешевая чайная на Сенной площади, а 14 ноября 1901 г. на Московской улице рядом с базаром была открыта публичная библиотека-читальня (на ее оснащение почетный член И. А. Салтыков пожертвовал 1000 руб.) с новой чайной. Впоследствии читальня была объединена с народной библиотекой, располагавшейся в уездной земской управе. В среднем читальню ежедневно посещало около 20 человек [30].

Для проведения летних развлекательных мероприятий общество арендовало сад с постройками Рязанского общества сельского хозяйства. После ремонта (на субсидии Губернского комитета попечительства о народной трезвости), оснащения сцены и устройства танцевальной площадки здесь начали организовывать спектакли и гулянья. Так, в 1901 г. театральной комиссией общества было поставлено 32 спектакля [31].

В зимний период для развлечения публики устраивались литературно-музыкальные вечера, чтения с «туманными» картинками, спектакли и т. д. Кроме того, обществом был открыт каток в саду губернского земства.

Общество давало рязанцам возможность приобщиться к столичной культурной жизни. Правлением нередко организовывались выступления артистов Московской русской оперы и Императорских московских театров [32].

Среди других форм просветительно-развлекательной деятельности, характерных для Рязанского общества трезвости, можно выделить публичные лекции, выставки (очень часто сельскохозяйственной направленности), народные чтения, лотереи.

Одной из самых главных забот Правления было усиление финансовой базы общества. Несмотря на довольно крупные денежные обороты, объединение с трудом поддерживало баланс между доходами и расходами. Особенно остро это проявлялось на начальном этапе существования — в 1901 г. приход средств составил 8669 руб. 23 коп. (247 руб. — членские взносы, 2000 руб. — субсидия уездного комитета Попечительства о народной трезвости, 260 руб. 52 коп. — доход от чайных, 3720 руб. 73 коп. — доход от спектаклей и гуляний, 87 руб. — доход от кегельбана и тира, 741 руб. 25 коп. — доход от катка, 175 руб. 39 коп. — пожертвования, 48 руб. 70 коп. — прибыль от концерта и т.д.), а расход выразился в сумме 8229 руб. 52 коп. (траты на организацию мероприятий и содержание заведений) [33].

В первый год существования объединения количество его членов составило 89 человек, а к 1 января 1902 г. возросло до 99 человек (3 почетных, 32 члена-учредителя, 60 действительных, 4 члена-соревнователя) [34].

Просветительной, научной и здравоохранительной деятельностью занималось «Общество рязанских врачей», открывшееся 17 октября 1874 г. Целью общества было объединение врачей Рязани и Рязанской губернии для обмена опытом, а также решения научных и практических вопросов, касающихся медицины. Учредителями добровольной организации были 7 врачей — П. В. Стародубский, К. П. Асеев, В. А. Мартынов, П. Н. Екимецкий, И. К. Яроцкий, В. А. Вандаловский и П. А. Модестов. Первое заседание прошло в конце сентября 1875 г. на квартире одного из членов — провизора К. Я. Баниге. В состав первого правления вошли: П. В. Стародубский — президент, П. Н. Екимецкий — вице-президент, В. А. Мартынов — секретарь, И. К. Яроцкий — казначей-библиотекарь [35].

К сожалению, сведений о начальном этапе существования объединения (до 1881 г.) практически не осталось. По свидетельству современников, в этот период общество, помимо обсуждения научно-медицинских вопросов, являлось «центром, к которому администрация обращалась за разъяснением общих санитарно-медицинских вопросов, например, об устройстве бесплатной врачебной помощи во время холерной эпидемии, о разработке наставлений для народа, о мерах дезинфекции и т. п.» [36]. Известно также, что в это время при обществе была открыта амбулаторная лечебница, просуществовавшая около четырех лет.

Во второй половине 70-х гг. XIX в. в деятельности общества наступил продолжительный перерыв, среди причин которого — русско-турецкая война (1876–1877), уход из жизни президента общества П. В. Стародубского и др. Одним из последствий этого кризиса стала потеря архива Общества.

Возрождение объединения произошло в 1881 году. Членами общества было избрано новое правление, а президентом стал П. Н. Екимецкий. С 1881 по 1883 гг. общество имело 17 заседаний с обсуждением различных санитарно-медицинских вопросов. Кроме того, с этого времени на собраниях начали обсуждаться проблемы бытового и этического характера: например, «по поводу оскорбления действием врача П. А. Бабакова в то время, когда он шел к больному; по делу вольнопрактикующего врача в г. Данкове Петрова, присужденного к пятидневному аресту на гауптвахте и 5 руб. штрафа за отказ оказать помощь больному в земской больнице» и т. д. [37].

Еще одним новшеством стало издание первых трудов общества под названием: «Протоколы заседаний Общества Рязанских врачей за 1881, 1882 и 1883 гг. с приложениями» [38]. Издательская практика стала постоянной, и к 1908 г. объединение выпустило 10 томов «Трудов». Кроме того, с 1903 г. общество участвовало в ежегодном объединенном издании «Обзор деятельности русских медицинских обществ и губернских съездов земских врачей» [39].

Свидетельством возросшей активности объединения стало увеличение количества его участников. Так, в 1889 г. в обществе состояло 37 членов

(2 почетных и 35 действительных), в 1890 г. их число возросло до 48 человек (5 почетных и 43 действительных), а в 1898 в составе объединения насчитывалось уже 73 врача (6 почетных и 67 действительных членов) [40]. Такой резкий скачок количественного состава произошел из-за пополнения рядов общества иногородними членами. О необходимости расширения деятельности общества за счет вступления в него врачей, живущих вне Рязани, в 1898 г. высказался президент общества Ф. Ф. Милеев. До этого времени 5/6 действительных членов принадлежали к числу жителей губернского центра и лишь 1/6 часть составляли жители других городов и уездов губернии [41].

Отличительной чертой внутренней организации общества было наличие множества специальных комиссий по отдельным санитарно-медицинским вопросам, например: аптечная, по защите населения от холеры, по борьбе с эпидемией брюшного тифа, по очистке р. Трубежа от нечистот, по постройке заразного барака и т. д., а также по организационным вопросам: для выработки проекта нового устава, для систематизации библиотеки, для разработки программы публичных чтений общества.

Годовое количество заседаний общества колебалось от 6 до 17 и зависело, в частности, от эпидемиологической ситуации в губернии. Например, в 1892–1893 гг., когда рязанцы переживали эпидемию холеры, общество рязанских врачей провело более десятка экстренных заседаний по данному вопросу [42].

Что касается финансовой деятельности объединения, то она была не слишком удачной. Основу средств общества составляли членские взносы и проценты с капиталов. При открытии общества ежегодные взносы участников объединения составляли 5 руб., с 1881 г — 10 руб., с 1882 г. — снова 5 руб, а с 1888 г. — 3 руб. [43]. Разница между доходами и расходами, как правило, была небольшой, а иногда даже выходил отрицательный баланс. Так, в 1897 г. в кассу объединения поступило 48 руб. 17 коп., а израсходовано было 120 руб. 42 коп. Таким образом, расход превысил приход на 71 руб. 75 коп. [44].

Траты финансовых средств общества включали: административно-хозяйственные расходы, единовременные пособия семьям умерших членов

общества, взносы на содержание санатория в Ялте, отчисления на капитал имени Штиллинга для воспитания девочек-сирот, на благотворительность (помощь голодающим, на устройство дома им. Н. Н. Пирогова в Москве, членские взносы на ученые общества и т. д.).

Из-за хронического недостатка средств общество не могло открывать специальные медицинские учреждения. Удалось организовать лишь временную амбулаторную лечебницу, а также временные курсы для приготовления сестер милосердия (открыты в 1904 г. для 28 слушательниц) [45].

В 1904–1907 гг. Общество рязанских врачей испытывало большие затруднения (за этот период прошло только 10 заседаний [46]), завершившиеся с принятием 4 июня 1908 года нового устава Рязанского медицинского общества и торжественной передачей функций от одной организации другой на очередном собрании [47].

Новое объединение явилось преемником старого, но его целевая направленность значительно расширилась. Рязанское медицинское общество в своей деятельности делало упор на научную (теоретическую и практическую) разработку вопросов, относящихся к области медицины, а также личного и общественного здравоохранения. В обществе регулярно читались лекции, делались доклады по медицине. К концу 1911 г. объединение рязанских врачей издало труды за первые три года существования уже нового общества. В дальнейшем издательская деятельность была им продолжена. А в марте 1913 г. стараниями участников общества была открыта амбулатория для туберкулезных больных на Соборной улице [48].

В качестве почетных членов общества числились профессор Пастеровского института И. И. Мечников, профессора русских университетов И. П. Павлов и В.А. Мартынов, швейцарский ученый Ф. Ф. Эрисман (Фридрих Гульдрейх).

Постоянного капитала у организации не было. Текущие нужды покрывались за счет сравнительно небольших членских взносов – 3 рубля в год. В 1912 г. в составе общества насчитывалось 82 действительных члена и 1 соревнователь [49].

Наряду с Медицинским обществом в Рязани существовало Общество врачей Рязанского губернского земства, сфера деятельности и членская база которого была более ограниченной. Оно начало работу 11 апреля 1909 г. и имело целью «подготовку для Рязанского земства сведущих и практически опытных в больничной работе фельдшеров и фельдшеров-акушеров» [50].

В общество принимались врачи и провизоры, состоявшие на службе в Рязанском губернном земстве. Всего в состав объединения в момент его создания вошло 14 человек (все — земские врачи). Среди них — Т. И. Федоров, П. В. Шульгин, Н. П. Хитров, В. О. Гетлинг и др.

В сентябре 1910 г. обществом была открыта фельдшерско-акушерская школа, куда принимались лица, окончившие четыре класса гимназии. Годовая плата составляла 70 рублей. В процессе обучения активно использовалась материально-техническая база Рязанского губернского земства: учебные пособия предоставлялись учреждениями губернского земства, анатомический театр школы располагался в Рязанской губернской больнице, в распоряжение учащихся находилась аптека земства и т. д. В 1911 г. обществом земских врачей были организованы двухлетние курсы по уходу за холерными больными [51].

А в июне 1913 г. в Рязанское по делам об обществах присутствие поступило заявление медиков низшего звена о желании образовать Рязанское фельдшерско-акушерское общество. Организаторами объединения выступили фельдшеры-акушеры Рязани и Рязанского уезда — А. И. Морозов, Ф. А. Киселев, С. П. Федорова и др. (всего 10 человек) [52].

Учредители нового объединения ставили перед собой несколько целей: с помощью распространения опросных листов и организации профессиональных съездов выяснить бытовые и экономические условия службы фельдшеров-акушеров в районе деятельности общества (Рязанская губерния); оказывать материальную помощь членам общества в виде пособий, ссуд, организации общежитий для детей (за счет членских взносов, пожертвований и прибыли от публичных мероприятий — концертов, спектаклей, лекций); содействовать поискам работы путем создания бюро профессиональной трудовой занятости;

повышать профессиональный уровень и способствовать закреплению профессиональных знаний с помощью устройства повторительных курсов по медицине, специальных лекций и рефератов, а также открытия специализированной библиотеки [53].

В обществе в качестве действительных членов могли принять участие только лица, имевшие звание фельдшера или акушера (кроме учащихся низших и средних школ, а также вузов с прописанным в уставе соответствующим запретом; состоящих на военной службе; несовершеннолетних). Вступительный взнос равнялся 6 рублям. Действительный член мог воспользоваться ссудой от общества лишь год спустя после вступления в его состав (но в исключительных случаях вопрос мог решиться и раньше при поручительстве двух членов), а пособием — через два года. Ссуды выдавались действительным членам под проценты, размер которых определялся общим собранием.

А вот в члены-соревнователи допускались совершеннолетние лица, оказывающие денежную или трудовую помощь обществ. За особые заслуги в этой области присуждалось звание почетного члена. Эти категории членов на общих собраниях обладали правом совещательного голоса (в отличие от действительных с решающим голосом). Руководство обществом осуществляло правление (5 человек), ежегодно переизбираемое общим собранием.

Материальный фонд общества формировался за счет членских взносов, пособий и пожертвований, процентов от капиталов и ссуд действительным членам, дохода от недвижимого имущества, прибыли от публичных мероприятий в пользу общества [54].

29 августа 1913 г. состоялось учредительное собрание нового общества, на котором были произведены выборы членов правления во главе с А. И. Морозовым [55]. А год спустя, 7 июля 1914 г., общество прошло повторную регистрацию в связи с уменьшением членского взноса (с 6 до 4 руб.) и изменением некоторых других пунктов устава [56]. В результате были более четко прописаны права и обязанности участников объединения, определены размеры денежной помощи членов-соревнователей (3 рубля ежегодно или 30

рублей единовременно) и почетных (не менее 100 руб.) и др. Новым председателем правления (разумеется, в его новом составе) стала Мария Федоровна Вишневская [57].

Таким образом, здравоохранительные объединения Рязанской губернии охватывали довольно широкий спектр медицинских проблем — от общих научно-просветительных до узкоспециальных, санитарно-гигиенических и бытовых.

Говоря о научных объединениях, нельзя не упомянуть и о Рязанской ученой архивной комиссии, хотя ее деятельность уже довольно хорошо исследована и описана рязанскими историками [58]. В связи с этим данная работа предлагает лишь небольшой обзор обширной деятельности этой организации.

Вопрос об организации архивов в России был поднят известным российским историком, юристом и археографом Н. В. Калачовым еще в 60-е гг. XIX века. С 1869 г. этого времени он активно пропагандировал эту идею на археологических съездах (в Москве, Петербурге, Киеве, Казани) и в своих публикациях в научных и периодических изданиях. В 1873 г. он принял участие в учреждении комиссии по устройству архивов, а также Археологического института (открыт в 1877 г.), который он впоследствии и возглавил. В эту же пору Калачов начал работу по приведению в порядок провинциальных архивов. Спустя некоторое время к этой деятельности подключилась Академия наук, которая признала необходимым учреждение ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов. Эта мера была вызвана переполнением губернских архивов массами дел, хранение которых было неудобным для учреждений и вынуждало прибегать к периодическому уничтожению архивных материалов, которые не требовались для делопроизводства. В результате обсуждений данной проблемы право учреждения архивных комиссий было предоставлено Министерству внутренних дел, а сами комиссии попали под контроль Археологического института и Академии наук [59].

На региональном уровне устройство ученой архивной комиссии было связано с именем Алексея Васильевича Селиванова, который в воспоминаниях сам «нескромно» называл себя главным начинателем этого дела: «Возникновение

и начало деятельности комиссии тесно сплетаются с моей личностью, настолько тесно, что я без всякого колебания вправе называть ее своим детищем...» [60].

Как и Калачова, Селиванова давно посещала мысль об упорядочении архивных документов рязанских учреждений, создании архива древних актов и устройстве местного музея — об этом он даже писал в своей записке рязанскому губернатору. Эти задумки появились в связи с его работой в Рязанском губернском статистическом комитете и подготовкой к изданию серии календарей с историко-археологическими статьями [61]. А вскоре произошла его случайная встреча с Н. В. Калачовым, который как раз объезжал Россию с целью выбора городов для устройства в них ученых архивных комиссий. Беседа двух историков, выявившая общность их взглядов на проблему систематизации и сохранения архивного наследия, закончилась согласием Селиванова принять на себя ответственность по организации Рязанской ученой архивной комиссии [62].

С этого времени Селиванов начал поиск людей, способных послужить архивному делу. Вскоре был образован кружок из представителей местной интеллигенции (И. В. Добролюбов, А. Л. Марин, И. К. Смирнов, А. Д. Нечаев, А. В. Антонов, В. А. Самарянов и др.), которые и составили впоследствии ядро нового объединения. Сочувственно отнесся к идее о создании архивной комиссии рязанский губернатор князь Гагарин.

13 апреля 1884 г. было обнародовано Высочайшее повеление об учреждении четырех ученых архивных комиссий: в Твери, Рязани, Орле и Тамбове. А 6 мая 1884 г. появился циркуляр № 10 министра внутренних дел, в котором были изложены цель и задачи ГУАК. На участников комиссий было возложено: «сохранить от гибели и подвергнуть научной обработке исторические материалы, находящиеся в архивах различных учреждений» [63].

Спустя полтора месяца, вечером 15 июня 1884 г. в доме рязанского губернатора состоялось собрание учредителей Рязанской архивной комиссии (всего 17 человек, включая самого губернатора и Н. В. Калачова). На встрече присутствовали: Епископ Рязанский Феоктист, вице-губернатор Демидов, архимандрит Владимир, князь Л. Н. Гагарин, председатель окружного суда

Г. В. Кастриото-Скандербек, управляющий Казенной палатой В. Н. Фатуровский, ректор семинарии И. К. Смирнов, Зарайский воинский начальник полковник А. Л. Марин, Рязанский городской голова Г. А. Фролов, председатель отделения Крестьянского банка И. М. Титов, купец А. В. Антонов, священник И. В. Добролюбов, секретарь консистории В. А. Самарянов, правитель канцелярии губернатора В. И. Лашевский и секретарь Статистического комитета А. В. Селиванов [64]. Губернатор в качестве председателя собрания объявил об открытии в Рязани Ученой архивной комиссии и исторического архива, а директор Археологического института Н. В. Калачов выступил с торжественной речью, в завершении которой подчеркнул просветительную миссию нового объединения: «Ученые архивы, в которых соберутся на хранение и изучение древние рукописи, музеи, в которых выставятся для публики разные памятники минувшего быта, культуры разного времени, зодчеств и т. п., содействуют в свою очередь развитию в народе образования и вкуса и через это усиливают не только в высшем классе, но и в простолюдинах любовь к своей родине, к своему родному краю» [65].

Деятельность РУАК началась по нескольким направлениям. В первом же заседании после открытия комиссии (23 сентября 1884 г.) ее членами был поставлен вопрос о передаче в исторический архив всех дел (по истечении срока пользования) из всех правительственных и общественных учреждений для просмотра и дальнейшего хранения. Просмотры обычно устраивались еженедельно по субботам. В результате этой работы к двадцатипятилетнему юбилею РУАК было разобрано около 223 тыс. дел местных учреждений (губернского правления, канцелярии губернатора, окружного суда, казенной палаты, духовной консистории и др.), из которых в историческом архиве было оставлено около 16 тыс. самых ценных [66].

Второе направление заключалось в ведении археологических раскопок (городищ, курганов, могильников и т.п.), поиске памятников быта и культуры древнейшего местного населения. Местом хранения всех найденных (или приобретенных) предметов древности служил открытый при комиссии Историко-

археологический музей. Здесь находилось огромное количество черепов и окаменелостей животных, старинных украшений, монет, орудий труда, домашней утвари, посуды, оружия, одежды, икон и т. д.

При комиссии существовала обширная научная библиотека, составленная из частных пожертвований. Например, А. В. Селивановым было подарено 1500 книг, И. В. Добролюбовым 1000 книг, А. Д. Повалишиным 200 книг. В 1890 г. библиотека насчитывала 5246 томов [67], а к 1909 г. фонд достиг 12 тыс. томов [68].

Еще одно направление — издательская деятельность. В 1884–86 гг. РУАК издает «Журналы заседаний комиссии», с 1887 г. — «Труды РУАК». К 1909 г. было издано 140 выпусков, в которых бесплатно участвовало 104 автора; в «Трудах» помещено 441 исторических исследований, статей, заметок, древних актов и других исторических документов. Среди авторов — П. Н. Милюков, князь Н. С. Волконский, А. Д. Повалишин, А. И. Черепнин, А. В. Селиванов, С. Д. Яхонтов, И. В. Добролюбов и т. д. Большую известность получили и труды отдельных членов комиссии: «Рязанские помещики и их крепостные», «История Рязанского губернского земства» А. Д. Повалишина (был председателем РУАК в 1886–1898 гг.), «Условия помещичьего хозяйства в Рязанской губернии» Н. С. Волоконского, «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии», «Библиографический словарь писателей, ученых, художников, уроженцев Рязанской губернии» И. В. Добролюбова и др. Согласно данным исследователей, Рязанская архивная комиссия находилась на втором месте (после Тверской) по числу изданий среди всех ГУАК [69].

Большое внимание члены комиссии уделяли и охране местных памятников старины (древних церквей, мечетей, крепостей, статуй, колоколов, картин, фресок и т. д.). Комиссией после тщательного обследования были составлены заключения по перестройке и реставрации более чем 150 храмов [70]. Еще одним достижением РУАК стало создание Епархиального Древлехранилища в 1914 г.

Следует отметить, что вся эта обширная работа была проведена при весьма скромных финансовых возможностях Комиссии. На этот печальный факт в юбилейном 1909 г. вынужден был указать ее основатель и первый председатель А. В. Селиванов: «осуществлять эти цели и задачи, в течение 25-летней деятельности, пришлось в стесненных условиях без определенных материальных средств, без своего помещения...» [71]. Основными источниками дохода являлись членские взносы, пособия от Рязанского губернского земства и частные пожертвования.

Большую научно-методическую работу развернул Рязанский общественно-педагогический кружок, открывшийся в самом конце рассматриваемого в данном исследовании периода — накануне Первой мировой войны. Появление этой организации было связано с модернизацией образования и невероятным подъемом общественно-педагогического движения в Российской империи в конце XIX — начале XX века: активный поиск новых форм обучения и воспитания, разработка новых педагогических методик и учебных пособий, деятельность родительских комитетов, учительские съезды.

По свидетельству участников объединения, «начало организации кружка было положено бывшим преподавателем гимназии Н. Н. Зелятрова Я. Р. Эргардтом, который сумел организовать небольшую ячейку горячо сочувствующих появившейся идее. Из жизни группы... вырос кружок» [72]. Учредителями нового добровольного общества стали руководители рязанских учебных заведений — В. П. Екимецкая, Н. Н. Зелятров, Н. Н. Шамонин, И. Н. Борисов, Н. Н. Борисов, Я. В. Кеткович, В. В. Александров.

Устав кружка был утвержден в начале декабря 1913 г. Согласно ему, целью общества было «изучение учебно-воспитательного дела и содействие его надлежащей постановке в г. Рязани на началах взаимодействия между школой, семьей и обществом и доставление своим сочленам и их семействам приятного и удобного места для отдыха» [73].

Задуманное предполагалось реализовывать через самые разнообразные формы деятельности: проведение собраний членов с обсуждением докладов по теории и практике воспитания и обучения; организацию комиссий для разработки специальных вопросов; устройство лекций, образовательных экскурсий, выставок и научно-литературно-эстетических вечеров для членов общества; учреждение библиотек и читален, облегчение доступа для желающих к новинкам педагогической литературы; устройство музея и мастерской наглядных пособий для учителей; проведение лекций, чтений, бесед и экскурсий для учащихся; организацию учреждений для физического развития детей (площадки для игр, прогулки, катки и т. п.) и для занятий искусствами; издание брошюр, книг и трудов общества и др. [74]

Членами кружка по рекомендации двух членов могли быть лица обоего пола, «интересующиеся учебно-воспитательным делом и сочувствующие целям кружка». Таким образом, устав позволял становиться участником объединения не только учителям, но и широкому кругу «посторонних» — родителям, представителям интеллигенции и др. Членский взнос составлял 3 рубля в год.

Первое собрание нового общества под председательством В. Ф. Эмана состоялось 18 января 1914 г. в здании гимназии В. П. Екимецкой. Был избран управляющий орган — совет кружка (вошли В. П. Екимецкая, Ф. К. Павлов, З. А. Гиляровская, Н. Н. Борисов и др.) а также обозначены три основных направления деятельности нового объединения: 1) работа специалистов в секциях по разным дисциплинам (к 1914 году действовало 7 секций), подготовка рефератов и докладов по научным вопросам, разработки методов внеклассной работы; 2) изучение психологии детей и их индивидуальных особенностей; 3) повышение общего уровня культуры педагогов через организацию бесед и дискуссий по общефилософским и литературным темам.

Член совета кружка Ф. К. Павлов в своей речи перед собравшимися подчеркнул «великое значение общественно-педагогического учреждения, в котором сольются лучшие усилия ... представителей общества, семьи и школы, где создастся здоровая обстановка живой общественности...» [75].

Работа кружка с самого начала пошла очень интенсивно. Почти каждую неделю происходили собрания секций. За первые четыре месяца существования кружка (с января по апрель) было проведено более 40 секционных и три общих собрания, на которых обсуждались главным образом научно-педагогические вопросы. Кроме того, участники кружка по просьбе руководства других общественных объединений устраивали чтения для членов последних (например, в Рязанском семейном собрании и Рязанском обществе торговых служащих), проводились лекции для учащихся рязанских учебных заведений [76].

Однако деятельности общества не дала развернуться Первая мировая война. Многие члены кружка (в частности, А. П. Сперанский) попали на фронт. Другие, не желая оставаться в стороне от происходящего, включились в работу по организации помощи воинам. По этому поводу 5 сентября 1914 г. было проведено общее собрание, постановившее: 1) организовать две койки имени Общественно-Педагогического кружка в одном из лазаретов города; 2) открыть приют-ясли «Детский очаг Общественно-Педагогического кружка» для детей лиц, находящихся на военной службе (был открыт 14 октября для 50 детей на средства, выданные Рязанской губернской земской управой); 3) образовать секцию по оказанию помощи раненым воинам (ею вскоре был организован склад вещей для выдачи раненым, субсидированный Рязанской городской управой, Рязанским Благородным собранием и другими общественными учреждениями) [77].

Из приведенного обзора видно, что Общественно-педагогический кружок использовал практически все формы деятельности, доступные для добровольных общественных объединений, и являлся одним из самых полифункциональных обществ Рязанской губернии, совмещая в своей работе просветительное, научно-методическое, культурно-развлекательное, попечительно-благотворительное направления и профессиональную взаимопомощь.

Узкоспециальную научно-практическую направленность (с некоторыми чертами потребительской кооперации) имели разнообразные сельскохозяйственные общества — агрономические, животноводческие, птицеводческие, промысловые, поэтому условно их тоже можно отнести к

просветительным. Они были довольно широко представлены на территории Рязанской губернии в силу ее традиционного аграрного характера. Эта группа обществ находилась в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ. По данным исследователей, в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. насчитывалось немногим меньше 400 подобных объединений [78], в Рязанской губернии — чуть больше десяти (до 1910 г.).

Свидетельством востребованности этих организаций, ставивших главной целью распространение агрономических и животноводческих знаний, служили сведения, полученные в ходе работы учрежденного в январе 1902 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Так, в трудах Рязанского губернского комитета — участника данного совещания, подчеркивалось, что уездные комитеты выступали за популяризацию сельскохозяйственных знаний самыми различными способами как одну из наиболее эффективных мер развития сельского хозяйства губернии, и в частности, находили необходимым и перспективным развитие деятельности сельскохозяйственных объединений [79].

Следует также учесть, что добровольные сельскохозяйственные общества хотя и имели ряд схожих черт с экономическими кооперативными организациями указанного времени, все-таки относились к отдельной юридической категории. Довольно точно различия и взаимоотношения между этими двумя видами объединений обозначил известный теоретик и организатор кооперативного движения начала XX в. Николай Петрович Гибнер, отмечавший (с учетом зарубежного опыта данного социально-экономического института), что сельскохозяйственные общества — «это не кооперативные учреждения, подчиняющие капитал труду, а скорее научные, но им не безразлично кооперативное движение, переустройствающее на новых началах всю область сельскохозяйственного труда и по своей деятельности они являются близкими сотрудниками и наставниками кооперации» [80].

Все региональные сельскохозяйственные общества в зависимости от критерия можно разделить на несколько видов: 1) по профильному критерию —

объединения широкой направленности и отраслевые; 2) по территориальному — распространявшие деятельность на всю губернию, на несколько уездов, на уезд или на отдельный населенный пункт; 3) по административному — филиальные отделения общероссийских обществ или самостоятельные рязанские объединения и пр.

Следует отметить, что интенсивность появления этих организаций в Рязанской губернии в разные периоды была неодинаковой: до 1900 г. возникло 5 сельскохозяйственных обществ, с 1900 по 1904 гг. — 1, с 1905 по 1909 гг. — 7, 1910–1914 гг. — 59 [81]. Столь явная положительная динамика в сельскохозяйственной кооперации была связана, с одной стороны, с проведением П. А. Столыпиным аграрных реформ, в результате которых крестьяне вышли из общины и превратились в самостоятельных экономических агентов, а с другой — с введением в 1908 г. нового нормального устава для сельскохозяйственных объединений, который облегчил участие в них средним и мелким землевладельцам.

В итоге, к началу Первой мировой войны на территории губернии действовало уже 72 сельскохозяйственных общества (без учета кредитных и ссудо-сберегательных товариществ). Из них 61 — объединения общего характера, 11 — специальные (отраслевые) [82]. Кроме того, при некоторых сельскохозяйственных обществах функционировали комитеты и комиссии, ориентированные на деятельность в рамках отдельных отраслей (например, в Зарайском обществе сельского хозяйства имелись кустарный и пчеловодческий отделы, в Данковском — комиссии по пчеловодству, животноводству и кооперации).

Распределение обществ сельского хозяйства по уездам также было неравномерным [83]. Больше всего их насчитывалось в Рязанском (21), Касимовском (12), Сапожковском (9) и Спасском уездах (7); меньше — в Егорьевском (2), Зарайском (2), Скопинском (1) и Пронском (1) [84].

Неоднородность среди рязанских сельскохозяйственных обществ наблюдалась и в количественном составе. При этом число их членов редко

превышало 100 человек, что было характерно лишь для 5–6 организаций губернии, наиболее распространенными были объединения из 25–50 участников.

Руководящим органом сельскохозяйственных обществ был совет во главе с председателем. К сожалению, ввиду отсутствия сведений выяснить сословную принадлежность руководства данных объединений не представилось возможным. Известно лишь, что во главе советов 8 рязанских обществ сельского хозяйства стояли представители духовенства, 4 возглавляли учителя, 4 — агрономы, 1 — земский начальник, 1 (Савинское сельскохозяйственное общество) — профессор Сергей Сергеевич Салазкин (в будущем — министр народного просвещения Временного правительства). Председатели сельскохозяйственных организаций, по данным рязанского архива, относились к неопределенной категории «прочие лица» (помещики, крестьяне и пр.) [85].

Величина годовых членских взносов составляла от 50 коп. до 5 руб. [86]. Следует заметить, что плата в 1 руб. и более для крестьян была, безусловно, высокой и являлась значительным препятствием для расширения количества участников сельскохозяйственных обществ за счет представителей данной категории населения. Поэтому в некоторых обществах вводилась дифференцированная система членских взносов: одна — для крестьян, другая — для прочих лиц.

Различались общества сельского хозяйства и по количеству своих учреждений. Из более чем 70 объединений в предвоенный период 29 не имели таковых или не представили сведения о них, 6 владели одним учреждением, 8 — двумя, 5 — тремя, 13 — четырьмя, 4 — пятью, 6 — шестью, 3 — семью, 1 — восемью. Среди этих учреждений преобладали прокатные и зерноочистительные пункты (36), случные пункты (28), показательные опытные поля и участки (20), библиотеки (24), сельскохозяйственные склады (14) и т. д. В меньшей степени в губернии были представлены сельскохозяйственные школы (2) и курсы (3), периодические сельскохозяйственные издания (3), показательные пасеки (3) и плодовые питомники (1) и пр. [87].

Деятельность сельскохозяйственных объединений общего характера в Рязанской губернии можно рассмотреть на примере Зарайского общества сельского хозяйства, открывшегося 31 августа 1908 г. Согласно своему уставу, оно призвано было «содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» [88]. Как и другие сельскохозяйственные организации широкого целевого спектра, оно занималось изучением условий развития сельского хозяйства, выработывало рекомендации для повышения его эффективности и распространяло сельскохозяйственные знания в районе своей деятельности.

С самого момента открытия участники объединения активно включились в работу. В первый год обществом было проведено 20 заседаний Совета, 8 общих собраний, прочитано 7 докладов (из них два были изданы отдельными брошюрами), избран комитет для проведения выставок.

Первостепенной задачей нового общества стало изыскание средств. С этой целью руководство объединения обратилось с ходатайствами об оказании помощи в Главное Управление землеустройства и земледелия, уездное и губернское земства, Рязанское общество сельского хозяйства, а также вступило в контакт с другими сельскохозяйственными организациями Российской империи для получения печатных трудов по сельскому хозяйству в библиотеку нового общества. Инициативы членов общества дали свои результаты: Департаментом земледелия в распоряжение общества были предоставлены 4 зерноочистительные машины, 100 рублей на опыты с удобрениями, семена культурных растений, медали и награды для выставок, брошюры по сельскому хозяйству; Зарайское уездное земство выдало субсидию в размере 100 руб.; Рязанское общество сельского хозяйства предоставило награды и медали для выставки семян; от члена общества Ф. А. Олихова было получено пожертвование в 200 руб. для устройства лекций в Новоселковской земской школе [89].

После решения организационных вопросов и укомплектования материально-технической базы Зарайское общество сельского хозяйства

приступило к мероприятиям в соответствии со своей специализацией: открыло пункты сдачи сельскохозяйственных машин в аренду крестьянам за небольшую плату (по 1 коп. с меры чистого зерна); заключило соглашения с фирмами и хозяйствами Рязанской губернии и других регионов по скупке-продаже семян по льготным ценам; организовало посредническую деятельность в покупке со значительными скидками сельскохозяйственных орудий и машин для рязанских аграриев; собрало статистические сведения о лучших племенных производителях в хозяйствах губернии и начало работу по устройству случных пунктов; приступило к проведению опытов с искусственными удобрениями; изучило особенности ведения сельского хозяйства в уезде и устроило несколько лекций для населения по агрокультурным вопросам; основало курсы для учителей при Струпнинской церковно-приходской школе (120 лекций по различным отраслям сельского хозяйства с 17 августа по 7 сентября); с целью ведения в уезде правильного травосеяния раздало крестьянам полученные от Департамента земледелия семена клевера и тимофеевки; открыло бесплатную сельскохозяйственную библиотеку (к 1 сентября 1909 г. насчитывала 226 томов); издало часть своих докладов и др. [90].

Уже в самом начале деятельности объединения в его составе насчитывалось более 70 членов. Впоследствии лишь небольшая часть участников покинула общество. Сословный состав Зарайского общества был представлен следующими категориями: 27 дворян, 16 крестьян, 5 купцов, 6 представителей духовенства, 3 иностранца и 17 лиц «разного звания» [91].

Средства общества в год открытия составили: приход — 1811 руб. 99 коп. (283 руб. 50 коп. — членские взносы, 725 руб. 92 коп. — доход от продажи машин, 296 руб. 18 коп. — доход от продажи искусственных удобрений, 200 руб. — пособия от уездного земства и Департамента земледелия, 200 руб. — пожертвования и пр.), расход — 1314 руб. 18 коп. (666 руб. 46 коп. — на покупку машин, 299 руб. 95 коп. — на покупку искусственных удобрений, 120 руб. 17 коп. — канцелярские расходы, 150 руб. — жалованье агроному, 45 руб. 60 коп. — на приобретение инвентаря, 15 руб. — на ремонт и перевозку машин) [92]. Таким

образом, несмотря на недостаток денежных средств у нового общества, дефицита бюджета его руководству удалось избежать.

К старейшим отраслевым сельскохозяйственным объединениям губернии относился, например, Рязанский отдел Всероссийского общества сельскохозяйственного птицеводства и мелкого животноводства, открытый в 1897 г. Первоначально он занимался только развитием птицеводства и лишь в районе Рязани и уезда, но в дальнейшем отдел расширил свою деятельность, как в профильном, так и в географическом отношении: с 1906 г. объединение занялось курированием мелкого животноводства — разведения кроликов, коз и т. д., а с 1911 г. район действий общества охватил всю Рязанскую губернию.

Основной формой работы общества были стационарные и передвижные (с 1911 г.) выставки птиц и мелкого домашнего скота, выполнявшие селекционную функцию. Общее количество их с момента основания общества до 1914 г. составило 31 и 10 соответственно [93]. Со временем успех данных мероприятий привел к значительному увеличению доли участия в них представителей крестьянского населения: 1907 г. — 30 % экспонентов, 1908 г. — 45 %, 1909 г. — 48,25 %. [94]. Помимо самих животных на выставках рекламировались и товары мелкого животноводства.

Более редкой формой деятельности были лекции для населения по различным аспектам птицеводства: за период с 1897 по 1915 гг. их было всего лишь 6 [95].

В 1912 г. при помощи Центрального общества Рязанским отделом был устроен случный пункт для коз. Кроме того, для повышения эффективности птицеводства обществом была организована бесплатная раздача племенных кур крестьянам и учителям (последние по роду деятельности были близки к сельскому населению).

Средства общества складывались из членских взносов (всего 5329 руб. за период с 1897 г. по 1915 г.), субсидий от Центрального общества (всего 2905 руб.), дохода от билетов на выставки (4361 руб. 51 коп.), пожертвований (1128 руб. 88 коп.), продажи принадлежностей для птицеводства и

специализированной литературы [96]. Небольшая денежная помощь была получена также от Министерства земледелия и земства. Существенную поддержку земские управы оказали в предоставлении помещений для передвижных выставок и оплате дорожных услуг. Сельскохозяйственные общества Рязани, Зарайска и Егорьевска также позволяли бесплатно пользоваться их помещениями для устройства экспозиций и выдавали награды для выставок.

Расходы объединения включали в себя траты на проведение выставок, покупку инвентаря и аренду помещения для его хранения, содержание племенных животных, покупку литературы и пр.

Другим примером специализированного сельскохозяйственного общества, тоже являвшегося филиалом общероссийского сельскохозяйственного объединения, было открытое в 1909 г. Рязанское отделение Императорского общества козоводства. В рязанской прессе указывалось, что целью учредителей было «развить интерес к козоразведению, как самому полезному и выгодному промыслу для сельских хозяев» [97]. Это объединение на правах «императорского» также пользовалось поддержкой административных органов. Так, Министерство земледелия поставляло обществу заводских животных, которые впоследствии поступали в племенной рассадник в с. Песочне Сапожковского уезда.

Основные формы работы были идентичны таковым вышеописанного общества птицеводства, а именно: 1) устройство выставок в городах и уездах Рязанской губернии; 2) бесплатная раздача крестьянам и сельским учителям племенных коз; 3) участие в издании журнала «Российское козоводство». В 1911 г. в обществе состояло около 30 человек под председательством князя А. Б. Голицына [98].

Из приведенных сведений видно, что два последних объединения: Рязанский отдел Всероссийского общества птицеводства и Рязанское отделение Императорского общества козоводства в большей степени были ориентированы на практическую деятельность, а не на теоретическую. Просветительная

составляющая их работы была слабо выражена и вытеснялась спортивно-соревновательным и предпринимательским настроем участников.

К самостоятельным (не филиальным) отраслевым сельскохозяйственным объединениям относилось Зарайское общество пчеловодства, устав которого был утвержден губернатором 3 сентября 1913 г. [99]. Его особенностью был широкий географический охват — деятельность объединения распространялась на Зарайский и Михайловский уезды Рязанской губернии, а также на Каширский и Веневский уезды Тульской губернии. Цель общества, заявленная в его уставе — «содействовать в районе своих действий, соединенными силами своих членов, развитию и усовершенствованию пчеловодства» [100].

Перечень предоставляемых обществу прав и форм деятельности свидетельствует о преимущественной роли просветительской (и даже отчасти научной) функции объединения в рамках обозначенной специализации: 1) изучать положение пчеловодства и выяснять его нужды и потребности путем совместного обсуждения вопросов на общих собраниях, в специальных комиссиях и на съездах, а также организовывать экспедиции и экскурсии для осмотра пасек и для различных исследований в области пчеловодства; 2) распространять теоретические и практические сведения по пчеловодству посредством устройства публичных чтений, издания своих трудов, учреждения школ пчеловодства, библиотек и музеев; 3) участвовать в разработке наиболее правильных способов ведения пасечного хозяйства с помощью практических опытов по использованию различных приемов ухода за пчелами, учреждения опытных пчеловодных станции, полей и питомников медоносных растений и пр.; 4) оказывать консультационную помощь пчеловодам в правильной постановке их пасечных хозяйств и осуществлять посредничество по снабжению пчеловодов инвентарем, открывая с этой целью справочно-комиссионные бюро, мастерские, склады пчеловодных орудий и т. п.; 5) устраивать выставки, аукционы и поощрять труды и заслуги на поприще пчеловодства присуждением медалей и других почетных наград [101].

Кроме того, объединению разрешалось содействовать учреждению его членами товариществ по производству и сбыту продуктов пчеловодства и изделий из них, то есть фактически осуществлять функцию потребительского общества. В момент образования общества в его состав вступило 37 человек под председательством А. Н. Ярцева [102].

А вот появившееся уже в период Первой мировой войны Рязанское Губернское общество пчеловодства имело еще более обширный район деятельности — работа объединения распространялась на всю губернию. Устав данной организации практически полностью повторял устав Зарайского общества пчеловодства, включая доминирование просветительного направления [103].

Привилегированное положение среди общественных объединений губернии занимало Рязанское общество поощрения рысистого коннозаводства, имевшее селекционно-спортивную направленность. Оно объединяло владельцев конных заводов и всех лиц, проявляющих интерес к разведению породистых лошадей. Достаточно сказать, что президентом данного объединения был рязанский губернатор, а в состав общества входили все «сливки» губернии — члены известных дворянских семей, заводчики, банкиры, купцы, видные общественные деятели и представители власти: И. А. Антонов, С. В. Живаго, В. К. Ларионов, Н. Н. Малашкин, Н. И. Мордвинов, П. Н. Муромцов, С. А. Рюмин, И. А. Селиванов, С. А. Сливков, С. Г. Струве, А. М. Якушев и др. Среди почетных членов значились: граф И. И. Воронцов-Дашков, действительный статский советник Н. А. Болдырев, П. П. Фон-Дервиз, Н. И. Родзевич, М. И. Тимофеев и др. [104].

Общество занималось в основном подготовкой и проведением конных бегов и скачек на рязанском ипподроме, то есть реализовывало преимущественно развлекательную функцию. Денежный капитал объединения в начале XX в. превышал 17 тыс. руб. (в 1903 г. приход составил 17848 руб. 17 коп., расход — 5815 руб. 97 коп.). Кроме того, объединение владело движимым и недвижимым имуществом на общую сумму 3379 руб. Средства объединения состояли из членских взносов (например, в 1903 г. они составили 565 руб.), прибыли от

соревнований, дохода от сдачи помещений в аренду, субсидий от Главного управления государственного коннозаводства (в 1903 г. — 1000 руб.), пожертвований от частных лиц и учреждений, процентов с капиталов и др. [105] Основные траты составляли расходы на устройство соревнований и административно-хозяйственные нужды, покупку наград и призов, пополнение библиотеки общества и др.

Общество имело несколько категорий призов, различавшихся по величине и предназначавшихся для разных дистанций и возраста лошадей. Например, на скачках, проводимых летом 1904 г. значились: приз Главного управления государственного коннозаводства в 422 руб. на дистанции в 1 версту для лошадей, рожденных в 1901 г.; приз Общества в 200 руб. на дистанции в 1,5 версты для лошадей, рожденных в 1900 г.; приз вице-президента общества П. П. Фон-Дервиза в 600 руб. на дистанции в 3 версты для лошадей любого возраста и т. д. [106]

В целом же общество в силу своей привилегированности носило закрытый характер и не стремилось к популяризации своей деятельности в широких слоях населения.

Таким образом, несмотря на принадлежность к одной группе объединений, каждое сельскохозяйственное общество Рязанской губернии (общей направленности и специализированное) имело свою специфику и функциональный акцент — теоретический или практический, спортивно-развлекательный или научный, просветительный или производственно-маркетинговый.

Близкими по структуре, роду и принципам своей деятельности к сельскохозяйственным объединениям были охотничьи и рыболовные общества, занимавшиеся просветительной, промыслово-развлекательной и природоохранительной работой и также находившиеся в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ.

В 1898 г. в Рязани был открыт отдел Императорского общества правильной охоты, о деятельности которого известно крайне мало. Объединение, как указывалось в беседе корреспондента местной газеты с председателем общества

К. Л. Ширинкиным (в 1911–1914), своей целью ставило: «во-первых, организацию в Рязанской губернии правильной охоты; во-вторых, истребление хищных зверей; и, наконец, охранение полезных животных» [107].

Привилегированный характер общества подчеркивался довольно высокими ежегодными членскими взносами: для действительных членов — 30 руб., членов-любителей — 15 руб. Отсюда и преобладание в составе объединения представителей двух наиболее материально обеспеченных сословий — дворян и купцов. В 1911 г. в обществе насчитывалось 70 человек (45 действительных и 25 любителей). Во главе объединения стоял совет [108].

Помимо членских взносов и пожертвований касса общества пополнялась за счет штрафов и платы за охоту, а основные расходы включали платежи за аренду угодий (объединение пользовалось примерно 150 тыс. десятин в Рязанском, Спасском и Касимовском уездах) и жалованье сторожам (в 1911 г. — 7 человек).

Объединение вело серьезную борьбу с браконьерством, подняло вопрос о признании некоторых угодий заповедными и о необходимости искусственного разведения вымирающей дичи.

А 15 декабря 1904 г. открылось самостоятельное общество охотников в г. Егорьевске. Это объединение уделяло внимание не только основным вопросам охотничьего производства, но и стремилось решить множество прикладных задач в смежных с ним областях, например, улучшение пород охотничьих собак, изучение и описание животных края, устройство тренировок по стрельбе и т. д. [109].

Особое внимание со стороны учредителей отводилось правилам участия в деятельности объединения. Помимо общих запрещенных для добровольных организаций категорий населения (несовершеннолетних, учащихся, состоящих на военной службе нижних чинов и юнкеров, ограниченных в правах по суду) в общество не принимались охотники-промышленники, а лица женского пола не могли избираться в члены правления и ревизионной комиссии. Общество состояло из почетных и действительных членов. В действительные члены могли избираться желающие по рекомендации не менее двух участников объединения.

Для ведения охоты участникам общества выдавались именные билеты сроком на год.

Кроме того, в уставе вводилось несколько пунктов о такой категории как «гости членов», количество которых и возможности участия их в мероприятиях общества были ограничены: члену объединения разрешалось приводить с собой лишь одного гостя за раз, а гость имел право участвовать в охоте не более трех раз в первый год и двух раз — в последующие. В случае нарушения пунктов устава члены подвергались штрафам, лишению прав охоты в угодьях общества и даже исключению из состава объединения.

Средства общества составлялись из членских взносов, пожертвований (с пометкой «допускаемы лишь с тем, чтобы собрание их не имело характера публичного»), доходов от устраиваемых обществом мероприятий (например, состязаний в стрельбе и др.), платы гостей за право участия в охоте и штрафов с членов общества и гостей за нарушение правил общества. Траты включали в себя арендную плату за охотничьи угодья и жалованье сторожам, а также разнообразные хозяйственно-административные расходы [110].

Так, в первый год существования (1 января 1905 г. – 1 марта 1906 г.) приход объединения равнялся 516 руб. и состоял только из членских взносов 43 участников нового общества (вступительных — 86 руб. и 430 руб. годовых). Расход за этот же год выразился в сумме 477 руб. 75 коп. (плата за аренду угодий — 371 руб. 50 коп., за охрану угодий — 47 руб. 50 коп., за очистку р. Цны — 30 руб., на канцелярские принадлежности — 28 руб. 25 коп.) [111].

Следует отметить, что Рязанское и Егорьевское объединения были наиболее крупными и известными, но помимо них на территории губернии действовало еще несколько более мелких (по охвату и количеству членов) охотничьих обществ и кружков. К сожалению, о них практически не сохранилось никаких сведений.

Нельзя не упомянуть и о Рязанском обществе любителей рыболовства, устав которого был зарегистрирован 12 мая 1909 г. Среди членов-учредителей (всего 23 человека) — представители дворян, купцов и военных во главе с полковником Н. М. Острянским и князем А. Н. Оболенским. Организационная

структура и устав данного объединения были очень схожи с таковыми Егорьевского общества охоты. Целью объединения являлось: 1) предоставлять своим членам возможность правильной и удобной рыбной ловли; 2) принимать меры к улучшению способов ведения рыбного хозяйства, а также распространению сведений о рыболовстве и рациональном содержании водоемов с целью предохранения рыбы от гибели (с помощью выставок, конкурсов, публичных лекций, выдачи поощрительных аттестатов, похвальных отзывов, жетонов, дипломов и проч.); 3) устраивать заводы для искусственного разведения рыбы; 4) содействовать правительству в деле охранения рыбы от незаконных способов ловли [112].

Для достижения поставленных целей общество покупало и брало в аренду рыбные угодья, наблюдение за которыми осуществляли избранные из числа членов общества контролеры (не допускали посторонних и следили за соблюдением правил рыбной ловлей членами объединения).

Препятствием для членства в обществе могли стать лишь общие для всех добровольных общественных организаций ограничения. Все остальные лица принимались в состав без различия званий и пола. Члены делились на почетных и действительных. Последние были обязаны платить ежегодный взнос. Всем членам для участия в рыбной ловле в угодьях общества выдавались именные билеты. Кроме того, как и в Егорьевском обществе охотников, здесь существовала категория «гости членов». Для участия в общественной рыбной ловле гости покупали разовые билеты. Но воспользоваться этим правом они могли не более 5 раз за сезон и только в сопровождении кого-то из членов общества.

Средства общества составлялись из членских взносов и взносов гостей, штрафов, добровольных пожертвований и других случайных доходов.

Стараниями правления у общества к 1911 г. уже были собственная пристань и лодки на Оке, а также на Уржинском и Великом озерах. Численность членского состава к этому времени возросла до 50 человек. Эффективно шла борьба с браконьерством. По предписанию губернатора при содействии полиции обществом были уничтожены заграждения из кольев (заколы), устраиваемые

крестьянами в притоках Оки во время нереста. Кроме того, благодаря усилиям членов объединения было организовано наблюдение за размером клеток в рыболовных снастях и введен запрет на продажу на базарах маломерной рыбы, что препятствовало истощению рыбных ресурсов и способствовало развитию рационального рыболовства в губернии [113].

Из представленной характеристики промысловых обществ видно, что эти объединения в большей степени занимались практической деятельностью по своей специализации (спортивно-охотничьей и природоохранительной), и в меньшей — просветительской работой с населением губернии.

Таким образом, степень осуществления просветительской функции рязанскими добровольными организациями разных групп существенно варьировалась: в одних обществах это направление играло ведущую роль и выражалось в организации обучения для широких слоев населения, как например, в Обществе для содействия распространению народного образования в г. Скопине и его уезде, в других — основное внимание уделялось научно-исследовательской работе (РУАК, Рязанское медицинское общество), а некоторые объединения были ориентированы на научно-практическую деятельность в определенной отрасли (сельскохозяйственные и охотничьи общества) или занимались устройством развлекательных мероприятий с элементами просвещения для народа (общества трезвости). Именно две последние группы общественных организаций ввиду высокой востребованности их деятельности аграрным большинством населения получили широкое распространение в Рязанской губернии.

В то же время можно судить о значительном вкладе добровольной организованной инициативы в развитие рязанской науки, повышение уровня медицинского обслуживания населения, а также распространение среди рязанцев полезных знаний в области сельского хозяйства и охраны природных ресурсов.

3.2. Добровольные объединения жителей Рязанской губернии в сфере искусства, культуры и досуга

Проявлением социокультурной модернизации в столице и провинции на рубеже XIX–XX веков стало возникновение множества творческих объединений — литературных, художественных, театральных, музыкальных обществ и кружков. Эти добровольные самодеятельные организации (близкие по своим функциям и формам деятельности к просветительным) во главе с представителями местной интеллигенции способствовали повышению культурного уровня и художественному развитию не только своих членов, но и населения губернии в целом. Членами творческих объединений были как любители, так и профессионалы. Однако по своему количественному составу и финансовой обеспеченности общества этого направления находились в наименее выгодном положении по сравнению с другими группами общественных организаций.

Одним из таких объединений было Касимовское общество любителей драматического и музыкального искусств, устав которого был зарегистрирован 18 сентября 1900 года. Данный документ позволяет представить общие принципы внутренней организации и виды деятельности, характерные для большинства творческих объединений с поправкой на их специализацию в конкретном виде искусства. Согласно уставу, целью общества было «давать возможность своим членам собираться в помещении оною для исполнения драматических и музыкальных произведений и содействовать развитию драматического и музыкального образования для своих членов» [1]. Для этого члены общества получили право устраивать музыкальные и драматические вечера, спектакли, концерты и «с особого на то каждый раз разрешения, литературные чтения» [2].

Членами общества могли быть лица обоего пола без различия сословий, за исключением: несовершеннолетних; учащихся в учебных заведениях, юнкеров и нижних воинских чинов на действительной военной службе; подвергшихся ограничению прав по суду. Участники делились на почетных членов (оказавшие особые услуги обществу, или известные деятели музыкального и литературного

искусства), сотрудников (принимавшие участие в исполнительных собраниях) и действительных членов (лица с полными правами и обязанностями). Для вступления в состав общества в качестве действительного члена требовалась рекомендация двух членов объединения. На публичные вечера допускались и посторонние лица.

Во главе объединения стоял совет, состоявший из председателя, трех членов и двух распорядителей, избираемых на один год из числа действительных членов и членов-сотрудников. Для обсуждения творческих вопросов созывалось распорядительное собрание из членов-сотрудников под руководством председателя. Общие собрания проходили два раза в год, а для решения неотложных вопросов созывались чрезвычайные собрания.

Средства общества складывались из членских взносов, входной платы с гостей, пожертвований. Из отчета за 1902 г. видно, что финансовое положение Касимовского объединения было не слишком благополучным, что, как уже отмечалось, было характерно для большинства творческих организаций: членские взносы за 1901 г. и 1902 г. составили 45 руб., прибыль от продажи билетов на спектакли — 97 руб. 15 коп., прибыль от продажи программ — 1 руб., а общий приход за 1901–1902 гг. — 265 руб. 19 коп.) [3]. При этом число участников общества в 1902 г. составило около 20 человек.

Однако, можно предположить, что данное общество просуществовало недолго: в 1912 г. общественные силы Касимовского уезда вновь подняли вопрос об организации кружка любителей драматического и музыкального искусств [4]. Но дважды в ответ на прошения о регистрации устава нового объединения учредители получали отказ Рязанского присутствия по делам об обществах (впрочем, по весьма справедливым причинам) [5].

В 1908 г. был создан «Рязанский литературно-художественный кружок», председателем которого стал учитель словесности 1-ой мужской гимназии Рязани Михаил Владимирович Самыгин (литературный псевдоним — Марк Криницкий). Кружок распространял свою деятельность на всю губернию и имел целью «дать своим членам возможность следить за успехами литературы и искусств;

содействовать эстетическому воспитанию членов кружка и организовывать серьезные и полезные развлечения, как для членов кружка, так и для населения района деятельности кружка» [6]. Для решения этих задач кружок устраивал спектакли, концерты, научные лекции, художественные выставки по различным видам искусства и литературе.

Первоначально объединение включало в себя несколько комиссий: театральную, литературную и музыкальную. Впоследствии они были реорганизованы в соответствующие отделы, действовавшие по большей части независимо друг от друга. Начало 1909 г. явилось периодом расцвета кружка, когда публичные выступления рязанской интеллигенции были особенно часты. В это время был организован свой хор, устроена выставка картин столичных и местных художников, росла денежная касса объединения. Тем не менее параллельно усиливались разногласия между членами организации во взглядах на ее цели и способы их достижения. Одна часть состава выступала за изолированную деятельность, другая настаивала на широкой популяризации, доступности всех начинаний кружка публике и снижении цен на билеты. Этот конфликт привел к постепенному угасанию Литературно-художественного кружка в 1911–1912 гг. [7].

Тем не менее из музыкального отдела Рязанского литературно-художественного кружка в 1912 году возникло Рязанское Музыкальное общество [8], плодотворно действовавшее на протяжении нескольких последующих лет и подготовившее многих профессиональных музыкантов, в том числе преподавателей Рязанского музыкального училища. Новую организацию возглавил рязанский юрист и музыкант Владимир Иванович Мордвинов, который оставил в наследство потомкам книгу о деятельности этого объединения с подробным описанием репертуара и комментариями по поводу рецензий в местной прессе [9].

В уставе Музыкального общества указывалось, что его цель — «содействовать любителям музыки совершенствоваться в их музыкальных познаниях и способствовать развитию музыкального искусства среди местных

жителей» [10] путем устройства музыкальных вечеров, концертов, оперных и драматических представлений, собраний для камерной музыки.

Состав общества включал три категории членов — действительные (с ежегодным взносом в 3 руб.), почетные (избирались большинством голосов действительных членов на общем собрании за особые заслуги или крупные денежные пожертвования) и члены-посетители (участвовали в музыкальных мероприятиях, но без уплаты членских взносов и без права голоса в собраниях). Во главе объединения стоял комитет (председатель, помощник председателя, три члена, заведующих отдельными «отраслями» музыки, казначей и секретарь), избиравшийся на общем собрании на один год.

Первое выступление Музыкального общества состоялось 3 ноября 1912 г. в зале Благородного собрания. Программа концерта включала произведения Ф. Шуберта, М. И. Глинки, Э. Грига, Н. А. Римского-Корсакова в исполнении оркестра и хора [11].

Спектр форм деятельности нового общества не ограничивался лишь концертами. Объединение устраивало спектакли: в 1912 г. с успехом были поставлены «Тайны гарема» и «Продавец птиц». Причем в последнем было задействовано 19 исполнителей (не считая хора), что позволяет сделать вывод о быстром росте числа участников организации. Были даже планы поставить оперу — зимой 1912 г. начались репетиции, однако из-за войны задуманному не суждено было сбыться. Зачастую в мероприятиях общества участвовали приглашенные столичные артисты: в феврале 1914 г. в зале Благородного собрания состоялся концерт с выступлением московской певицы Венцковской, певца Сокальского и валторниста Решетникова [12].

Помимо общедоступных публичных мероприятий, общество практиковало и проведение закрытых вечеров только для своих членов («семейные» или «домашние» концерты и спектакли), а также устраивало благотворительные акции — например, 10 февраля 1913 г. был организован концерт в гимназии Н. Н. Зелятрова в пользу нуждающихся учащихся.

Среди творческих успехов музыкального общества можно выделить концерт из произведений П. И. Чайковского 19 октября 1913 г. в зале Благородного собрания. Многие номера исполнялись артистами «на бис».

К сожалению, случались и неудачи. Так, 11 января 1914 г. в городском театре состоялся «домашний» спектакль общества — оперетта Легара «Граф Люксембург», на организацию которого были потрачены немалые средства, и, как следствие, назначенные цены на билеты были довольно высоки. Однако из-за спешки премьера прошла не слишком удачно, о чем сообщалось в местной прессе [13].

Бурной деятельности Рязанского музыкального общества помешала грянувшая летом 1914 г. мировая война. В связи с этим 31 августа 1914 г. на совещании членов было решено направить всю деятельность объединения на устройство благотворительных музыкальных вечеров в пользу воинов и Красного Креста. Кроме того, правление обратилось к участникам общества с просьбой досрочно внести членские взносы на сезон 1914–1915 гг, чтобы иметь возможность организовать намеченные мероприятия и сохранить в неприкосновенности капитал объединения для возобновления культурной деятельности в будущем. Первый благотворительный концерт состоялся 26 сентября 1914 г. в зале Благородного собрания, и вся прибыль от него поступила в Рязанскую Екатерининскую общину Красного Креста. А вскоре общество покинул его председатель В. И. Мордвинов, отправившийся на фронт в качестве начальника санитарного поезда. Таким образом, в деятельности объединения наступил совершенно новый этап, завершившийся с началом революции 1917 г. [14].

Работа таких творческих объединений была очень популярна среди населения, что способствовало их возникновению в различных уголках Рязанской губернии. Так, 29 декабря 1911 г. постановлением Рязанского губернского по делам об обществах и союзах присутствия был зарегистрирован «Раненбургский литературно-художественный кружок» [15], а 22 января 1912 г. в зале

Раненбургского общественного клуба состоялось первое собрание членов нового общества. Председателем объединения был избран врач А. Ф. Менчинский [16].

В отчете кружка за 1912 г. говорилось, что на начальном этапе существования объединением было устроено несколько вечеров, спектаклей, концертов, «елка» для бедных детей Раненбурга и историко-художественная выставка [17]. Для организации последней правлением было распространено объявление о том, что предметами выставки должны быть, «с одной стороны, всевозможные художественные работы и изделия, живопись, скульптура, художественные рукоделия и прочее, с другой стороны, различные предметы и документы, имеющие тот или другой исторический интерес и в особенности предметы, характерные для прошлого нашего уезда...» [18].

Кроме того, участники объединения организовали систематическое чтение научно-популярных лекций (по физиологии, анатомии, физике и др.) не только силами своих членов, но и с привлечением приезжих лекторов (К. А. Поссе, В. И. Пичет и др.).

Росло количество членов кружка: в начале 1912 г. — около 100 человек [19], в конце 1912 г. — уже 152 человека [20]. Годовой приход в это время выразился в сумме 1254 руб. 79 коп., расход составил 1127 руб. 59 коп. [21].

В дальнейшем (1913–1914 гг.) число участников объединения значительно уменьшилось (в начале 1914 г. — 117 человек), а в деятельности кружка, по собственному замечанию руководства, появилась некоторая инертность (особенно в работе музыкальной секции и устройстве лекций) [22]. Зато кружок начал издательскую деятельность — выпустил каталог детской литературы (для руководства родителям) и ежегодник с обзорами деятельности [23]. Количество публичных мероприятий в это время составило 27 в год (1913 г.): лекции, спектакли, литературные суды и семейные вечера («субботники»). Денежные обороты остались на прежнем уровне, но без существенных накоплений: общий приход в 1913 г. составил 1333 руб. 48 коп., а расход — 1262 руб. 62 коп., остаток на 1914 г. — 70 руб. 56 коп. [24]. Проблемой являлось и отсутствие собственного

помещения, членам кружка приходилось собираться в общественном клубе или земском зале.

В феврале 1912 года, по сообщению губернской прессы, представители егорьевской общественности — А. Н. Хренов и А. В. Урусов — организовали «Егорьевский литературно-музыкально-драматический кружок» [25]. Среди других учредителей данного объединения, согласно документам присутствия, оказались представители городской элиты: егорьевский уездный предводитель дворянства статский советник Владимир Фердинандович Эман, егорьевский городской голова Федор Пантелеевич Хренов, директор Егорьевской мужской гимназии Николай Иванович Меморский, управляющий местным отделением Русского торгово-промышленного банка Иван Александрович Марков, заведующий Первым Егорьевским городским приходским мужским училищем Степан Яковлевич Печорин и др. [26].

Заявленная в уставе общества цель: «дать своим членам возможность следить за успехами науки, литературы и искусств, содействовать эстетическому воспитанию членов кружка и организовывать серьезные и полезные развлечения, как для членов кружка, так и для населения района деятельности кружка» [27] указывала на важную роль просветительной составляющей в работе нового объединения. Об этом также свидетельствовало намерение издавать научно-литературно-художественный журнал и газету (наряду с устройством спектаклей, концертов, лекций, выставок, библиотек и др.), зафиксированное во втором параграфе [28].

Организационная структура Егорьевского кружка повторяла внутреннее устройство вышеописанных объединений данного типа и включала в себя три отдела — литературный, музыкальный и драматический (пропорционально представленные в правлении). Количество членов к началу 1914 г. составило 103 человека (из них 65 человек вступили в 1913 г.). Однако в статье о новом объединении указывалось, что Раненбургский кружок был «устроен лучше», чем Егорьевский, так как он «охватывает практически все общественные группы» [29].

Принципы социокультурной работы Егорьевской организации были идентичны таковым Рязанского и Раненбургского кружков. Из отчета за 1913 г. узнаем, что деятельность кружка заключалась в публичных выступлениях для жителей уезда и в организации семейных вечеров для своих членов. За год было поставлено 2 спектакля, прочитаны 4 лекции для местного населения в здании церковно-приходского училища (при участии лекторов «Московского лекционного бюро Комиссии по организации домашнего чтения»), организованы 3 концерта (в том числе, с привлечением московских солистов — Соколовой, Верлаева, Камнева, Разуваева), устроены выставка картин А. И. Павловича и гулянье в городском саду. Закрытые мероприятия (только для членов объединения) представляли собой 9 вокально-музыкальных и литературно-драматических вечеров [30].

Вход в кружок в качестве участников был открыт для лиц обоего пола. Членство не разрешалось для несовершеннолетних, учащихся и нижних воинских чинов. В 1913 г. на общем собрании было решено изменить пункт устава о членстве и выдвинуто предложение о включении в состав объединения студентов высших учебных заведений с разрешения их учебного начальства, что привело к повторению процедуры регистрации общества [31].

Ежегодный взнос для действительных членов составлял 3 рубля, для членов-соревнователей (не имели права решающего голоса в собраниях и не занимали должности в управлении) — менее 3 руб., но более 50 коп. Лица, единовременно пожертвовавшие в пользу кружка не менее 50 рублей, становились пожизненными. Почетные члены (избранные в общих собраниях «за особые заслуги») освобождались от уплаты ежегодных взносов.

В финансовом отношении Егорьевский кружок тоже не был исключением из общего правила, касавшегося социокультурных объединений, и испытывал явные трудности. Приход за 1913 г. составил 1353 руб. 52 коп., расход — 1338 руб. 98 коп., долг — 450 руб. [32]. Кроме того, как и большинство творческих объединений, Егорьевский литературно-художественный кружок не имел собственного постоянного помещения.

Немногим позже Егорьевского, в январе 1913 г., Рязанским присутствием был зарегистрирован Данковский музыкально-литературно-художественный кружок [33]. Его устав полностью повторял егорьевский 1912 года [34]. Однако состав его организаторов (а позже — действительных членов) был не таким знатным, как в случае с егорьевским объединением, и включал в основном представителей местного чиновничества низшего и среднего звена, военной и учебной интеллигенции [35].

К творческим объединениям, открывшимся на рубеже рассматриваемого периода, относилось и Общество Рязанского художественно-исторического музея имени профессора И. П. Пожалостина. В число организаторов объединения входили представители местной интеллигенции различных профессий и сословий (с художественным образованием и самоучки, любители искусства, коллекционеры): рязанский офицер Александр Александрович Киселев с супругой Екатериной Алексеевной, краевед Иван Иванович Проходцов, землемер Владимир Павлович Соколов, врач Владимир Семенович Дурнев, потомственный дворянин Александр Васильевич Елагин, юрист Александр Константинович Радугин, инженер Николай Николаевич Кнерцер, жена купца Екатерина Яковлевна Дмитриева и др. В марте 1913 г. в Рязанское губернское по делам об обществах присутствие учредителями (всего 19 человек) поступило прошение о регистрации данного объединения [36], которое было удовлетворено 30 марта 1913 г. [37]. А 29 апреля 1913 г. на общем собрании прошли выборы правления: председатель А. А. Киселев, помощник председателя А. В. Орлов, а также члены — В. П. Соколов, С. А. Пырсин, А. К. Радугин, А. В. Селиванов, И. И. Проходцов, Н. П. Смирнов [38].

Целью объединения было «создание в Рязани художественно-исторического музея, задачей коего являются заботы о художественном развитии Рязани и Рязанской губернии путем подбора художественно-исторических произведений всех областей искусства и содействие развитию и популяризации как чистого, так и прикладного искусства» [39]. Впоследствии планировалось передать музей (вместе со всеми собранными произведениями искусства и историческими

экспонатами) в ведение города или земства для более эффективного его функционирования (§22 устава), а для совместного управления делами данного заведения избрать на общем собрании членов особый распорядительный орган — совет музея.

По замыслу учредителей, усилия участников объединения после создания музея должны быть направлены на пополнение его коллекции произведениями искусства разных эпох, организацию стационарных и передвижных выставок в Рязани и Рязанской губернии, устройство лекций по искусству, организацию общения между членами, сближение с профессиональными художниками, помощь в получении художественного образования талантливым людям (как членам общества, так и посторонним).

Членский взнос установили в 2 рубля. Единовременное пожертвование деньгами или произведениями искусства на сумму не менее 30 рублей давало право на звание пожизненного члена. Участником объединения мог стать любой желающий (кроме несовершеннолетних и учащихся). Во главе общества стояло правление (от 6 до 12 человек), избираемое на год.

Отличительной чертой данной организации было наличие в ее составе Экспертной комиссии (не менее пяти членов правления), занимавшейся оценочной деятельностью — вынесением заключений об уровне художественных произведений, поступающих в музей или на выставки.

Финансовую основу общества предполагалось составлять из членских взносов; частных пожертвований; пособий от городской власти, земских и общественных учреждений; процентов с капиталов; прибыли от публичных мероприятий (концертов, спектаклей, вечеров, лотерей); доходов от продажи принадлежащих обществу художественных изделий, каталогов, гравюр, фотоснимков, художественных изданий; процентов от посреднической деятельности по продаже произведений искусства членов общества (5 %) и посторонних лиц (10 %). Контроль за финансами и материально-технической базой общества осуществляла ревизионная комиссия [40].

Однако путь участников объединения к осуществлению заявленной в уставе цели занял довольно долгое время — художественно-исторический музей был открыт лишь после революции (в 1919 г.) и продолжает успешно работать по сей день.

Следует отметить, что спустя некоторое время к любительским объединениям в сфере искусства в губернии добавилась и профессиональная творческая организация: 26 октября 1915 года в Рязани был открыт отдел «Императорского Русского Театрального Общества», целью которого было «содействие всестороннему развитию театрального дела в России» [41], а также материальная поддержка театральных деятелей.

Таким образом, любительское и профессиональное искусство, успешно сочетаемые в рамках добровольных творческих ассоциаций, делали жизнь рязанцев более разнообразной, способствовали распространению культуры, развитию художественного образования и формированию эстетического вкуса.

Сфера досуга российской провинции дореволюционного периода была представлена сетью так называемых общественных клубов (собраний). Они могли быть как сословного характера (дворянский, купеческий и др.), так и общедоступными — всесословными. Последний вариант в конце XIX – начале XX в. получает все большее распространение ввиду модернизационных тенденций — усиления социальной мобильности и размывания сословий.

Так, в региональном архиве сохранился запрос МВД 1892 г. о существующих в Рязанской губернии развлекательных мероприятиях и клубах, поступивший рязанскому губернатору в связи с новым порядком взимания сбора с увеселений [42]. Согласно ответному докладу, общественные клубы были почти во всех уездных городах (за исключением Данкова и Пронска): Благородное собрание (200 действительных членов и 406 посетителей с членским взносом 10 рублей) в Рязани; общественные собрания в Ряжске (61 член со взносом 10 рублей), Спаске (28 членов со взносом 10 руб.), Михайлове (65 членов со взносом 10 рублей), Скопине (26 членов со взносом 10 руб.), Сапожке (71 член со взносом 10 рублей), Егорьевске (87 членов со взносом 10 рублей) и Касимове (75

членов со взносом 10 рублей); Дворянский клуб (79 членов со взносом 10 рублей) в Зарайске [43]. Впоследствии этот список дополнился Данковским и Пронским общественными собраниями, а также всесословными объединениями в Рязани и Зарайске [44].

Общественные собрания в большинстве случаев распространяли свою деятельность на всю территорию населенного пункта или уезда, но существовали и более мелкие объединения. Так, например, в Рязани с 1909 г. действовало Рязанское общественное семейное собрание Троицкой слободы [45]. Но с течением времени район деятельности этой организации расширился, о чем свидетельствовал новый устав Рязанского Общественного семейного собрания 1913 г. [46].

Организационное устройство и принципы деятельности общественных собраний можно рассмотреть на примере Рязанского всесословного собрания, появившегося в декабре 1905 г. Несмотря на то, что прошение об утверждении устава объединения поступило губернатору от учителей (М. Гомзина, Н. Микулина и Л. Жданова), основной состав учредителей-участников нового общества (всего 141 человек) был представлен: мещанами (60 человек), крестьянами (26 человек) и купцами (22 человека) [47], то есть теми социальными группами, которые были наиболее заинтересованы в заполнении своего досуга совместными мероприятиями в большей степени развлекательного, чем просветительного характера. Это стремление было отражено и в цели объединения: «доставить своим членам и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удобством и пользой» [48].

По уставу (он был схожим у всех общественных собраний губернии—сравн., например, Устав Данковского общественного собрания [49]) обществу предоставлялось право устраивать для своих членов и их гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера; ставить спектакли; организовывать различные игры — в карты, домино, лото, шашки, шахматы, бильярд; выписывать книги, газеты и журналы; приглашать специалистов для чтения научно-популярных лекций с целью «распространения между членами

Собрания полезных сведений». Разумеется, программы, время и место проведения этих мероприятий, равно как и перечень книг в библиотеке собрания, должны были согласовываться с местными органами власти и правопорядка. Пребывание в собрании допускалось до 2 часов ночи. За превышение лимита устанавливались штрафы: за первые полчаса — 25 коп., 1 час — 50 коп., 1 ч 30 мин — 1 руб. и т. д. В дни основных православных праздников Собрание было закрыто [50].

Членами Собрания могли быть лица всех сословий и национальностей. Они делились на действительных, почетных и посетителей. Количество участников первой категории не должно было превышать 150 человек. Число же почетных членов и посетителей было не ограничено. Губернатор, начальник Губернского жандармского управления, городской голова и полицмейстер по своему званию становились непременно членами Собрания. Причем губернатор получал звание почетного члена.

Все члены, подписавшие устав до его утверждения, объявлялись действительными, а вступившие в состав Собрания после утверждения устава — посетителями. Прием последних осуществлялся по рекомендации двух действительных или почетных членов. Почетными членами (с правом решающего голоса в заседаниях) становились лица, внесшие единовременно не менее 100 рублей, или оказавшие собранию особые услуги. В отличие от действительных и членов-посетителей почетные члены освобождались от уплаты ежегодного взноса.

В состав объединения не допускались представительницы женского пола, не имеющие классов чинов несовершеннолетние, учащиеся в учебных заведениях, состоящие на действительной службе нижние чины и юнкера, подвергшиеся ограничению прав по суду.

Управление делами осуществляли общие собрания (состояли из почетных и действительных членов), совет старшин и ревизионная комиссия. Помимо общего руководства объединением и заведования хозяйственно-финансовой частью, совет старшин (собирался не менее одного раза в месяц) назначал дни для

проведения мероприятий (балов, спектаклей, маскарадов и т. д.), определял размер платы за входные билеты и цены в буфете.

Средства объединения составлялись из 1) членских взносов, 2) платы за игры в карты, бильярд и др. 3) штрафов за пребывание в собрании дольше установленного срока; 4) платы за вход гостей; 5) платы за отдельные увеселительные мероприятия — балы, маскарады, концерты и пр.

Кроме того, при Рязанском всесословном собрании имелась благотворительная касса для оказания помощи нуждающимся членам и их семьям (по причине старости, болезни и др.) Касса пополнялась за счет единовременных пожертвований, ежегодных добровольных взносов членов-благотворителей и ежегодных отчислений остатка денежных сумм объединения по усмотрению общего собрания. Помощь кассы заключалась в выдаче единовременных и постоянных пособий, в обеспечении неимущих одеждой, в определении престарелых больных и инвалидов в богадельни, в устройстве детей и сирот в учебные заведения.

Для посещения общественного собрания устанавливались строгие правила: члены имели право бесплатного входа во все дни работы собрания; на балы и танцевальные (семейные) вечера могли бесплатно приходиться и женщины из семейства членов, за исключением детей; на музыкальные и литературные вечера, а также на драматические представления допускались дети членов старше 12 лет; на маскарады за установленную общим собранием платою членам разрешалось приводить двух дам и т. д. [51].

Отдельное внимание уделялось правилам организации игр (так называемых «коммерческих», разрешенных правительством в отличие от «азартных») и учету платежей по долгам проигравших. Для последнего в общественном собрании имелась специальная долговая книга, ежедневно проверяемая старшинами.

Важным моментом в деятельности общественных собраний был запрет на ведение азартных игр и тех, что не дозволялись правительственным распоряжением (все виды банковской игры, рулетка и т. д.) В этом отношении интересна секретная переписка между канцелярией рязанского губернатора и

Рязанским сыскным отделением о скандале, разразившемся в Егорьевском общественном клубе летом-осенью 1914 г. В ответ на приказ губернатора провести расследование на основании поступивших к нему сведений об устройстве в Егорьевском клубе запрещенных азартных игр [52] начальник Рязанского сыска доложил следующее: «Мною... было произведено негласное дознание чрез расспросы жителей города Егорьевска... которые объяснили мне, что в Общественном клубе весьма часто, почти каждый день, производились азартные игры в карты, преимущественно в игру «Трынка», и иногда игра эта принимала весьма широкие размеры, проигрывались целые сотни рублей за один присест...» [53]. Далее следовало перечисление лиц (в основном купцов), потерявших на игре большие суммы денег и вынужденных в результате свернуть свои торговые дела, а также сообщалось: «Во всех крупных азартных играх принимал участие сам городской голова Федор Пантелеевич Хренов, последний, вместе с директором Общественного Банка Василием Васильевичем Хреновым и считаются устроителями этой азартной игры в клубе, а равно и других беспорядков, как-то допущения пьянства, хулиганства до драк включительно» [54]. Доклад содержал подробный рассказ о происходивших в клубе бесчинствах, допуске к играм в клубе «лиц всякого пошиба» и низком поведении самого городского головы, игравшем в карты с «известным пьяницей» портным Панкратовым. По свидетельству жителей города, многие члены Егорьевского общественного клуба не раз порывались выйти из его состава, но из-за отсутствия другого досугового заведения, вынуждены были смириться с существующими в клубе порядками. В заключении начальник Рязанского сыскного отделения указывал на необходимость проведения дополнительного негласного расследования. К сожалению, неизвестно чем закончилось это дело, однако подобные документы дают представление о контингенте и нравах, царивших в некоторых общественных собраниях. Кроме того, данный факт подчеркивал отличие развлекательных организаций от творческих объединений просветительной направленности.

Еще одной группой объединений в сфере досуга были общества устройства народных развлечений. По своей целевой направленности, социальному охвату и принципам работы эти организации были очень похожи на общества трезвости и учреждаемые ими так называемые «народные дома» (см. раздел «Просветительные, научные и здравоохранительные общества Рязанской губернии»). Однако в отличие от последних общества народных развлечений создавались не по рекомендации из центра, а по почину местных общественных сил. Во главе этих объединений стояли представители интеллигенции, ориентированные на просветительную деятельность в рабочей среде.

20 января 1898 г. был зарегистрирован устав Рязанского общества устройства народных развлечений, 25 февраля того же года прошло первое собрание его членов, а 14 мая объединение отпраздновало свое официальное открытие [55].

Своей целью новое общество определило: «содействовать доставлению рабочему населению промышленных заведений г. Рязани и пригородных слобод нравственных, трезвых и дешевых развлечений» [56]. При этом в уставе подчеркивалось, что общество «отнюдь не преследует целей коммерческих и стремится к удешевлению и большей доступности устраиваемых им для местного населения развлечений» [57].

В общество принималось неограниченное число лиц обоего пола. Помимо частных лиц, членами объединения могли быть торговые и промышленные предприятия и общественные учреждения, участвовавшие в собраниях через своих представителей. В состав не допускались: 1) несовершеннолетние, 2) учащиеся в учебных заведениях, 3) ограниченные в правах по суду, 4) владельцы питейных заведений и трактиров, 5) состоящие на действительной военной службе нижние чины и юнкера. Существовало три категории членов — действительные (учредители и лица, выбранные на общем собрании из числа соревнователей по рекомендации действительного члена), соревнователи (вступавшие в состав после утверждения устава) и почетные (сделавшие крупные

пожертвования или оказавшие особые услуги обществу). Ежегодный членский взнос составлял 3 рубля.

При открытии общества в его составе насчитывался 141 член [58]. По свидетельству местной прессы, «на первых порах общество встретило полное сочувствие к своей деятельности среди рязанской и иногородней интеллигенции» [59], и к концу первого года количество участников возросло до 202 человек [60].

Стоит отметить, что история возникновения общества началась еще в середине 90-х гг. XIX в., когда при депо Рязанско-Уральской железной дороги и при заводе Рязанского товарищества сельскохозяйственных орудий и машин начали устраиваться развлечения для местных рабочих. Со временем по инициативе Я. Л. Ландау было решено основать специальное общество по примеру Невского и Выборгского для более широкой рабочей аудитории.

Руководящими органами общества были общие собрания и Комитет. Председателем нового объединения стал рязанский городской голова Владимир Степанович Буймистров. В состав Комитета общества в разное время входили известные общественные деятели Рязани, представители органов местной власти, члены купеческих и дворянских семей, интеллигенция: И. А. Антонов, Д. П. Балашов, С. С. Жилкин, В. Г. Мартынов, барон Н. В. Остен-Дризен, баронесса Р. Г. Остен-Дризен, А. Е. Флеров и др. Активное участие в деятельности общества, особенно на начальном этапе, принимал рязанский губернатор Николай Семенович Брянчанинов. Именно он открывал первое собрание новой организации [61].

С самого начала работы общества, его руководство столкнулось с необходимостью поиска мест для проведения культурных мероприятий, так как используемое для этих целей депо Рязанско-Уральской железной дороги не отвечало всем новым задачам объединения. Однако по данному вопросу сразу возникли споры между участниками общества: одни выступали за покупку помещений в центре города, другие настаивали на приобретении таковых на окраине, где проживало около 3000 рабочих. В результате стороны пришли к компромиссу: в бесплатную аренду (до 12 лет) обществу был предоставлен сад

Рязанского губернского земства в центре города, а располагавшийся там летний театр Самарина был выкуплен у его хозяина, и, кроме того, были открыты театры на окраинах города (в Троицкой и Ново-Александровской слободе) [62].

В первый же год (1898) общество организовало 17 народных гуляний, в программу развлечений на которых входили: спектакли, выступления хора и оркестра, танцы на открытом воздухе, катание на качелях, состязания на призы и пр. Гулянья устраивались в депо Рязанско-Уральской железной дороги, а также в саду губернского земства. Спектакли ставились любителями драматического искусства во главе с бароном Н. В. Остен-Дризенем и С. Д. Казиным в саду при депо Рязанско-Уральской железной дороги, в городском театре и в летнем театре Самарина. Репертуар спектаклей в основном состоял из пьес А. Н. Островского («Доходное место», «Тяжелые дни», «Без вины виноватые» и др.) [63].

В дальнейшем деятельность общества все больше расширялась. Для усиления его средств устраивались концерты с привлечением артистов Московских Императорских театров — первый из них прошел в январе 1899 г. в зале Благородного собрания. А в феврале в депо Рязанско-Уральской железной дороги состоялся сеанс кинематографа с буфетом и танцами в антракте, на котором присутствовало около 500 человек [64].

Помимо гуляний по праздникам и воскресным дням, общество организовывало торжества, посвященные памятным датам и юбилеям знаменитых людей. Так, в мае 1899 г. общество приняло участие в праздновании 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Специально созданной в рамках объединения комиссией была подготовлена программа чествования поэта, и выделены средства на проведение мероприятий. Торжества проходили 23, 27 и 30 мая в саду Ново-Александровской слободы и в городе. По случаю праздника сад был декорирован флагами и гирляндами зелени, в нескольких местах были размещены бюсты и портреты поэта. Вечером работала иллюминация, устраивались фейерверки. Желаящие могли приобрести памятные жетоны и брошюры о Пушкине. Учащимся сельских школ было выделено 50 бесплатных входных билетов [65].

В зимнее время обществом были обустроены катки и снеговые горы в центре города и на окраинах. На катках, освещавшихся множеством электрических фонарей, играл оркестр духовой музыки. Плата за вход составляла от 5 коп. до 15 коп. Кроме того, в депо Рязанско-Уральской железной дороги устраивались спектакли (с тем же репертуаром, что и летом) и танцы, работали буфеты и закусовые.

В 1900 г. были открыты две чайные общества с читальнями — в центре города и около вокзала Московско-Казанской железной дороги. Для читален (с разрешения властей) выписывались периодические издания: «Новое время», «Курьер», «Новости дня», «Биржевые ведомости», «Будильник», «Стрекоза», «Юный читатель», «Нива», «Общедоступный техник» и др. [66]

Другой развлекательно-просветительной инициативой объединения стало устройство лекций профессора П. Г. Виноградова на тему «Накануне нового столетия» и литературно-музыкальных вечеров, посвященных памяти русских поэтов — Кольцова, Никитина, Сурикова и Шевченко. В знак благодарности профессору Виноградову было присвоено звание пожизненного члена общества [67].

Еще одним направлением деятельности Общества народных развлечений было благотворительное — например, оно устраивало концерты и спектакли в пользу Вспомогательного общества приказчиков, Вольно-Пожарного общества и др. [68].

А летом 1900 г. обществом были открыты первые в Рязани детские игровые площадки: одна — около здания окружного суда в центре города, вторая — около летнего сада в Троицкой слободе. Для руководства играми с курсов Петербургского общества содействия физическому воспитанию по рекомендации профессора П. С. Лесгафта была приглашена Е. Г. Вычегжанина (с жалованьем 30 руб. в месяц и оплатой жилья). За первый летний сезон работы площадок их посетило более 3000 детей: 2579 детей — городскую, 1013 детей — в слободе. Для детей устраивались игры в мяч, лапту, экскурсии и др. [69]. В последующие годы традиция устройства летних детских площадок была продолжена [70].

С каждым годом росло число участников публичных мероприятий общества. Так, за весь летний период 1898 г. гулянья посетило 7333 человека [71], летом 1899 г. — 27681 человек [72]; летом 1900 г. — 32227 человек [73].

Всего же за первые три года деятельности объединению удалось устроить 116 спектаклей (из них 75 с гуляньями), 2 концерта, 2 кинематографических сеанса, 2 лекции. На всех этих развлечениях, а также в чайных общества и на детских площадках побывало свыше 125000 человек [74]. Таким образом, приводимые цифры служат наглядным доказательством быстро растущей популярности общества.

Еще одним свидетельством успеха и полезности дела объединения были многочисленные отзывы фабрикантов и купцов об уменьшении пьянства среди рабочих и сокращении количества прогулов со времени открытия общества [75].

Положительные оценки самих посетителей развлечений (они были отражены в специальных опросных листах, распространяемых членами общества во время гуляний) также подтверждали высокую востребованность предоставляемых новым объединением услуг. Вот, например, описания своего досуга железнодорожными служащими (до открытия гуляний): «Время проводилось раньше очень скучно: гуляли по Астраханской улице, изредка бывали у знакомых, а больше всего проводили время в портерных и трактирах», «В кабачке просиживал», «Всегда я пьяный был по праздникам и на Астраханской мостовые убивал...» [76]. А здесь отзывы о посещении театров общества: «Нравилась комедии Островского, а также некоторые водевили: «Приличие», «Волшебный вальс», «Виц-мундир»... Нравилась они потому, что сюжеты веселые и возбуждают смех», «Нравилась: «Гроза», «Ванька-ключник» — по костюмам и ролям» [77].

Заслуги общества отражались на страницах местных и центральных печатных органов — «Рязанский листок», «Русские ведомости», «Курьер», «Русская мысль», «Театр и искусство» и др.

В целом успешной была и финансовая деятельность Общества народных развлечений. Оно являлось одной из наиболее обеспеченных добровольных

организаций губернии, а ежегодные денежные обороты объединения достигали нескольких тысяч рублей. Средства общества складывались из членских взносов, пожертвований и из входной платы на устраиваемые обществом увеселения. Так, в 1901 г. общий приход объединения составил 14064 руб. 1 коп. (600 руб. — пожертвования, 318 руб. — членские взносы, 5277 руб. 65 коп. — доход от спектаклей и гуляний летнего сезона, 753 руб. 68 коп. — прибыль от буфетов, 1696 руб. 64 коп. — доход от спектаклей и гуляний зимнего сезона, 177 руб. 80 коп. — доход от лекций, 876 руб. 50 коп. — доход от концерта, 2024 руб. 54 коп. — выручка от чайной и т. д.), общий расход — 13698 руб. 53 коп. (468 руб. 53 коп. — траты на устройство детских площадок, 2965 руб. 66 коп. — расходы на устройство чайной, 1018 руб. 86 коп. — расходы на страхование имущества и административно-хозяйственные нужды, 4366 руб. 65 коп. — расходы на спектакли и гулянья летнего сезона, 2471 руб. 5 коп. — расходы на спектакли и устройство театра в зимний сезон, 72 руб. 90 коп. — расход на устройство лекций, 329 руб. 37 коп. — расход по концерту, расход по чайной — 2005 руб. 51 коп.) [78].

О деятельности общества после 1902 г. почти не осталось сведений, но, предположительно, оно действовало вплоть до 1917 г.

А в феврале 1907 г. в Рязани был открыт Рязанский кружок устройства общедоступных развлечений, устав которого являлся почти точной копией устава Рязанского общества народных развлечений. Разница заключалась лишь в отсутствии замечания об ориентированности создаваемого объединения на рабочую аудиторию, а заявленной целью было: «содействовать доставлению населению города Рязани и пригородных слобод общедоступных развлечений» [79]. Однако несмотря на более широкий (по сравнению с Обществом народных развлечений) социальный охват, масштабы деятельности кружка были значительно скромнее.

Данное объединение (во главе с правлением из 7 человек) тоже занималось устройством библиотек и читален, гуляний, чтений, концертов, спектаклей,

танцевальных вечеров и различных игр (шашки, шахматы, кегли бильярд). Ежегодный членский взнос составлял 2 рубля.

К сожалению, из-за отрывочности данных подробно проследить деятельность кружка не представляется возможным. В региональном архиве сохранились сведения о первых шагах объединения — организации читальни в апреле 1907 г. Заведующим этим начинанием был помощник председателя кружка Н. Н. Мартынов. Помимо чтения газет и журналов, посетителям предоставлялась возможность сыграть здесь в шашки или шахматы [80].

Почти одновременно с кружком в Рязани создается еще одно объединение, занимавшееся организацией досуга — Комиссия по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани. Она была создана по инициативе родительского комитета при 1-й Рязанской гимназии и при содействии городского управления в марте 1907 г. Таким образом, объединение относилось к добровольным объединениям со смешанной формой управления (полуадминистративное—полуобщественное). Председатель правления комиссии утверждался городской думой. Кроме того, комиссия получала денежное пособие от городских властей, а также пользовалась их поддержкой в поиске места для устройства игровых площадок и катков.

Председателем комиссии был избран инспектор Первой Рязанской гимназии А. С. Владимирский, а первоначальный членский состав включал 43 представителя местной светской и духовной интеллигенции (директора и преподаватели рязанских учебных заведений, научные деятели, меценаты): Н. Н. Зелятров, Н. Н. Малашкин, И. И. Проходцов, В. И. Радушкевич, В. К. Ларионов, Д. Д. Солодовников, В. П. Екимецкая, А. В. Елагин, В. В. Шульгин и др. [81]

Первое заседание Комиссии состоялось 21 августа 1907 года. На нем были образованы три подкомиссии: 1) по устройству развлечений в закрытых помещениях; 2) по устройству развлечений на открытом воздухе; 3) театральная.

При организации мероприятий Комиссия старалась учитывать интересы разных детских возрастных групп. Для младшей и средней группы ребят в залах

городской управы и Всесловного собрания устраивались чтения с «волшебным фонарем», пение, подвижные игры, драматические представления, сеансы кинематографа и др.

Для старшей группы в залах Благородного и Всесловного собраний проводились литературно-музыкальные утренники, в которых принимали участие учащиеся со своими преподавателями и члены Комиссии. Например, устраивались утренники, посвященные памяти М. И. Глинки, Н. В. Гоголя, Я. П. Полонского, А. П. Чехова. Для исполнения хоровых произведений был организован хор из учащихся разных учебных заведений, включавший иногда до 200 человек.

На Рождество при рязанских приходских училищах проводились «елки». А на катках, организованных Комиссией, бесплатно катались учащиеся городских училищ [82].

С мая 1908 г. в течение летнего сезона действовали игровые площадки в Рюминой роще, на Пушкинском бульваре и в городском саду. На площадках работали руководители, которые направляли весь игровой процесс (объясняли правила игры и следили за их соблюдением). В промежутках между играми устраивалось чтение рассказов, сказок и басен, отгадывание шарад и загадок, заучивание наизусть стихотворений и мелодии и т. д. Площадки посещались юными рязанцами в возрасте от 3 до 20 лет.

Для малышей насыпались песочницы и раздавались всевозможные формочки. Ребята постарше участвовали в играх вместе с воспитателями. Дети старшего возраста играли самостоятельно, изредка прибегая к помощи и советам руководителя. Со временем Комиссия старалась все больше развивать это направление своей деятельности.

Вот что о популярности детских площадок говорили сами воспитатели в своих отчетах: «Игры интересовали детей в высшей степени. Так, в теплые праздничные дни на Рюминской площадке было более 600 человек детей... И нужно заметить, что играми дети очень увлекались. Наряду с детьми увлекались и

взрослые, которые по целым часам стояли, наблюдая за своими детьми и, видимо, переживали счастливые минуты...» [83].

Большое внимание также уделялось организации для детей загородных экскурсий, прогулок, катания на лодках. Например, программа этих мероприятий лета 1911 г. выглядела следующим образом: 31 мая — экскурсия в Горки, 18 июня — прогулка в Дягилево, 1 июля — прогулка на Оку, 7 июля — работа на сенокосе, 9 июля — катание на лодках, 14 и 15 июля — экскурсия в Солотчу, 22 июля — катание на лодках, 4 августа — посещение Дашковского завода, 9 августа — поездка на спектакль [84].

По окончании экскурсий дети писали сочинения, обменивались впечатлениями — это тоже был один из важных моментов учебно-воспитательной деятельности Комиссии. Приведем в качестве примера отзывы о загородном путешествии одного из ребят, ученика 4 класса ремесленного училища Малашкина: «Поездка в Горки, которую мы совершили под руководством Александра Васильевича Чернышева, останется для меня лучшим воспоминанием моего детства... Эта поездка произвела очень хорошее впечатление на всех мальчиков и девочек, и настроение было веселое и радостное» [85].

В финансовом отношении положение Комиссии было преимущественно стабильным, хотя она не обладала большими денежными капиталами и в основном функционировала как благотворительное объединение — на пожертвования и субсидии. Материальную поддержку Комиссии оказывали как частные лица, так и общественные организации. Благородное собрание бесплатно предоставляло для проведения детских праздников свое помещение, а также жертвовало Комиссии денежные средства. Всесословное собрание устраивало для учеников городских школ бесплатные сеансы кинематографа. Помощь поступала и от Рязанского литературно-художественного кружка, частной гимназии Н. Н. Зелятрова и др. Регулярные субсидии выделяли городские власти: в 1907 г. — 500 руб., 1908 г. — 500 руб., 1909 г. — 790 руб., 1910 г. — 797 руб. [86].

Таким образом, взаимовыручка общественных объединений в сочетании с поддержкой органов местного управления позволяли многим добровольным

обществам эффективно функционировать на протяжении долгого времени, давали дополнительные импульсы для развития.

Еще одной тенденцией эпохи модернизации стало массовое увлечение жителей губернии физкультурой и спортом, которое вылилось в повсеместное возникновение спортивных объединений и секций. В марте 1890 г. рязанцами было подано прошение губернатору об утверждении устава Рязанского клуба велосипедистов [87]. Одним из главных организаторов нового объединения был отставной поручик барон Константин Павлович Тизенгаузен.

Необходимо заметить, что данный вид спорта стал особенно популярен в рассматриваемый период. Им увлекались в основном представители высших кругов — носители графских титулов, князья, бароны, в среде которых существовала определенная мода на двухколесное средство передвижения, а главное, именно они могли себе его позволить (велосипед в то время стоил около 300–400 рублей). В конце XIX в. по всей России появляются велосипедные общества и кружки, устраивавшие велогонки, совместные дальние поездки и клубные вечера. Причем данные объединения, в силу аристократического происхождения их учредителей, пользовались благосклонностью и даже уважением со стороны властей.

В утвержденном в июле 1890 г. уставе было записано, что «клуб имеет целью распространение велосипеда как удобного, приятного и практичного способа передвижения, а также служит центром сближения» [88]. Действительными членами могли стать совершеннолетние, умеющие ездить на велосипеде и владеющие этим видом транспорта. В члены-соревнователи (обладали правом совещательного участия в общих собраниях) принимались все «сочувствующие целям» клуба, а для попадания в разряд почетных необходимо было оказать «особые услуги» объединению.

Руководящими органами клуба были общие собрания и комитет. Их работу направлял председатель, который мог избираться из представителей любой категории членов. Он назначал дни заседаний, нанимал обслуживающий персонал, проверял отчетность казначея, осуществлял связь с организациями и

частными лицами за пределами клуба и т. д. Его первым заместителем и помощником был капитан (только из числа действительных членов). В обязанности последнего входило непосредственное руководство членами клуба во время проведения совместных велосипедных мероприятий — прогулок и экскурсий, а также представительство во всех технических вопросах. Капитан также замещал председателя в случае отсутствия последнего на общих собраниях.

Комитет клуба, в который входили председатель, капитан, помощник капитана, казначей и секретарь (и при необходимости ещё 1–3 действительных члена), исполнял решения общих собраний, заведовал хозяйственными делами и имуществом, составлял финансовые отчеты, нанимал специалистов по отдельным видам спорта (по гимнастике, верховой и велосипедной езде и др.), разрешал споры между членами и т. д. На общих собраниях производились выборы комитета и ревизионной комиссии, принимались новые члены и исключались нарушившие правила, определялся размер членского взноса, утверждались денежные сметы и отчеты комитета и др. [89].

В 1892 г. число членов велообъединения составило 55 человек (10 действительных и 45 соревнователей), а размер членского взноса равнялся 10 руб. [90]. Оба эти факта — немногочисленность и немалый членский взнос еще раз подтверждали аристократичность и закрытый характер объединения.

Начало XX века стало периодом упадка для большинства велосипедных обществ и кружков Российской империи. Увлечение двухколесным транспортом постепенно сменялось возрастающим интересом к автомобилям. Однако спортивные сообщества (общего характера и специализирующиеся на определенном виде спорта) продолжали вновь появляться на территории губернии (преимущественно в городах).

Так, в 1912 г. по инициативе того же барона Тизенгаузена возникло Рязанское спортивное общество, которое частично использовало материальную базу закрывшегося велоклуба. На первом собрании учредителей (всего 25 человек), состоявшемся 23 сентября 1912 г. в помещении Всесословного собрания, были проведены выборы руководства: председатель — барон

Тизенгаузен, его помощник Н. А. Правдолюбов, начальник-руководитель общества — Н. И. Тихомиров и др. В состав совета вошли 10 человек. Почетными членами были избраны рязанский губернатор князь А. Н. Оболенский и вице-губернатор В. А. Колобов. Кроме того, был определен размер ежегодного взноса для действительных членов — 5 рублей (допускалась рассрочка уплаты), и утверждена эмблема общества — изображение Геркулеса, опирающегося на палицу, а бывшее общество велосипедистов передало новой организации свои денежные средства, оставшиеся после ликвидации. В этом же заседании была произведена предварительная подписка (сбор средств) для устройства циклодрома и площадки для игр, давшая 130 руб. [91].

Желавших записаться в спортивное объединение было много — около 300 человек. Поэтому руководством было принято решение разбить членский состав на три отдела. В первый отдел входили те, кто занимался гимнастикой, атлетикой, фехтованием, боксом и борьбой; во второй — лыжники, конькобежцы и велосипедисты; в третий — поклонники гребного спорта, плавания и рыбной ловли. Каждый участник общества избирал отдел по своему усмотрению, но если он хотел одновременно посещать и другие отделы, то для этого должен был приплачивать к членскому взносу еще 2 рубля.

По сравнению с Рязанским велоклубом спортивное общество было более демократичным объединением. Об этом свидетельствует описание будущих участников общества, собравшихся в зале Всесословного собрания накануне открытия новой организации — педагоги средних и низших учебных заведений, чиновники, студенты, купцы, торговые служащие и др. [92].

Средства объединения составлялись в основном из членских взносов, пожертвований и дохода от мероприятий. Материально-техническую помощь новому обществу оказывали и другие рязанские общественные учреждения и организации. Так, в помещении Всесословного собрания устраивались спектакли, деньги от которых шли в пользу спортивного объединения, а Н. Н. Зелятров предоставлял рязанским спортсменам помещения для вечерних гимнастических упражнений в здании своей гимназии [93]. За первые три месяца существования

общества (с момента открытия до 1 января 1913 г.) общий приход составил 1829 руб. 43 коп., расход — 1400 руб. 80 коп. [94], что говорит о довольно успешном финансовом старте нового объединения.

Уже на первом этапе существования общества его руководство приступило к организации классов для занятий по гимнастике, фехтованию, атлетике и борьбе (с этой целью было арендовано помещение на Николо-Дворянской улице), а также устройству катка в саду трезвости (открыт 28 октября 1912 г.). Кроме того, при обществе был организован шахматный отдел и библиотека-читальня. Общество устраивало соревнования, велосипедно-моторные гонки, спортивные игры, лекции по физической культуре [95].

Мы видим, что Рязанское спортивное общество в своей деятельности сочетало развлекательную и просветительную функции, что соответствовало характеристике этих общественных организаций, данной в свое время В. И. Чарнолуским: «Гимнастические и спортивные общества представляются одной из легчайших форм широкого общественного объединения, которая допускает какую угодно дальнейшую дифференцировку» [96].

Кроме того, по сведениям источников рязанского госархива, с 1911 г. на территории губернии в рассматриваемый период действовало Егорьевское гимнастическое общество «Сокол» (с 1911 г.), являвшееся, как и другие многочисленные российские отделения этого направления, результатом заимствования западноевропейской традиции [97]. А 6 июня 1914 г. губернатору было подано заявление о регистрации Рязанского шахматного кружка [98].

Таким образом, разнообразие добровольных объединений в сфере искусства и досуга отвечало широкому кругу потребностей и интересов различных слоев населения губернии. Участие рязанцев в подобных обществах способствовало реализации их творческого потенциала, расширению культурного кругозора и приятному совместному времяпрепровождению. В то же время в деятельности творческих и досуговых организаций губернии отразились новые черты времени: внесловная кооперация жителей губернии на основе общности культурных интересов и мировоззрения, художественного вкуса и спортивного азарта;

сочетание развлекательной функции с просветительной; усиление внимания к внешкольному образованию и организации отдыха детей, демократизация искусства.

Заключение

Эпоха модернизации конца XIX – начала XX в. ознаменовалась беспрецедентным общественным подъемом в Российской империи. Параллельно с распространением революционного движения и подпольных форм социальной борьбы в стране появилось огромное число легальных неполитических организаций в различных сферах жизни российского общества (культуре, науке, благотворительности), осуществлявших альтернативный (эволюционный) путь общественного развития. Однако процесс учреждения этих объединений, как в столице, так и в Рязанской губернии, был довольно трудным. Прежде всего это было связано с жестким правительственным контролем за созданием и деятельностью добровольных обществ и анахроничным законодательством в отношении последних. В соответствии с трансформацией нормативно-правовой базы можно выделить несколько этапов развития общественной самодеятельности, одинаковых для Рязанской губернии и России в целом.

Первый импульс массовому появлению неполитических объединений в столичных городах и на периферии дали либеральные реформы 60–80-х гг. XIX в., когда был относительно облегчен процесс учреждения общественных организаций, и право утверждения их уставов постепенно перешло от императора к министрам (прежде всего министру внутренних дел). К этому времени относится появление таких старейших общественных организаций губернии как Благотворительное общество г. Рязани (1864 г.), Общество рязанских врачей (1874 г.), Зарайское (1876 г.) и Раненбургское (с 1879 г.) общества для пособия бедным, Общество для пособия учащим Рязанской губернии (1882 г.) и т. д.

Второй период (90-е гг. XIX в. – 1905 г.) – время модернизации законодательной базы общественной самодеятельности и введения так называемых «нормальных» уставов (на основании Положения 1897 г.) для различных типов добровольных легальных объединений, делегирование права их открытия губернаторам. Новые меры правительства, с одной стороны, способствовали дальнейшему развитию деятельности неполитических общественных организаций, а с другой — ставили учредителей в еще большую

зависимость от местной власти. По сути, это была попытка создания «контролируемой» общественной инициативы. Тем не менее именно в этот период в Рязанской губернии возникает наибольшее количество частных обществ, охватывавших практически все области жизни рязанцев.

Третий период активного возникновения неполитических общественных организаций (1905–1914 гг.) пришелся на время постепенной либерализации правового режима и перехода значительной части революционно настроенной общественности от нелегальных форм борьбы к парламентским. Важным моментом в развитии законодательства о добровольных объединениях этого времени стало издание «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г., в соответствии с которыми на местах учреждались специальные органы – присутствия по делам об обществах и союзах, а общественные организации получали право создаваться «без испрошения на то разрешения правительства». «Временные правила», ставшие первым общим законом о частных обществах, юридически обосновали понятие добровольной организации и конкретизировали ее права. Но, несмотря на декларированные свободы, разрешение открытия обществ осталось прерогативой губернатора, а изложенные в новом законе положения на практике ограничили независимость неполитических объединений. Вместе с тем общественная динамика привела к значительному возрастанию количества добровольных объединений в Рязанской губернии к концу рассматриваемого периода.

Помимо контроля со стороны рязанской администрации и юридических трудностей развитию деятельности общественных организаций часто мешали финансовые проблемы. Большинство рязанских добровольных обществ испытывали нехватку средств, составлявшихся преимущественно из членских взносов и разного рода пожертвований. Поэтому руководители объединений вынуждены были постоянно искать дополнительные статьи дохода – лотереи, спектакли, лекции и т. д. Самые крупные денежные обороты были у благотворительных организаций, получавших значительные пожертвования от частных лиц и органов местного самоуправления (городских дум, земств и т. д.), а

также у различных обществ организации культурного досуга, зарабатывавших средства на массовых увеселительных мероприятиях. Наименее обеспеченными были творческие объединения (музыкальные и драматические кружки), чьи расходы нередко превышали доходы.

В количественном отношении рязанские добровольные объединения были неоднородны. Число членов варьировалось от нескольких десятков до нескольких сотен, но в среднем редко превышало 100-200 человек. Качественный состав рязанских общественных организаций отражал модернизационные процессы, происходившие в российском обществе рубежа XIX—XX вв. — постепенное размывание сословий и возрастание общественной роли женщин. Первое выражалось в социальном разнообразии состава участников рязанских объединений, второе — в активном вовлечении слабого пола в деятельность добровольных обществ, как в качестве рядовых членов, так и в роли учредителей и председателей правлений. Отличительной чертой эпохи эмансипации также стало появление в губернии чисто женских объединений, например Рязанского Дамского благотворительного кружка, Рязанского общества взаимопомощи женщин и т. д.

Несмотря на численные и социальные различия в составе, главной движущей силой большинства рязанских добровольных объединений являлись представители интеллигенции (светской и духовной). Особенно важную роль они играли в научно-просветительных и творческих организациях, где их знания могли быть наиболее плодотворно использованы. Преобладали они и в благотворительных организациях сферы образования — обществах помощи педагогам и учащимся. Из других активных социальных категорий следует отметить купцов и дворян — наиболее материально обеспеченные слои рязанского общества. Они были основными участниками филантропических и попечительных объединений, оказывавших помощь неимущим.

Масштабы деятельности объединений и особенности их географического размещения зависели от количества образованных людей в данной местности, определенного уровня развития культуры и материального благополучия

населения. Поэтому наибольшее число добровольных объединений в конце XIX – начале XX в. возникало в «новых» торговых, культурных и промышленных центрах губернии — Егорьевске, Касимове. Менее активно процесс создания общественных организаций шел в районах, утративших к этому времени свое экономическое и стратегическое значение – Данкове, Пронске. Особое влияние на развитие общественной инициативы оказывала близость Рязанской губернии к столичному городу, что выражалось в появлении в регионе отделений центральных обществ. В свою очередь деятельность некоторых рязанских объединений могла распространяться на территорию всей губернии – например, Рязанское общество вспомоществования учащим в народных училищах имело свой филиал в каждом уезде, но подавляющее число общественных организаций действовало лишь в рамках небольшой местности (как правило, города или уезда).

Торгово-земледельческий характер хозяйства Рязанской губернии в значительной степени определил целевую направленность местных добровольных обществ. Наибольшее распространение здесь получили благотворительные и попечительские объединения, организации взаимопомощи. Просветительные, научные и творческие объединения были малочисленны и в основном располагались в фабрично-заводских районах (Рязанском, Егорьевском, Касимовском, Зарайском уездах), где концентрировалось значительное количество грамотных людей. Исключение составляли лишь повсеместно распространенные сельскохозяйственные общества с узкоспециализированной просветительной функцией.

Кроме того, по сравнению со столичными объединениями для рязанских неполитических организаций была характерна значительная полифункциональность, менее масштабные цели, большая опора на органы местного управления (прежде всего в финансовом отношении) и в отдельных случаях некоторая «вторичность» по отношению к центральным обществам.

Деятельность рязанских добровольных обществ шла по двум основным линиям: внутренняя организационная (управление членами и делами

объединения) и публичная (коммуникация с местным населением). Соотношение этих двух направлений в рязанских организациях было различным и определялось целями и задачами общества. Но большинство общественных организаций все-таки стремились к широкой популяризации своего дела. Однако население губернии нередко проявляло индифферентность к работе объединений, особенно творческих и научных. Основной интерес у рязанцев вызывали мероприятия досуговых обществ и их учреждений — народных домов, спортивных секций и т. д.

Другие векторы внешнего взаимодействия добровольных объединений — контакты с органами местной власти и самоуправления, а также с общественными объединениями Рязанской губернии (организация совместных мероприятий, материальная взаимопомощь). В этих случаях сотрудничество осуществлялось в основном на уровне правлений, выполнявших представительские функции.

Непростой задачей для руководителей рязанских объединений было привлечение в их состав новых участников. Наиболее удачно процесс увеличения числа членов происходил на начальном этапе существования организации — на волне интереса общественности к новому предприятию. Со временем реализовывать эту идею становилось все труднее, а в большинстве случаев общество лишалось части своего состава. Отличавшиеся значительной общественной пассивностью рязанцы неохотно принимали участие в добровольных проектах. Ограниченность социальной базы приводила к совмещению членства в различных обществах наиболее активными и социально ответственными представителями рязанской интеллигенции. Такие имена, как И. А. Антонов, братья Н. В. и Г. В. Шульгины, С. А. Сливков, Н. Д. Малашкин, И. В. Селиванов встречались в списках участников сразу нескольких региональных объединений.

Особую роль в судьбе рязанских общественных организаций сыграли личные качества рязанских губернаторов и других представителей местной власти. Следует учитывать, что этот уровень общества также не был однороден по своим мировоззренческим идеалам и политическим взглядам — среди высоких

чинов губернии встречались как консерваторы-монархисты, так и либералы. Поэтому не случайно то, что многие из губернских начальников вполне благосклонно относились к деятельности добровольных объединений и даже оказывали им поддержку. Это касалось, прежде всего, благотворительных организаций — наименее опасных в политическом отношении. Примеры либерально настроенных руководителей: рязанский губернатор Николай Семенович Брянчанинов — крупный благотворитель и председатель многих местных общественных организаций (именно на период его губернаторства пришелся расцвет региональной самодеятельной инициативы) и Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин — учредитель Егорьевского благотворительного общества.

Среди отличительных особенностей рязанских добровольных объединений следует также отметить их относительно небольшую политизированность и оппозиционность, довольно мирное сосуществование с органами местной власти, отсутствие между ними крупных конфликтов на политической почве. Это было связано, во-первых, с земледельческим характером хозяйства губернии и преобладанием аполитичного крестьянского населения, а во-вторых, с оттоком значительной части рязанской молодежи, являвшейся носителем революционных идей, в столичные города на учебу или заработки. Свидетельством лояльности большинства рязанских общественных объединений, не носящим, однако, абсолютного характера, служит и тот факт, что лишь одно из них (Рязанское общество взаимопомощи приказчиков) было закрыто властями по политическим мотивам.

Преобладание земледельческого населения и неравномерность развития правосознания у различных групп рязанского социума также было причиной низкого уровня общественной активности основной массы рязанцев. Являвшиеся главными проводниками идеи социально-правовой и культурной модернизации в провинции представители интеллигенции, как правило, оказывались в меньшинстве при осуществлении общественно полезной деятельности. Полученные в результате реформирования государственной системы гражданские

свободы (в том числе свобода объединений) не были востребованы аграрно-ориентированным большинством населения: оно не знало, где и как их применить. Рязанское крестьянство было заинтересовано не столько в абстрактной «гражданской свободе», сколько в конкретных мерах правительства по разделу и передаче земли в собственность сельских тружеников. Поэтому большинство населения губернии оставалось в стороне от общественной самодеятельности: либо было совсем равнодушным, либо относилось к ней с интересом, но предпочитало занимать лишь позицию наблюдателя.

Необходимо также отметить, что создание добровольных самоуправляющихся общественных объединений, проявление независимой инициативы «снизу» (как и многие другие составляющие модернизации) в значительной мере являлось отражением западных традиций, не характерных для патриархального русского общества и потому с трудом приживавшихся на территории Российской империи (особенно в провинции).

Можно сказать, что по характеру деятельности и функциональной направленности рязанские добровольные общественные объединения занимали промежуточное место между земством и политическими организациями, осуществляя при этом компромиссный эволюционный вариант трансформации общества. В целом же появление самодеятельных общественных ассоциаций стало показателем демократизации общественно-политической жизни российского социума в условиях перехода от абсолютной монархии к парламентаризму.

Однако при всех несовершенствах системы общественного самоуправления опыт создания добровольных объединений в Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в. нельзя назвать неудачным. Благодаря деятельности рязанских попечительских и филантропических организаций удалось значительно улучшить материальное положение отдельных малообеспеченных категорий населения и профессиональных групп (учителя, врачи). В рамках творческих объединений многие талантливые рязанцы смогли реализовать свой потенциал и способствовали расширению культурного кругозора жителей края. На новый

уровень была поставлена работа досуговых заведений и спасательных служб. Особенно эффективной была деятельность научно-здравоохранительных организаций: Общества рязанских врачей и Рязанского медицинского общества, заложивших прочную основу для дальнейшего развития теоретических знаний и совершенствования системы здравоохранения в губернии. Бесценный вклад в становление рязанской исторической науки и музейного дела внесла Рязанская ученая архивная комиссия. Успешными и весьма востребованными были усилия сельскохозяйственных объединений в деле распространения специализированных знаний среди крестьянского населения.

Таким образом, несмотря на сравнительно низкий уровень развития добровольной инициативы рязанцев, местная прогрессивная общественность способствовала интеграции провинциального общества в общероссийский процесс социокультурной модернизации, заложила основу для формирования у населения губернии чувства гражданственности и социальной ответственности. А сами рязанские добровольные общественные организации являлись одновременно элементом, инструментом и результатом модернизационных процессов, фундаментом гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Андреевский И. Е. Полицейское право. Выпуск 1–2. СПб., 1870; Плато К. Г. фон. Положения о частных обществах и союзах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Рига, 1903; Чарнолуцкий В. И. Справочная книжка об обществах и союзах. СПб., 1912; Ильинский К. Частные общества. Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената. Рига, 1913; Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М., 1916. С. 15–45.
2. Энциклопедический словарь. Т. XXI а, Спб, 1897. (репринт. воспр. изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона – Т. 42. М., 1992. С. 607–628).
3. Иконников В. С. Губернские ученые архивные комиссии (1884–1890). – Киев, 1892.
4. Нейдинг И. Медицинские общества в России. М., 1897.
5. Данилевский В. Я. Народный дом и его общественно-воспитательное значение. Харьков, 1898; Данилевский В. Я. Народный дом, его задачи и общественное значение. Харьков, 1915.
6. Данилевский В. Я. Народный дом, его задачи и общественное значение. – Харьков, 1915. С. 7.
7. Пузыревский А. И. Императорское русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). СПб., 1909.
8. Диксон К., Кетриц Б. Санкт-Петербургский комитет грамотности. Исторические очерки и воспоминания (1861–1911). СПб., 1911.
9. Максимов Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903.
10. Максимов Е. Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии ее в России. СПб., 1906.
11. Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907.

12. Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896.
13. Чарнолуцкий В. И. Союзы молодежи и общества самообразования. СПб., 1908; Он же. Учительские организации в России. Вып. 1, М., 1908; Он же. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910.
14. Гриневич В. Профессиональное движение рабочих в России. СПб., 1908.
15. Там же. С. 100.
16. Профессиональные учительские организации на Западе и в России: Сборник статей. Петроград, 1915.
17. Веселовский Б. История земства за сорок лет. В 4 Т. СПб., 1909–1911.
18. Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.
19. Елистратов А. И. Очерк административного права. М., 1922.
20. См., напр.: Гудван А. М. Очерки по истории движения служащих в России. Ч. 1. М., 1925; Кочетков А. Н. Русское военно-историческое общество (1907–1914) // Военно-исторический журнал. 1965. № 9. С.94–99.
21. Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; История профсоюзов СССР (1905–1937) Ч. 1. М., 1977.
22. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Ямпольская Ц. А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М., 1972; Щиглик А. И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. М., 1977.
23. Ямпольская Ц. А. О понятии общественной организации в СССР // Вопросы теории и истории общественных организаций. М., 1971. С. 5–39.
24. Дьяков В. А. О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С.275–289.
25. Довженко И. Т. Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение // Историческая география России. XIX – начало XX в. М., 1975. С.207–216.

26. Филиппов Н. Г. Научно-технические общества России (1866–1917 гг.): учебное пособие. М., 1975.
27. Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976.
28. Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С.204–208. Он же. История общественных организаций дореволюционной России: учебн. пособие. М., 1979; Он же. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв.: учебн. пособие по спецкурсу. М., 1980; Он же. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982; Он же. Проблемы изучения общественных институтов дореволюционной России // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР: сборник статей. М., 1983. С. 18–26 и др.
29. Михайлова М. В. Просветительные и педагогические организации дореволюционной России. М., 1993.
30. Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции. Воронеж, 1985; Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991; Мохначева М. П. Русское музыкальное общество. История создания и организационное устройство // Актуальные проблемы истории русской культуры: Сборник научных трудов. М., 1991. С.157–178.
31. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984; Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность: межвуз. сборник. М., 1985.
32. Шумилов М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX века. Л., 1988; Он же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991; Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история, 1993. №1. С. 202–213.

33. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.
34. Там же. С. 63.
35. Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон, 1990; Lindenmeyer Adele. Voluntary Associations and The Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990.
36. Соболева О. Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX–XX вв. (1890–1914 гг.) (на материалах Костромской и Ярославской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993; Андреева Т. А. Общественные организации средних городских слоев Урала (1906–1914) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX веков): сборник статей. Челябинск, 1993. С.36–51; Туманова А. С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в начале XX века (1900–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996; Слепцова Е. П. Культурная жизнь русской провинции в конце XIX – начале XX вв. (на примере Орловской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 1997; Косихина И. Г. Общественно-культурные организации Курской губернии в 60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998; Хаченьян А. Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999; Добрынина А. М. Неполитические общественные организации Владимирской губернии в 1860-х – феврале 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000; Котляр Н. В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004; Любушкина Е. Ю. Общественные организации Ставропольской губернии и Кубанской области в период с 1860-х гг. по октябрь 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири: вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006; Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Медведева Н. М. Социально-сословная структура и

общественные объединения городов Псковской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2009; Касанов А. С. Документы Госархива Кировской области по истории общественных организаций в Вятско-Камском регионе (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Отечественные архивы. 2012, №1. С. 61–67.; Любушкина Е. Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2012; Копинова Н. С. Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв.: формирование и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2013; Касанов А. С. Влияние общественных организаций на социально-экономическую и культурную жизнь Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014 и др.

37. Булгакова Л.А. Неудавшиеся попытки созыва съездов по общественному призрению в начале XX века // Россия в XIX XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С.195–204; Пашенцева С. В. Деятельность женских благотворительных обществ России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Оспищева Л. Е. История благотворительных организаций Кубани: Конец XIX – начало XX века: опыт изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000; Дьячков С. Л. Благотворительные общественные организации российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков: опыт изучения: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005; Ковалева М. Г. Учреждения социального призрения России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006; Федулова А. В. Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2006; Мертенс Е. С. Традиции русской благотворительности и их влияние на развитие региональной культурно-образовательной среды (на примере Смоленской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 3. Часть I. С. 96–98;

Юргина И. Н. О домах трудолюбия и организации трудовой помощи // Народонаселение. М., 2007, № 1. С. 88–95; Гусарова М. Е. Общественное призрение в России в XVIII – начале XX века: региональный аспект // СОТИС. 2007, № 4. С. 68–71; Чистяков О. В. Общество Красного Креста во время Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009, №12. С. 67–69; Дундина Н. А. Образование в России и благотворительность (конец XIX–начало XX века) // Отечественный журнал социальной работы. 2009, № 2. С. 43–49; Штепа А. В. Современная историография благотворительности и общественного призрения в дореволюционной России // СОТИС. 2009, № 1. С. 22–29; Бадя Л. В. Из истории социального призрения и благотворительности в Московском уезде (XIX – начало XX в.) // СОТИС, 2009, № 3. С. 62–78; Литягина А. В. Организация социальной помощи в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2010, № 7. С. 95–102; Власова А. В. Социальная деятельность Русской православной церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Ижевск, 2011; Елина О. Ю. Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е годы: вклад в развитие агрономии (К истории формирования гражданского общества в России XVIII–XX веков) // Вопросы истории, 2011, № 2. С. 27–45; Зубков И. В. Общества взаимопомощи учителей в Российской империи (1890–1920-е гг.) (К истории формирования гражданского общества в России XVIII–XX веков) // Там же. С. 45–69; Иванова Н. А. Смоленское "Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим" в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории, 2011, № 11. С. 144–150; Морозова И. И. Деятельность государственных и общественных организаций Российской империи по созданию системы социальной и медицинской помощи людям, страдающим заболеваниями органов зрения и слуха: на примере Томской губернии второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Гончаров М. А. Специфика организации и управления благотворительными педагогическими учреждениями ведомства императрицы Марии // Наука и школа, 2012, № 3. С. 167–172; Олешкова А. М. Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во

второй половине XIX в. – 1917 г. (на материалах Урала): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2012; Костриков С. С. Общественная деятельность московского купечества в XIX веке: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013; Пономарева В. В. Программа социализации воспитанниц в женских институтах Мариинского ведомства (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 5. С. 12–27; Рафикова Г. Э. Развитие государственного и общественного призрения детей-сирот в XIX – начале XX в. (по материалам г. Казани): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2013; Маханцова Е. В. Роль земства в сфере детского призрения в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. 2014. № 5. С. 137–140; Кардаильская Д. А. Попечительницы народных училищ в пореформенной России // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015, № 1. С. 52–57; Захарова Е. В. Женские учебные заведения в Забайкалье в 1860– начале 1880-х гг.: источники финансирования // Власть. 2015, № 9. С. 154–158; Маханцова Е. В. Деятельность Российского общества Красного Креста во время неурожаев в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX в. // Власть. 2015. № 11. С. 193–197 и др.

38. Чепелева И. Д. Участие научно-краеведческих обществ в общественно-политической жизни России в конце XIX – начале XX веков: На материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1993; Харитоновна С. В. Библиотеки просветительных обществ российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Поволжья): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2004; Четверикова Е. В. Просветительные общества на Юге России в конце XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя, Дона и Кубани: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005; Вечтомова Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX – XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006; Масло О. А. Становление и деятельность научных обществ на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв.: 1884–1917: автореф. дис. ... канд. ист. наук.

Хабаровск, 2007; Малинов А. В. История Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского (1916–1923): К 100-летию со дня основания // СОЦИС. 2016, № 5. С. 141–145 и др.

39. Лысенко Л. И. Социокультурная деятельность местного самоуправления и независимых общественных объединений в г. Таганроге в конце XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2006; Розенталь И. С. Из истории клубов в России // Преподавание истории и обществознания в школе. 2006. № 1. С. 3–11; Он же. И вот общественное мнение!: Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – нач. XX в. М., 2007; Рябцева О. В. К вопросу о субъекте российской провинциальной культуры конца XIX – начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 1. С. 48–50; Васильева Е. И. Интеллигенция малых городов России как социокультурный феномен: конец XIX – первая треть XX в. (на материалах города Рыбинска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; Ищенко О. В. Студенческая и учащая молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Омск, 2011; Капранова Е. Г. Культурно-просветительная деятельность обществ и частных лиц в Нижегородской губернии (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011; Паликова Т. В. Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Улан-Удэ, 2011; Андриец Г. А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012; Гусева Т. М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Самара, 2012; Сазонова Е. А. Союз взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе // Преподавание истории в школе. 2013, № 1. С. 73–75; Шаповалов В. А., Любушкина Е. Ю. Общественные организации в социокультурной жизни Дона и

Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014, № 2. С. 138–141 и др.

40. Митрофанов А. Г. Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке: пореформенный период. М.: Молодая гвардия. 2013.

41. Кононова Т. Б. Очерки истории благотворительности. Учебное пособие. М.: Издательская компания "Дашков и К", 2006.

42. Очерки русской культуры XIX века / Под ред. Л. Д. Дергачевой, Л. В. Кошман, Д. В. Сарабьянова, Е. К. Сысоевой и др. В 6 т. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998–2005.

43. См., напр.: Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века / Под ред. Л. Д. Дергачевой, Л. В. Кошман, Д. В. Сарабьянова, Е. К. Сысоевой и др. Т. 1 (Общественно-культурная среда). М., 1998. С. 125–203; Ковригина В. А. Здравоохранение // Там же. Т. 2 (Власть и культура). М., 2000. С. 395–471; Бастрасова М. С., Павлова Г. Е. Наука: власть и общество // Там же. С. 329–395; Петров Ф. А., Гутнов Д. А. Российские университеты // Там же. Т. 3. (Культурный потенциал общества. М. 2001. С. 124–200; Кошман Л. В. Профессиональное образование // Там же. С. 200–252; Поспелов Г. Г., Стернин Г. Ю. Изобразительное искусство // Там же. Т. 6 (Художественная культура). М., 2002. С. 5–18; Фельдман О. М. Театр // Там же. С. 373–480 и др.

44. Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда / Под ред. Л. В. Кошман, Л. Д. Дергачевой, М. Г. Литавриной, С. В. Мироненко и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.; Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. Власть. Общество. Культура / Под ред. Л. В. Кошман, Л. Д. Дергачевой, М. Г. Литавриной, С. В. Мироненко и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012.

45. Гридчин Ю. В. Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. // Проблемы формирования гражданского общества. М., 1993. С. 101–126; Черных А. И. По пути к гражданскому обществу. Реформы 60-х гг. в России // Там же.

С.80–100; Мельников В. П. Гражданское общество в России в историческом ракурсе // Гражданское общество. М., 1993. С. 60–67; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. Т. 2, Спб., 1999; Российские либералы: сборник статей / Под ред. Итенберга Б. С., Шелохаева В. В. М., 2001; Валитов А. А. Становление гражданского общества Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Тобольск, 2007; Шелохаев В. В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007, № 5. С. 3–17; Ульянова Л. В. Колыбель российского либерализма: тверские либералы глазами политической полиции (1880–1905 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008, № 6. С. 53–63; Литягина А. В. Сословия Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века) // Вопросы истории. 2009, № 11. С. 157–163; Любичанковский С., Владимирцева В. Гражданское общество в русской провинции? (Просветительская инициатива в Оренбургской губернии в последние десятилетия империи) // Родина. 2010, № 6. С. 6–10; Брэдли Дж. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России (К истории формирования гражданского общества в России XVIII— XX веков) // Вопросы истории, 2011, № 2. С. 3–26; Петровичева Е. М. Земская общественность в контексте формирования демократической культуры в период думской монархии (на материалах Костромской губернии) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2011, Т. 17, № 3. С. 251–253; Петровичева Е. М. Земская общественность, гражданские ценности и власть в годы первой мировой войны (на материалах Центральной России) // Власть и общество в России XIX–XX веков: провинциальный аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2012. С. 103–107; Балдин К. Е. Зарождение гражданского общества в российской провинции: общественные неполитические организации в г. Иваново-Вознесенске в конце XIX – начале XX вв. Иваново: Изд-во Ивановский гос. университет, 2014;

Мартыненко Н. К. Общественные инициативы женского образования как фактор институционализации гражданского общества в России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 1. С. 208–218 и др.

46. Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: сборник научных статей. Тамбов, 2001; Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы международной конференции (май 2002 г.). Отв. ред. Канищев В. В. Тамбов, 2002; Гросул В. Я. Русское общество XIX–XX веков: традиции и новации. М.: Наука, 2003; Кулешов С. В. Модернизация России (XIX – XX вв.): социальные и политические процессы: учебное пособие / С. В. Кулешов, Ю. П. Свириденко, А. А. Федюлин. М., 2007; Шелохаев В. В. Тип модернизации и тип революции в России // Рабочие — предприниматели — власть в XX веке: материалы III Международной научной конференции (Кострома, 22–23 сентября 2005 г.). В 2 ч. / Отв. ред. А. М. Белов. Кострома: ГОУВПО КГУ имени Н. А. Некрасова, 2005. Ч. 1. С. 7–15; Попова А. Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX – XXI вв. в контексте модернизации. М., 2009; Медушевский А. Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011, № 1. С. 3–27; Шелохаев В. В. Столыпинский путь модернизации России // Там же. 2012, № 2. С. 18–36; Канищева Н. И. Столыпинские реформы в области образования, культуры и науки // Там же. С.139–146; Акоева Н. Б. Влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Майкоп, 2012; Модернизация в России и Китае в сравнительной перспективе: круглый стол / материал подгот. А. Н. Медушевский // Российская история. 2012, № 3. С. 45–76; Казанина Л. Ю. Столыпинские реформы в оценке российского общественного мнения (1906–1911). М.: АПКиППРО, 2012; Хайлова Н. Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М.: Финансовый университет, 2013; Захаров В. Ю. Сколько было модернизаций в истории России? // Преподавание

истории в школе. 2014. № 9. С. 30–36; Алиева С. И. Модернизация в Азербайджане и на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2014. № 11. С. 143–150. и др.

47. Туманова А. С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX вв. Тамбов, 1999; Она же. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002; Она же. Правительственная политика в отношении общественных организаций России. 1905–1917 годы: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Москва, 2003; Она же. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов, 2003; Туманова А. С. Об одной незавершенной реформе: история осуществления свободы союзов в дореволюционной России // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): Материалы науч.- теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. Спб., 2004. С. 312–326; Сафонов А. А., Туманова А. С. Гражданские свободы в законотворческой деятельности Государственной Думы императорской России // Правоведение. 2006. № 3. С. 4–17; Туманова А. С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века // Отечественная история. 2007, № 6. С. 50–63; Она же. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; Она же. Добровольные ассоциации императорской России и их роль в формировании культуры общественной самоорганизации // СОТИС, 2009, № 2. С. 44–56; Саломатин А. Ю., Туманова А. С. Энигма модернизации (сравнительный взгляд на государственно-политическое развитие США и России в XIX в.) // История государства и права. 2009, №16. С. 21–25; Туманова А. С. Опыт деятельности обществ социальной защиты в дореволюционной России в решении социальных проблем населения // СОТИС. 2010, № 3. С. 59–65; Она же. "Отечество наше должно превратиться в государство правовое": кабинет П. А. Столыпина и разработка закона о свободе союзов // Российская история. 2012, № 2. С. 126–138 и др.

48. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

49. Там же. С. 167.

50. Там же. С. 171.

51. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Под ред. А. С. Тумановой, В. Я. Гросула, А. Е. Иванова, И. С. Розенталя и др. М., 2011.

52. Например, при перечислении региональных отделений общероссийских организаций (или объединений конкретного типа) в монографии упоминается несколько рязанских обществ – Рязанское сельскохозяйственное общество (с. 339, 341, 345, 351), Рязанское общество народных университетов (с. 631), Рязанский общественно-педагогический кружок (с. 649).

53. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Под ред. А. С. Тумановой, В. Я. Гросула, А. Е. Иванова, И. С. Розенталя и др. М., 2011. С. 190.

54. Там же. С. 192.

55. Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М., 2011; Туманова А. С. Модернизация формы российского государства в начале XX века: дискуссия о правовом содержании и значении конституционной реформы // Российское государствоведение. 2014. № 3. С. 10–19; Она же. Законодательский процесс 1905–1907 гг. и закрепление политических свобод // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 1. 2014. С. 726–733 и др.

56. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014; Она же. Общественные организации // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. 2014. С. 424–446.

57. Рязанская энциклопедия: справочный материал. В 16 т. / Товарищество «Рязанская энциклопедия»; Отв. ред. В. Н. Федоткин, Рязань, 1992–1994. Т. IV, V, XIV, XVI; Рязанская энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. В. Н. Федоткин. Рязань, 2000.

- Т.2.; Рязанская энциклопедия / Гл. ред. В. Н. Федоткин. Рязань, 2002. Т. 3 (дополнительный); Рязанская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Горбунов. Рязань, 2002.
58. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии / Сост. И. В. Добролюбов, доп. С. Д. Яхонтов. Репринтное издание. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та. 1995; Рязанская книга. 1848–1917 гг.: сводный каталог-репертуар. Рязань, 2004.
59. Попов И. П. Два века рязанской истории (XVIII в. – март 1917 г.) / И. П. Попов, Е. С. Степанова, Е. Г. Тарабрин, Ю. В. Фулин. Рязань, 1991; Попов И. П. Очерки истории культуры Рязанского края (XIV–XX вв.). Рязань, 1994; История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2000 гг. / Под ред. П. В. Акульшина. Рязань, 2000.
60. Сулович Б. Научное и общественное значение Рязанского медицинского общества // Вестник рязанских краеведов. 1925. № 2. С. 28–30; Степанов В. Рязанское общество устройства народных развлечений // Рязанский следопыт. 1994. № 3. С. 53–54; Кусова И. Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в., Рязань, 1996; Трибунский В. П., Трибунский П. А. Сто лет рязанской охоты. Рязань, 1998; Мельник А. Н. Из истории противопожарной службы Рязанского края. Сборник документов и статей. Рязань, 1999; Синельников И. Ю. Деятельность Красного Креста в Рязани в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 151–155.
61. Чекурин Л. В. А. И. Черепнин – руководитель Рязанской ученой архивной комиссии // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX – начале XX в. Рязань, 1981. С. 101–119; Синельникова Т. П. Деятельность Рязанской губернской архивной комиссии по созданию исторического архива // Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во второй половине XIX века. Рязань, 1988. С. 89–94; Попов И. П. Создание Рязанской ученой архивной комиссии // Два века рязанской истории. Рязань, 1991. С.84–87; Тянь О. С. Рязанская ученая архивная комиссия: к 115-летию со дня основания // Календарь памятных дат и событий по Рязанской

области на 1999 год. Рязань, 1998; Толстов В. А. Рязанская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003 и др.

62. Карева А. В. Развитие социокультурной среды губернского города Центральной России в конце XIX – начале XX вв.: провинциальное своеобразие (на материалах Рязани): дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 2007.

63. См.: Попов И. П. Указ. соч.

64. Козляков В. Н. История и культура регионов России: учебное пособие // В. Н. Козляков, А. А. Севастьянова. Рязань, 2011.

65. Там же. С.107.

66. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. XXI (с 1781 по 1783 г.) От № 15106 до 15901. СПб., 1830. С. 461–488. № 15379 (Устав благочиния, или Полицейский).

67. Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденной редакционной комиссии. Т. 4. Кн. 5. Спб., 1899. С. 543–570.

68. ПСЗРИ. Собрание 3, Т. 21, 1901, отд. 1. (от № 19505–280931 и Дополнения). Спб., 1903. С. 45–46. Ст. 19619.

69. Закон 4 марта о союзах и обществах с последующими к нему разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел. Спб., 1906; ПСЗРИ. Собрание 3, Т. 26, 1906, отд. 1. (от № 27173–28753 и Дополнения). Спб., 1909. С. 201–207. Ст. 27479.

70. Проект Временных правил о союзах // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 79. Л. 39–41.

71. ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Д. 239.

72. См., напр.: Устав Рязанского Медицинского общества. Рязань, 1908; Устав Егорьевского музыкально-литературно-художественного кружка // ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 13. Л. 24–28 об.; Устав Пронского общественного всесословного собрания // ГАРО. Ф. 4. Оп. 873. Д. 5. Л. 4–11; Устав общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Егорьевской VI классной прогимназии // ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3653. Л. 8–15; Устав общества

вспомоществования недостаточным ученицам Пронской женской прогимназии им. В. Н. Фон-Дервиз, учрежденной П. П. Фон-Дервизом. Рязань, 1908 и др.)

73. См., напр.: Журнал общего собрания членов Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии 9 июня 1899 г. и Отчет Центрального Правления того же общества. Рязань, 1899; Журнал общего собрания членов Общества вспомоществования недостаточным ученикам Егорьевской прогимназии 29 февраля 1904 г. // ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 46–46 об.; Протокол общего собрания Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Рязанского реального училища Малашкина 14 декабря 1908 г. // Там же. Д. 4001. Л. 341–342 и др.

74. См., напр.: Отчет вспомогательного общества приказчиков за 1897 г. // ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3698. Л. 45; Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой за время с 24 октября 1904 г. по 1 января 1906 г. Рязань, 1906; Отчет о деятельности Рязанского Попечительства о народной трезвости за 1909 г. Рязань, 1910.

75. См., напр.: Прошение учредителей о регистрации устава Рязанского музыкального общества // ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 20; Дело о разрешении Михайловскому уездному комитету попечительства о народной трезвости проведения чтений и назначения лекторов // ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3345; Дело об открытии читальни при чайной Рязанского общества трезвости // ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3220 и др.

76. См., напр.: ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3854. Л. 22–22 об.

77. См., напр.: Переписка с уездными исправниками, попечителем Московского учебного округа, рязанским полицмейстером и др. о проведении благотворительных спектаклей, концертов и лекций // ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2896.

78. См., напр.: Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1904–1907 г. (с приложением). Рязань, 1908; Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908–1910 гг. Рязань, 1912; Пятидесятилетие Рязанского медицинского общества (1875–1925). Рязань, 1926 и др.

79. См., напр.: Манухин С. И. Краткий обзор Рязанской благотворительности // Рязанский альманах. Рязань, 1891; Обзор Рязанской губернии за 1910 г. Рязань, 1911; Рязанский адрес-календарь на 1912 г. Рязань, 1912 и др.
80. Левашов А. Н. Записки земца (1867–1871 гг.). Рязань, 1901; Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин. М., 1992. (репринт); Мордвинов В. И. Музыка в Рязани (1908–1914). Рязань, 2003.
81. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 1–2.; Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания (1881–1914). М., 1996; Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. В 2 т. (1870–1917). М., 2009. Т. 1.

Глава 1. Предпосылки и условия образования общественных неполитических организаций на рубеже XIX-XX вв., их правовой статус и внутреннее устройство

1.1. Рязанское общество в эпоху модернизации и основные тенденции развития организованной общественной инициативы в губернии

1. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н. А. Тройницкого. XXXV (Рязанская губерния). 1903. С. III.
2. Там же. С. V–VI.
3. Обзор Рязанской губернии за 1882 г. Рязань, 1883. С. 16.
4. Обзор Рязанской губернии за 1908 г. Рязань, 1909. С. 9.
5. Обзор Рязанской губернии за 1882 г. С. 16.
6. Обзор Рязанской губернии за 1908 г. С. 9.
7. Там же. С. 7–8.
8. Там же. С. 9.
9. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2000 гг. / Под ред. П. В. Акульшина. Рязань, 2000. С. 82.
10. Обзор Рязанской губернии за 1882 г. С. 13.
11. Обзор Рязанской губернии за 1912 г. Рязань, 1914. С. 106.
12. Прокопович С. Н. Местные люди о нуждах России. Спб., 1904. С. 219.
13. Обзор Рязанской губернии за 1882 г. С. 15.
14. Обзор Рязанской губернии за 1897 г. Рязань, 1898. С. 25.
15. Обзор Рязанской губернии за 1910 г. Рязань, 1911. С. 71.
16. См.: Огрызкова Г. С. История сельского кооперативного движения в Рязанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тула, 2006; Будкина Ю. Б. Кредитная кооперация в Рязанской губернии: 1870 – октябрь 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 2010; Страхов В. В. Учреждения мелкого кредита в начале XX столетия (по материалам

Рязанской губернии) // Вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С. А. Есенина. 2004. № 1 (10). С. 58–68.

17. Обзор Рязанской губернии за 1897 г. С. 58.

18. Обзор Рязанской губернии за 1910 г. С. 116.

19. Обзор Рязанской губернии за 1897 г. С. 58.

20. Обзор Рязанской губернии за 1908 г. С. 134.

21. Обзор Рязанской губернии за 1882 г. С. 54.

22. Обзор Рязанской губернии за 1908 г. С. 247.

23. Подсчитано по: Обзор Рязанской губернии за 1882 г. С.54; Обзор Рязанской губернии за 1908 г. С. 247.

24. Подсчитано по: Обзор Рязанской губернии за 1882 г. С.54; Обзор Рязанской губернии за 1908 г. С. 247.

25. Рязанский адрес-календарь 1911 г. Рязань, 1911. С. 223-242.

26. Обзор Рязанской губернии за 1910 г. С. 129.

27. Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1913. №5. С. 336–347.

28. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXIV (Рязанская губерния). Спб., 1903. С. 185.

29. Сницеров В. П. Культурно-просветительная деятельность кооперативов: Доклад В. П. Сницерова // Первое губернское кооперативное совещание при Рязанской губернской земской управе: Тр. совещ: журн. и докл. Рязань, 1916. С. 1.

30. Книжное богатство деревни и возможность ее пополнения (Из Сапожковского уезда) // Вестник Рязанского губернского земства. 1913. № 2. С. 55.

31. Там же. С. 56.

32. Рязанский адрес-календарь 1912 г. Рязань, 1912. С. 296–298.

33. Свод статистических сведений по Рязанской губернии за 1884 г. // Календарь Рязанской губернии на 1886 г. Рязань, 1886. С. 59.

34. ГАРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2518. Л. 64–65.

35. Свод статистических сведений по Рязанской губернии за 1884 г. // Календарь Рязанской губернии на 1886г. Рязань, 1886. С. 59; ГАРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2518. Л. 68–73.
36. См.: Список абонентов Рязанской телефонной сети 1913 г. Тамбов, 1913.
37. Тальников Д. Народный театр // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 290–291.
38. Идея народного театра и ее осуществление в Рязанской губернии // Вестник Рязанского губернского земства. 1913. №10. С. 60.
39. ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д.2229. Л. 52; Там же. Д. 2540. Л. 71; Там же. Оп. 4. Д. 2896. Л. 142.
40. Гиляровский В. Хорошо, если выдумка // Русское слово. 1902. № 19 // ГАРФ. Ф. 102. 3 Д-во. Д. 1 ч. 61. Л. Б. Л. 3 а.
41. Название города, о котором идет речь, в тексте не указано. Но оно становится известно из прилегающего к газете (в комплектации ГАРФ) секретного письма начальника Рязанского губернского жандармского управления директору Департамента полиции от 15 февраля 1902 г. – Там же. Л. 1–2 об.
42. Левашов А. Н. Записки земца (1867–1871 гг.). Рязань, 1901. С. 4–5.
43. Там же. С. 11.
44. Просветительное движение (из Рязани) // Образование. 1898. № 9. С. 41–44.
45. Выяснить личность автора весьма затруднительно, однако, согласно словарю псевдонимов И. Ф. Масанова, под таким именем в указанный период могли публиковаться несколько лиц — См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1958. С. 240.
46. Просветительное движение (из Рязани) // Образование. 1898. № 9. С. 41.
47. Там же. С. 44.
48. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 184–185.
49. Согласно данным, представленным рязанским губернатором министру внутренних дел, в период революционного подъема 1905–1906 гг. размер убытков частных лиц и предприятий губернии от аграрных беспорядков составил 452199 руб. 50 коп. – Особый журнал Совета министров 18 мая 1906 г. по вопросу о приведении в исполнение предложений министра внутренних дел

- П. А. Столыпина о назначении на Рязанскую губернию денежной суммы для выдачи ссуд пострадавшим от беспорядков в сельских местностях // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 1-а. Л. 28 об.
50. Запросы о политической благонадежности лиц по Рязанской губернии 1902 г. // ГАРФ. Ф.102. 3 д-во. Д. 26 ч. 54; Ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции в Рязанской губернии 1902 г. // Там же. Д. 74.10.
51. Сведения о событиях и происшествиях политического и общественного характера по уездам губернии за 1907 г. // ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 4780. Л. 2–48; Переписка о политическом настроении населения Рязанской губернии // ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 272. Л. 2–43.
52. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания (1881–1914). М., 1996. С. 287.
53. Там же. С. 288.
54. ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 708, 760.
55. Там же. Д. 240. Л. 2–10.
56. Там же. Оп. 2. Д. 11, 26.
57. Там же. Д. 42. Л. 1–305.
58. См., например: ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5302.
59. ГАРО.Ф. 1292. Оп. 1. Д. 575. Л. 85-86, 90; Д. 462. Л. 9.
60. ГАРО. Ф .5. Оп 4. Д. 4497. Л. 17.
61. Там же. Д. 4780.

1.2. Эволюция правовой основы института общественных объединений, их взаимоотношения с органами местной власти

1. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. XXI (с 1781 по 1783 г.) От № 15106 до 15901. СПб, 1830. № 15379 (Устав благочиния, или Полицейский). С. 467.
2. Там же.
3. Там же. С. 478.

4. Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М., 1916. С. 27–28.
5. Там же. С. 28.
6. Плато К. Г. фон. Положения о частных обществах и союзах, учреждаемых с разрешения Министерств, Губернаторов и Градоначальников. Рига, 1903. С. 3–6.
7. Там же. С. 3.
8. Lindenmeyer A. Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. P. 16–17.
9. Там же. P. 17.
10. Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденной редакционной комиссии Кн. 5. Т. 4. Спб., 1899. С. 543.
11. Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: учебн. пособие по спецкурсу. М., 1980. С. 22–24.
12. Герье В. И. По поводу государственных выборов (Письмо в редакцию) // Вестник Европы. 1905. № 10. С. 846.
13. Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России. С. 31–32.
14. Туманова А. С. Об одной незавершенной реформе: история осуществления свободы союзов в дореволюционной России // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): Мат-лы науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. Спб., 2004. С. 313.
15. Проект Временных правил о союзах // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 79. Л. 39–41.
16. Там же. С. 39.
17. ПСЗРИ. Собрание 3, Т. 26, 1906, отд. 1. (от №27173–28753 и Дополнения). Спб., 1909. № 27479. С. 201–207.
18. Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России. С. 33.
19. Там же. С. 34.
20. Закон 4 марта о союзах и обществах с последующими к нему разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства Внутренних дел. Спб., 1906. С. 9.

21. Там же. С. 8, 14.
22. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 264.
23. Проект закона об обществах и союзах с особым к нему приложением с изменениями, внесенными в него П. А. Столыпным // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 79. Л. 188–194.
24. Особое мнение Министерства юстиции по поводу ст.ст. 23–28 проекта о порядке открытия обществ // ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Д. 239. Л. 80 об.
25. Там же. Л. 79.
26. Кризис самодержавия в России. 1895-1917 гг. Л., 1984. С. 381–383.
27. См. подробнее, напр.: Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 281–288.
28. ГАРО. Ф.5. Оп.3. Д.3156. Л.60–61.
29. Там же. Д. 3282. Л. 4.
30. Там же. Д. 3500. Л. 1.
31. Там же. Л. 24.
32. Там же. Д. 3658. Л. 11–11об.
33. Там же. Д. 3926. Л. 7–8.
34. Там же. Л. 24.
35. Там же. Д. 3786. Л. 3.
36. Там же. Л. 3.
37. Там же. Л. 8.
38. Там же. Ф. 4. Оп. 868. Д. 1. Л. 3.
39. Там же. Л. 26-31.
40. ГАРО. Ф.5. Оп.3. Д. 4008. Л. 10.
41. Там же.
42. Там же. Ф. 4. Оп. 870. Д. 3.
43. Там же. Оп. 871. Д. 9. Л. 20–20 об.
44. Там же. Оп. 872. Д. 4. Л. 18–18 об.
45. Там же. Оп. 871. Д. 5. Л. 14–15 об.

46. Там же. Оп. 872. Д. 12. Л. 33–34.
47. Там же. Оп. 870. Д. 3. Л. 29.
48. Там же. Л. 30.
49. Там же. Оп. 870. Д. 8. Л. 4.
50. Там же. Л. 27.
51. Там же. Л. 34.
52. Там же. Оп. 872. Д. 12. Л. 39.
53. Там же. Д. 13. Л. 39.
54. Там же. Л. 40.
55. Там же. Оп. 873. Д. 8. Л. 42.
56. Там же. Оп. 872. Д. 6. Л. 20.
57. Там же. Л. 21.
58. Там же. Л. 25–26.
59. Там же. Л. 29.
60. Там же. Оп. 869. Д. 4. Л. 56–57.
61. Там же. Л. 78.
62. Там же. Оп. 871. Д. 5. Л. 14.
63. Там же. Д. 9. Л. 20 об.
64. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3282. Л. 4.
65. Там же. Ф. 4. Оп. 872. Д. 14. Л. 24.
66. Там же. Оп. 868. Д. 1. Л. 21.
67. Там же. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 71. Л. 2.
68. Там же. Д. 26. Л. 105.
69. См., напр.: ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001.
70. См., напр.: Там же. Д. 3404. Л. 1.; Д. 3698. Л. 10.
71. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. С. 45.
72. См., напр.: ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3882. Л. 78. С. 4.
73. Там же. Д. 3896. Л. 14–15.

74. Максимов Е. Д. *Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии ее в России*. СПб., 1906. С. 78.
75. ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2229. Л. 52.
76. Там же. Оп. 3. Д. 3400. Л. 3.
77. ПСЗРИ. *Собрание 3*, Т. 21, 1901, отд. 1. (от №19505280931 и Дополнения). СПб., 1903. №19619. С. 45–46.
78. ГАРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2433. Л. 2.
79. Там же. Л. 2 об.– 3.
80. Там же. Л. 4.
81. Там же. Л. 25.
82. Там же. Л. 26.
83. Там же. Л. 2728.
84. Там же. Л. 29.
85. Там же. Л. 32.
86. Там же. Л. 34.
87. *Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 по 25 февраля 1901 г.* Рязань, 1901. С. 58.
88. *Отчет Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанской мужской гимназии и реального училища Н. Н. Зелятрова за время с 1 июля 1911 по 1-е января 1913 года.* Рязань, 1913. С. 5.
89. См., напр.: ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2229.
90. ГАРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2433. Л. 10.
91. Там же. Л. 11–12.
92. Там же. Л. 13–16.
93. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5584. Л. 3.
94. Там же. Л. 4.
95. Там же. Д. 2896. Л. 17–17 об.
96. Там же. Л. 19.
97. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3868. Л. 9.
98. ГАРО. Ф. 4. Оп. 869. Д. 4. Л. 50.

99. Там же. Л. 51.
100. Там же.
101. Там же. Л. 52.
102. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3896. Л.19.
103. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 326.
104. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 4838. Л. 4.
105. Там же. Д. 5109. Л. 1–3.
106. Там же. Л. 23.
107. ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 559. Л. 8.
108. Там же. Д. 568. Л. 4.
109. Там же. Л. 9.
110. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 4909. Л. 6–7.
111. ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 559. Л. 7.
112. Там же. Л. 12.
113. Там же. Д. 568. Л. 1.
114. ГАРО. Ф. 4. Оп. 869. Д. 4. Л. 18–19.
115. См., напр.: Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Рязань, 1900. С. 258-280; Общество попечения о бедных детях г. Рязани // Рязанский вестник.1906. № 9. С. 3; Открытие попечительного общества о нищенствующим и бесприютным девочкам г. Рязани. Рязань, 1901.
116. ГАРО. Ф. 4. Оп. 871. Д. 4. Л. 5.
117. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. С. 20.
118. Рязанская жизнь. 1911. № 26. 31 декабря. С. 3.
119. ГАРО. Ф. 4. Оп. 875. Д. 10. Св. 6. Л. 1.
120. Максимов Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. С. 10.
121. Проводы бывшего губернатора сенатора Н. С. Брянчанинова // Календарь Рязанской губернии на 1905 г. Рязань, 1905. С. 75.

122. Оставление г. Рязани Н. С. Брянчаниновым // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1905. № 3. С. 320.

123. История Рязанской власти. Руководители Рязанского края, 1778–2008 / П. В. Акульшин, Л. В. Димперан, А. Н. Мельник, Е. Н. Поздняк, Н. В. Пономаренко. Т. П. Синельникова, В. В. Чеклуев. Рязань, 2008. С. 195.

124. Так, один из политических скандалов был связан с опубликованием в петербургской газете «Русь» секретного циркуляра от 4 марта 1907 г. Левашова для уездных исправников и полиции. В нем губернатором давалось указание усилить контроль на местах за выборщиками в Государственную Думу от левых партий. Комментарий сотрудника печатного органа под псевдонимом «Азра», помещенный в конце публикации, дает представление о характере взаимоотношений общества и власти: «Кто знает нашу провинциальную администрацию, тот не усомнится, что судьба злополучных выборщиков более чем печальна. Таковы прелести свободы выборов в «конституционной» России» – ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 4498. Л. 35–36.

125. Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 210.

126. ГАРО. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 575.

127. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3987.

128. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900. С. 21, 36.

1.3. Организационная структура, принципы функционирования и состав участников добровольных организаций

1. Устав Рязанского общественно-педагогического кружка. Рязань, 1914. С. 3–4.

2. ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 20. Л. 5.

3. Рязанская жизнь. 1914. № 15. 19 января. С. 3.

4. Там же. 1912. № 220. 25 сентября. С. 2.

5. Мордвинов В. И. Музыка в Рязани в 1908 – 1914 годах. Рязань, 2003. С. 7.

6. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3850. Л. 4. С. 7–9.

7. Рязанская жизнь. 1912. № 220. 25 сентября. С. 2.

8. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 342.

9. Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1897 г. Рязань, 1898. С. 11–12.
10. ГАРО. Ф. 5. Оп.3. Д.4001. Л. 199.
11. Там же. Д. 3698. Л. 31.
12. Там же. Д. 4001. Л. 355.
13. Отчет о деятельности Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних за 1900 г. Рязань, 1901. С. 75.
14. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3932. Л. 15. С. 7.
15. Там же. С. 3.
16. Там же. Л. 13.
17. Там же. Л. 24.
18. Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908–1910 гг. Рязань, 1912. С. 31.
19. Рязанская жизнь. 1912. № 102. 2 мая. С. 3.
20. Там же. 1913. № 53. 6 марта. С. 3.
21. Федоров Т. И. Обзор деятельности Общества Рязанских врачей за время его существования // Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908–1910 гг. Рязань, 1912. С. 92–93.
22. Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений за время с 1 января 1899 г. по 25-е февраля 1900г. Рязань, 1900. С. 35.
23. Рязанская жизнь. 1912. № 102. 2 мая. С. 3.
24. Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 по 25 февраля 1901 г. Рязань, 1901. С. 57.
25. Рязанская жизнь. 1913. № 19. 23 января. С. 4.
26. Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений за время с 1 января 1899 г. по 25-е февраля 1900 г. С. 37.
27. Там же. С. 36.
28. Там же. С. 41.
29. Отчет правления Рязанского общества трезвости за 1901 г. Рязань, 1902. С. 34–35.

30. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 244.
31. Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин (1872–1901). Репринтное издание. М., 1992. С. 115.
32. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910-11 гг. Рязань, 1912. С. 15–16.
33. Годовой отчет Совета Рязанского общественно-педагогического кружка за 1914 г. Рязань, 1915. С. 14.
34. Рязанская жизнь. 1914. № 17. 22 января. С. 3–4.
35. Там же. № 10. 14 января. С. 3.
36. Там же. 1913. № 21. 25 января. С. 3.
37. Мордвинов В. И. Музыка в Рязани в 1908 – 1914 годах. С. 78.
38. Рязанская жизнь. 1913. № 21. 25 января. С. 3; Там же. 1914. № 10. 24 января. С. 3.
39. Мордвинов В. И. Музыка в Рязани в 1908–1914 годах. С. 8, 19.
40. ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2540. Л. 157.
41. Там же. Л. 158.
42. Там же. Л. 189.
43. Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 по 25 февраля 1901 г. С. 9.
44. Кусова И. Г. Рязанское купечество. Очерки истории XIV – начала XX века. Рязань, 1996. С. 100.
45. Отчет Попечительного общества о нищенствующих и бесприютных малолетних девочках г. Рязани Ведомства учреждений императрицы Марии за 1909 г. Рязань, 1910. С. 11.
46. Рязанская жизнь. 1914. № 15. 19 января. С. 3.
47. Отчет Попечительного общества о нищенствующих и бесприютных малолетних девочках г. Рязани Ведомства учреждений императрицы Марии за 1909 г. С. 3.
48. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3966. Л. 14–18.
49. Там же. Ф. 4. Оп. 873. Д. 5. Л. 12.

50. Рязанская жизнь. 1912. № 187. 11 августа. С. 3.
51. Следует отметить, что многие ученые подчеркивали неопределенность понятия «интеллигенция» в указанный период времени. Так, известный исследователь сословно-классовой системы дореволюционной России Н. А. Рубакин характеризовал его следующим образом: «Это... явление разлито во всех общественных слоях или, точнее говоря, выделяется из всех слоев. Помимо того, что каждый общественный класс выделяет из своих недр свою собственную интеллигенцию, из всех классов выделяется и интеллигенция меж-классовая, над-классовая, ум и чувство нации, представительница социальных отношений будущего». При этом автор предупреждает, что эту категорию нельзя отождествлять со всеми вообще представителями так называемых «свободных профессий» (т. е. людьми, работающими на государство, а не на частное лицо — врачами, учителями, учеными, инженерами и т. д.) — Рубакин Н. А. Россия в цифрах (Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. Спб., 1912. С. 90–91.
52. Рязанская жизнь. 1912. № 110. 12 мая. С. 3.
53. ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 6. Л. 4.
54. Там же. Оп. 873. Д. 17. Л. 5.
55. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 380.
56. См., напр.: Там же. Д. 3965. Л. 27.
57. Рязанская жизнь. 1912. № 3. 4 января. С. 3.
58. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3786. Л. 22.
59. Устав Рязанского общества взаимопомощи женщин. Рязань, 1914. С. 3.
60. Рязанская жизнь. 1911. № 26. 31 декабря. С. 3.
61. Устав Рязанского общественно-педагогического кружка. С. 5.
62. См., напр.: ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4054. Л. 27.
63. См., напр.: ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–23 об.
64. Устав Рязанского общества устройства народных развлечений. Рязань, 1898. С. 5.

65. Журнал очередного годового собрания членов и отчет о деятельности совета Общества вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии за 1897–1898гг. Рязань, 1898. С. 5.
66. Рязанская жизнь. 1912. № 264. 15 ноября. С. 3.
67. Отчет Общества для вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище с 1 декабря 1898 г. по 31 декабря 1899 г. Касимов, 1900. С. 4.
68. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 287.
69. Там же . Д. 3932. Л. 13.
70. Рязанский вестник. 1914. № 67. С. 3.
71. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3994. Л. 133–133 об.
72. Там же. Д. 3966. Л. 52; Ф. 4. Оп. 873. Д. 5. Л. 4.
73. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования (1882–1912 год). Рязань, 1915. С. 169.
74. Мордвинов В. И. Музыка в Рязани в 1908–1914 годах. С. 23.
75. ГАРО. Ф. 4. Оп.869. Д. 4. Л. 72.
76. Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 по 25 февраля 1901 г. С. 6.
77. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 262.
78. Там же. Л. 346.
79. Отчет Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанской мужской гимназии и реального училища Н. Н. Зелятрова за период с 1 июля 1911 г. по 1 января 1913 г. Рязань, 1913. С. 4–5.
80. См., напр.: Отчет о деятельности Благотворительного общества г. Рязани, состоящего в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества, за 1893 г. Рязань, 1894. С. 28–29.
81. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 283.
82. Там же. Д. 3920. Л. 9. С. 10.

83. Федоров Т. И. Обзор деятельности Общества Рязанских врачей за время его существования. С. 90.

Глава 2. Участие легальных общественных объединений Рязанской губернии в организации социальной защиты населения и обеспечении безопасности рязанцев при чрезвычайных ситуациях

2.1. Рязанские благотворительные и попечительские общества

1. Правительственная Комиссия статс-секретаря К. К. Грота по пересмотру законодательства об общественном призрении (вплоть до начала XX века основывалось преимущественно на морально устаревшем Уставе об общественном призрении 1857 г. и ряде подзаконных актов), образованная в 1892 г. из представителей различных ведомств, занималась сбором и систематизацией сведений о благотворительных заведениях и учреждениях в губерниях Российской империи (прежде всего земских) по следующим параметрам: 1) название и цель благотворительных заведений губернии, 2) на какие средства они основаны и содержатся, 3) данные о годовых расходах и доходах; 4) число лиц, получивших помощь. Однако из-за болезни К. К. Грота комиссия была распущена в 1897 г., успев лишь в общих чертах подготовить проект и издать сводные материалы по столичной и региональной благотворительности. – Максимов. Е. Д. Некоторые данные о состоянии общественного призрения в России // РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1123. Л. 1.

Отказ от коренной модернизации законодательства о благотворительных организациях был в некоторой степени компенсирован утверждением в июне 1897 г. «примерного» устава обществ для пособия бедным.

2. Организация общественного призрения в России. Записка К. П. Победоносцева к проекту Министерства внутренних дел (21 октября 1898 г.) // РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1123. Л. 378–378 об.

3. Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 65.

4. Список существующих в Рязанской губернии частных благотворительных обществ, попечительств, комитетов за 1891 г. // ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3404. Л. 67–92.

5. Список благотворительных обществ Рязанской губернии за 1901–1902 г. // Там же. Д. 3793. Л. 3.

6. Отчет о деятельности Благотворительного общества г. Рязани, состоящего в ведении Императорского Человеколюбивого общества, за 1893 г. Рязань, 1894. С. 30.
7. Отчет Благотворительного общества г. Рязани, состоящего в ведении Императорского Человеколюбивого общества, за 1897 г. Рязань, 1898. С. 9.
8. Там же. С. 10.
9. Там же.
10. Там же. С. 9–11.
11. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 259–259 об.
12. Там же. Л. 244.
13. Отчет о деятельности Благотворительного общества г. Рязани... за 1893 г. С. 14.
14. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Рязань, 1900. С. 267.
15. Отчет о деятельности Благотворительного общества г. Рязани... за 1893 г. С. 29–30.
16. Отчет Благотворительного общества г. Рязани... за 1897 г. С. 12.
17. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 267.
18. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 243.
19. Рязанский справочный листок. 1893. № 96. С. 1–2.
20. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 269.
21. Отчет Благотворительного общества г. Рязани... за 1897 г. С. 12.
22. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 270.
23. Там же. Ф. 4. Оп. 871. Д. 4. Л. 5.
24. См., напр.: ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 12.
25. Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин (1872–1901). Репринтное издание. М., 1992. С. 110–111.

26. Отчет о деятельности общества для пособия бедным г. Егорьевска за 1899 г. Егорьевск, 1900. С. 9.
27. Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин (1872–1901). С. 114–115.
28. ГАРО. Ф. 4. Оп. 871. Д. 4. Л. 6.
29. Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин (1872–1901). С. 115.
30. Отчет о деятельности общества для пособия бедным г. Егорьевска за 1899 г. С. 45.
31. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 13–14.
32. Там же. Д. 3932. Л. 13. С. 29.
33. Отчет о деятельности общества для пособия бедным г. Егорьевска за 1899 г. С. 53–55.
34. См.: Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин (1872–1901). С. 115.
35. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 13–14.
36. Там же. Д. 3932. Л. 13.
37. Там же. Д. 4001. Л. 128.
38. Там же. Д. 3932. Л. 13. С. 42.
39. Там же. С. 40.
40. Там же. С. 41.
41. Там же.
42. Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н. М. Бардыгин (1872–1901). С. 117.
43. Общество пособия бедным в г. Егорьевске // Вестник Рязанского губернского земства. 1912. № 7. С. 86.
44. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 276.
45. Там же. С. 277.
46. Там же.

47. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л.19–20.
48. Там же. Л. 56–57.
49. Там же. Л. 50–51.
50. Там же. Л. 67.
51. Там же. Л. 43–44.
52. Там же. Д.3920. Л. 19.
53. Там же. Д.3698. Л. 42.
54. Там же.
55. Там же. Д. 4001. Л. 1.
56. Там же. Л. 234.
57. Там же. Д. 3698. Л. 15.
58. Там же.
59. Там же. Д. 3910. Л. 43–44.
60. Там же. Д. 4001. Л. 232–233.
61. Там же. Д. 3658. Л. 6 об.
62. Открытие попечительного общества о нищенствующих и бесприютных девочках г. Рязани. Рязань, 1901. С. 4–5.
63. Там же. С. 9.
64. Отчет Попечительного общества о нищенствующих и бесприютных малолетних девочках г. Рязани Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1909 г. Рязань, 1910. С. 10–13.
65. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. Рязань, 1912. С. 14–15.
66. Рязанский вестник. 1906. № 9. С. 3.
67. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. С. 16.
68. Рязанский вестник. 1905. № 164. С. 3.
69. Там же. 1906. № 191. С. 2.
70. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. С. 15.

71. Рязанский вестник. 1906. № 192. С. 2.
72. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. С. 15–16.
73. Ремесленные отделения и классы при благотворительных отделениях и обществах // Низшее ремесленное образование в Рязанской губернии. Вып. I, Рязань, 1913. С. 44.
74. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. С. 4.
75. Ремесленные отделения и классы при благотворительных отделениях и обществах. С. 44.
76. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. С. 5.
77. Там же. С. 14.
78. Там же. С. 3.
79. Рязанская жизнь. 1912. № 102. 2 мая. С. 3.
80. Годовой отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. С. 16.
81. Чарнолуский В. И. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. С. 126.
82. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3964. Л. 1.
83. Там же. Д. 4001. Л. 33 б.
84. См., напр.: Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище. Касимов, 1898. С. 3; ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3920. Л. 30.
85. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3965. Л. 27.
86. Рязанская жизнь. 1913. № 64. 19 марта. С. 3.
87. Отчет Общества для вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище за первые 13 месяцев с 1-го декабря 1898 года по 31-е декабря 1899 года. Касимов, 1900. С. 4.
88. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3854. Л. 37.

89. Там же. Д. 3910. Л. 16.
90. Там же. Д. 3698. Л. 4.
91. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 272.
92. ГАРО.Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 30.
93. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 273.
94. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 30.
95. Отчет Правления общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам рязанских гимназии и прогимназии, а ныне первой и второй гимназий, за 1913 г. Рязань, 1915. С. 20.
96. Отчет Общества для вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище за первые 13 месяцев с 1-го декабря 1898 года по 31-е декабря 1899 года. С. 6.
97. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 16.
98. Там же. Д. 3698. Л. 6.
99. Там же. Д. 3910. Л. 46.
100. Там же. Л. 25–26.
101. Там же. Д. 3932. Л. 24.
102. Там же. Д. 4001. Л. 79.
103. Там же. Д. 3932. Л. 24.
104. Там же. Д. 4001. Л. 80.
105. Там же. Д. 3932. Л. 24.
106. Отчет Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам частной мужской гимназии Н. Н. Зелятрова, основанной В. И. Радужкевичем, за время с 1 июля 1911 г. по 1 января 1913 г. Рязань, 1913. С. 6.
107. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназии и прогимназии... за 1913 г. С. 20; Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой за 1910 год. Рязань, 1911. С. 6; Отчет Общества

вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанской мужской гимназии и реального училища Н. Н. Зелятрова... за время с 1 июля 1911 г. по 1 января 1913 г. С. 6.

108. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 220, Л. 228; Там же. Д. 3932. Л. 24.

109. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 273.

110. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназий за 1905 г. Рязань, 1906. С. 4.

111. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 273.

112. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3932. Л. 30.

113. Отчет Правления общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназии и прогимназии за 1896 / 97 учебный год. Рязань, 1898. С. 4.

114. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназий за 1905 г. С. 6.

115. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 273.

116. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3932. Л. 30.

117. Отчет Общества для вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище за первые 13 месяцев с 1-го декабря 1898 года по 31-е декабря 1899 года. С. 6.

118. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 16–17.

119. Там же. Д. 3698. Л. 7.

120. Там же. Д. 3910. Л. 46.

121. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 275.

122. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 31.

123. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназии и прогимназии... за 1913 г. С. 21.

124. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 54.
125. Отчет Совета Общества вспомоществования беднейшим воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии за 1912 г. Рязань, 1913. С. 5.
126. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 274.
127. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 46.
128. Там же. Л. 4.
129. Там же. Д. 4001. Л. 218.
130. Там же. Д. 3910. Л. 3–76.
131. См., напр.: Отчет Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанской мужской гимназии и реального училища Н. Н. Зелятрова... за время с 1 июля 1911 г. по 1 января 1913 г. С. 5.
132. Журнал очередного годовичного собрания членов и Отчет о деятельности Совета Общества вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии за 1897–1898 г. Рязань, 1898. С. 4.
133. Рязанская жизнь. 1913. № 64. 19 марта. С. 3.
134. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 355.
135. Рязанская жизнь. 1912. № 264. 15 ноября. С. 3.
136. Там же. 1913. № 27. 1 февраля. С. 4.
137. Вестник Рязанского Губернского земства. 1914. № 3. С. 67–68.
138. Там же.
139. Рязанская жизнь. 1913. № 27. 1 февраля. С. 4.
140. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 66.
141. Там же. Л. 66–67.
142. Чарнолуский В. И. Частная инициатива в деле народного образования. С. 128.
143. Цит. по: Максимов Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. Спб., 1903. С. 71.
144. Ремесленные отделения и классы при благотворительных отделениях и обществах. С. 40–41.

145. Там же. С. 41.
146. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 5.
147. Там же. Л. 8.
148. Деятельность благотворительных обществ//Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 280.
149. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 75.
150. Там же. Д. 4001. Л. 324.
151. Там же. Л.323.
152. Там же. Л.323–324.
153. Там же. Д. 3920. Л. 17.
154. Деятельность благотворительных обществ//Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 280.
155. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 75–76.
156. Там же. Д. 4001. Л. 322.
157. Устав Попечительного общества о доме трудолюбия в г. Зарайске // РГИА. Ф. 1287. Оп. 19. Д. 2014. Л. 13–23.
158. Представление рязанского губернатора от 20 мая 1897 г. о способах и мерах по прекращению нищенства // Там же. Л. 2.
159. Устав Попечительного общества о доме трудолюбия в г. Зарайске // Там же. Л. 13–14.
160. Там же. 14 об.–15 об.
161. Ремесленные отделения и классы при благотворительных отделениях и обществах. С. 46.
162. Там же.
163. Там же. С. 50.
164. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3932. Л. 6.
165. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 278.
166. Там же. С. 278–279.
167. Там же. С. 279.

168. Устав Общества «Работные Ясли» в г. Рязани. Рязань, 1911. С. 1.
169. Ремесленные отделения и классы при благотворительных отделениях и обществах. С. 45.
170. Там же. С. 46.
171. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 264–265.
172. Там же. С. 266.
173. Там же. С. 266–267.
174. Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Рязанского общества исправительных приютов и колоний с 26 ноября 1895 г. по 1 мая 1897 г. Рязань, 1897. С. 1.
175. Там же. С.15.
176. Там же. С. 3–4.
177. Там же. С. 14.
178. Там же. С. 9.
179. Устав Рязанского общества исправительных приютов и колоний Рязань, 1894. С. 3.
180. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3698. Л. 31–32.
181. Устав Рязанского исправительного приюта. Рязань, 1898. С. 1.
182. Там же. С.6–7.
183. Отчет о деятельности Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних, состоящего под Высочайшим покровительством Государя Императора, за 1903 г. Рязань, 1904. С. 5.
184. Отчет о деятельности Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних, состоящего под Высочайшим покровительством Государя Императора, за 1900 г. Рязань, 1901. С. 3.
185. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 40–41.
186. Отчет о деятельности Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних... за 1900 г. С. 18.
187. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3910. Л. 40–41.

188. Рязанская жизнь. 1912. № 273. 27 ноября. С. 3.
189. Там же. 1913. № 60. 14 марта. С. 4.
190. Там же. 1912. № 287. 13 декабря. С. 2.
191. Там же. 1913. № 47. 27 февраля. С. 3.
192. Там же. 1913. № 60. 14 марта. С. 4.
193. Максимов Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. Спб., 1903. С. 58.
194. Рязанский листок. 1895. № 37. С. 3.
195. Рязанский справочный листок. 1893. № 56. С. 1–2; № 60. С. 1.
196. См., напр.: Муромцова Е. Н. Ходатайство о пособии общине сестер милосердия Красного Креста // Очередное XXX Сапожковское уездное земское собрание 8–12 октября 1894 г. Сапожок, 1895. С.321–329; Письмо председательницы общины Красного Креста г-жи Муромцовой // Журналы соединенного заседания Михайловского уездного земского собрания 7, 8 сентября–13 октября 1894 г. Скопин, 1895. С. 133.
197. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 260–261.
198. Журнал общего собрания членов и отчет о деятельности Комитета Общества Красного Креста по Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1897 г. Рязань, 1898. С. 3–5.
199. Рязанский справочный листок. 1891. № 23. С. 3–4; № 26. С. 1–2.
200. Рязанский листок. 1895. № 37. С. 3.
201. Журнал общего собрания членов и Отчет о деятельности Комитета Общества Красного Креста ... за 1897 г. С. 10.
202. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста по состоящей под Высочайшим покровительством ее Императорского Высочества великой княгини Ксении Александровны Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1911 г. Рязань, 1912. С. 5–6.
203. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста по состоящей под Высочайшим покровительством ее Императорского Высочества

- великой княгини Ксении Александровны Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1913 г. Рязань, 1914. С. 6.
204. Там же. С. 10.
205. Журнал общего собрания членов и Отчет о деятельности Комитета Общества Красного Креста... за 1897 г. С. 19–20.
206. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста... за 1911 г. С. 4–5.
207. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста... за 1913 г. С. 4–6.
208. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3752. Л. 1–3, 5.
209. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. С. 264.
210. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3896. Л. 3.
211. Там же. Л. 15–15 об.
212. Там же. Л. 18–20, 44, 96.
213. Там же. Л. 156, 163; Рязанский вестник. 1905. № 1. С. 2.
214. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3896. Л. 162.
215. Рязанский вестник. 1905. № 9. С. 2.
216. Там же. 1905. № 1. С. 2.
217. Там же. 1905. № 52. С. 2.
218. Там же. 1905. № 53. С. 2.
219. Там же.
220. Отчет Благотворительного общества рязанцев в Санкт-Петербурге (1905–1909 гг.) СПб, 1910. С. 6.
221. Там же.
222. Там же. С. 7–8.
223. Там же. С. 9.
224. Там же. С. 14.
225. Там же. С. 29.
226. Там же. С. 12.

227. Отчет Дамского благотворительного кружка по снабжению бедных г. Рязани платьем, чаем, сахаром и деньгами к Празднику Святой Пасхи 18 марта 1896 г. Рязань, 1896. С. 2.

228. Там же. С. 1.

229. Устав Рязанского общества взаимопомощи женщин. Рязань, 1914. С. 1.

230. ГАРО. Ф. 4. Оп. 874. Д. 7. Л. 6.

231. Там же. Л. 4.

232. Там же. Л. 8–9.

233. Устав Рязанского общества взаимопомощи женщин. С. 2.

2.2. Общества профессиональной взаимопомощи и добровольные объединения по защите населения губернии при чрезвычайных ситуациях

1. Чарнолуцкий В. И. Справочная книжка об обществах и союзах. СПб., 1913. С. 92–93.

2. Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России: учебн. пособие. М., 1979. С. 62.

3. О бюджете народного учителя // Вестник Рязанского Губернского земства. 1912. № 8. С. 34–39.

4. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования (1882–1912 год). Рязань, 1915. С. 169.

5. Устав Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии. Рязань, 1882. С. 1.

6. Там же. С. 3.

7. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования. С. 169.

8. Там же. С. 174.

9. Там же. С. 175.

10. Там же. С. 180.

11. Там же. С. 181.

12. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3932. Л. 32.

13. Там же. Д. 3698. Л. 40.
14. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования. С. 171.
15. Там же. С. 183–184.
16. Там же. С. 183.
17. Вестник Рязанского Губернского земства. 1915. № 9. С. 23–33.
18. Там же. 1914. № 4. С. 82–84.
19. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 289.
20. Рязанский вестник. 1914. № 46. С. 3.
21. Вестник Рязанского Губернского земства. 1914. № 1. С. 104–106.
22. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования. С. 187.
23. Рязанский вестник. 1906. № 252. С. 3.
24. Вестник Рязанского Губернского земства. 1913. № 4. С. 85.
25. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования. С. 185.
26. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л. 300.
27. Обзор деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования. С. 171.
28. Гудван А. М. Очерки по истории движения служащих в России. Ч. 1. М., 1925. С. 70.
29. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3698. Л. 45.
30. Рязанский вестник. 1905. № 71. С. 2.
31. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3920. Л. 9.
32. Там же. Д. 3698. Л. 45.
33. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1903 г. (год девятый). Рязань, 1904. С. 38.
34. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1906 г. (год двенадцатый). Рязань, 1907. С. 18.
35. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3698. Л. 45.

36. Там же. Д. 3920. Л. 9.
37. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1906 г. С. 15–16.
38. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3698. Л. 45.
39. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1903 г. С. 39.
40. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1906 г. С. 19.
41. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3932. Л. 15.
42. Там же.
43. Там же. Д. 3698. Л. 45.
44. Там же. Д. 3920. Л. 9.
45. Там же. Д. 3932. Л. 15.
46. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1906 г. С. 13.
47. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3920. Л. 9.
48. Там же. С. 15.
49. Отчет общества торговых служащих с 11 октября 1909 г. по 1 января 1911 г. Рязань, 1911. С. 3.
50. Там же. С. 5.
51. Рязанская жизнь. 1912. № 1. 1 января. С. 4.
52. Отчет общества торговых служащих с 11 октября 1909 г. по 1 января 1911 г. С. 49.
53. Там же. С. 50–51.
54. Рязанская жизнь. 1912. № 1. 1 января. С. 4.
55. Там же. 1913. № 26. 31 января. С. 2.
56. Там же. № 75. 2 апреля. С. 3.
57. Там же. 1912. № 1. 1 января. С. 4.
58. Отчет общества торговых служащих с 11 октября 1909 г. по 1 января 1911 г. С. 25.
59. Рязанская жизнь. 1913. № 75. 2 апреля. С. 3.
60. Отчет общества торговых служащих с 11 октября 1909 г. по 1 января 1911 г. С. 24.
61. Рязанская жизнь. 1912. № 1. 1 января. С. 4.

62. Там же. 1913. № 75. 2 апреля. С. 3.
63. Рязанский вестник. 1914. № 67. С. 3.
64. Отчет общества торговых служащих с 11 октября 1909 г. по 1 января 1911 г. С. 24.
65. Рязанская жизнь. 1912. № 11. 14 января. С. 4.
66. ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 6. Св. 7. Л. 47.
67. Там же. Л. 16.
68. Там же. Л. 6–7.
69. Там же.
70. Там же. Л. 40.
71. Там же. Л. 56.
72. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3882. Л. 1.
73. Чарнолуцкий В. И. Справочная книжка об обществах и союзах. СПб., 1913. С. 97.
74. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3850. Л. 1.
75. Там же. Д. 4434. Л. 4 а.
76. Там же. Л. 4 а–4 б.
77. Там же. Л. 4 б–4 в.
78. Рязанская жизнь. 1912. № 1. 1 января. С. 4.
79. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Стол 2. Д. 3836. Л. 72.
80. Там же. Д. 3882. Л. 93.
81. Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 10. Св. 1. Л. 88.
82. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Стол 2. Д. 3836. Л. 72.
83. Там же. Д. 3882. Л. 93.
84. Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 10. Св. 1. Л. 75.
85. Там же. Л. 88.
86. Там же. Д. 1 в. Св. 1 а. Л. 1–2.
87. Там же. Л. 6, 8, 9, 11, 13, 14.
88. Там же. Д. 1 е. Св. 1 а. Л. 2.
89. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Стол 2. Д. 3836. Л. 72.

90. Там же. Д. 3882. Л. 93.
91. Рязанская жизнь. 1912. № 1. 1 января. С. 4.
92. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3882. Л. 93.
93. Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 4. Св. 7. Л. 37; Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3882. Л. 93.
94. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Стол 2. Д. 3836. Л. 76.
95. См., напр.: Там же. Л. 77; Там же. Д. 3882. Л. 93.
96. Там же.
97. См., напр.: ГАРО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1 г. Св. 1 а. Л. 74; Там же. Д. 16. Св. 1. Л. 49.
98. Рязанская жизнь. 1912. № 8. 11 января. С. 1.
99. Там же. 1912. № 36. 14 февраля. С. 2.
100. Деятельность благотворительных обществ // Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Рязань, 1900. С. 271–272.

Глава 3. Деятельность рязанских общественных объединений в области просвещения, искусства и культуры досуга

3.1 Просветительные, научные и здравоохранительные общества Рязанской губернии

1. Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России: учебн. пособие. М., 1979. С. 67.
2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3601. Л. 4–20.
3. Там же. Л. 19.
4. Там же. Л. 19–19 об.
5. Там же. Д. 3854. Л. 22.
6. Там же. Л. 25.
7. Там же. Ф. 5. Оп. 4. Д. 4838. Л. 22.
8. Там же. Л. 42–43.
9. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3282. Л. 1, 4.
10. Там же. Д. 3786. Л. 3–22.
11. Там же. Д. 3569. Л. 1.
12. Там же. Л. 25.
13. Там же. Д. 3500. Л. 9, 15.
14. Там же. Л. 1.
15. Там же. Л. 15.
16. Там же. Д. 3910. Л. 61.
17. Там же.
18. Там же. Л. 62–63.
19. Там же. Ф. 4. Оп. 870. Д. 5. Л. 18.
20. Там же. Л. 10.
21. Там же. Л. 13.
22. Максимов Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. Спб., 1903. С. 117.
23. Отчет о деятельности Рязанского Попечительства о народной трезвости за 1901 г. Рязань, 1903. С. 3.

24. Там же. Л. 5–6.
25. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3994. Л. 197.
26. Рязанский вестник. 1905. № 47. С. 2.
27. Там же.
28. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3994. Л. 195.
29. Отчет Правления Рязанского общества трезвости за 1901 г. (2-й год). Рязань, 1902. С. 1.
30. Там же. С. 8–9.
31. Там же. С. 13.
32. Там же. С. 11.
33. Там же. С. 34.
34. Там же. С. 5.
35. Федоров Т. И. Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования // Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908–1910 гг. Рязань, 1912. С. 84.
36. Нейдинг И. Медицинские общества в России. М., 1897. С. 37.
37. Федоров Т. И. Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования. С. 85.
38. Там же. С. 86.
39. Там же. С. 90–91.
40. Там же. С. 87–89.
41. ГАРО. Ф. 5. Стол 4. Оп. 5. Д. 2225. Л. 24.
42. Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1891–1893 гг. Рязань, 1893. С. 17.
43. Там же. С. 93–94.
44. ГАРО. Ф. 5. Стол 4. Оп. 5. Д. 2225. Л. 6–7.
45. Федоров Т. И. Обзор деятельности Общества рязанских врачей за время его существования. С. 91–92.
46. Там же. С. 91.

47. Протоколы и труды Рязанского Медицинского общества за 1908–1910 гг. Рязань, 1912. С. 10.
48. Рязанская жизнь. 1913. № 28. 2 февраля. С. 2.
49. Там же. 1912. № 3. 4 января. С. 3.
50. ГАРО. Ф. 4. Оп. 869. Д. 5. Л.1.
51. Рязанская жизнь. 1912. № 3. 4 января. С. 3.
52. ГАРО. Ф. 4. Оп. 873. Д. 17. Л. 2.
53. Там же. Л. 5.
54. Там же. Л. 5–8.
55. Там же. Л. 18.
56. Там же. Л. 27.
57. Там же. Л. 42.
58. См.: Попов И. П. Создание Рязанской ученой архивной комиссии // Два века рязанской истории. Рязань, 1991. С. 84–87; Синельникова Т. П. Деятельность Рязанской губернской архивной комиссии по созданию исторического архива // Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во второй половине XIX века. Рязань, 1988. С.89–94; Сафронова Е. В. Личность С. Д. Яхонтова по его воспоминаниям // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1999. Вып. 3. С. 197–208; Севастьянова А. А. С. Д. Яхонтов и археография в Рязани // Первые Яхонтовские чтения. Материалы науч.–практ. конференции, Рязань, 21–22 декабря 2000 г. Рязань, 2001. С. 4–8; Толстов В. А. Рязанская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003; Тянь О. С. Рязанская ученая архивная комиссия: к 115-летию со дня основания // Календарь знаменательных и памятных дат по Рязанской области на 1999 год. Рязань, 1998; Чекурин Л. В. А. И. Черепнин руководитель Рязанской ученой архивной комиссии // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX – начале XX в. Рязань, 1981. С. 101–119 и др.
59. Иконников В. С. Губернские ученые архивные комиссии (1884–1890). Киев, 1892. С. 1.

60. Селиванов А. В. Об основании и первых шагах деятельности Рязанской ученой архивной комиссии // Двадцатипятилетие Рязанской ученой архивной комиссии (1884–1909 гг.). Рязань, 1911. С. 1.
61. Там же. С. 2–3.
62. Там же. С. 6–7.
63. Проходцов И. О деятельности Рязанской ученой архивной комиссии в первое двадцатипятилетие (1884–1909 г.) // Двадцатипятилетие Рязанской ученой архивной комиссии (1884–1909 гг.). Рязань, 1911. С. 1.
64. Селиванов А. В. Об основании и первых шагах деятельности Рязанской ученой архивной комиссии. С. 16.
65. Проходцов И. О деятельности Рязанской Ученой Архивной Комиссии в первое двадцатипятилетие. С. 3.
66. Там же. С. 6–7.
67. Иконников В. С. Губернские ученые архивные комиссии (1884–1890). С. 16.
68. Речь Председателя Комиссии С. Д. Яхонтова в юбилейном заседании 29 декабря 1909 г. В зале Рязанского Благородного собрания // Двадцатипятилетие Рязанской ученой архивной комиссии (1884–1909гг.). Рязань. 1911. С. 9.
69. Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991. С. 25.
70. Проходцов И. О деятельности Рязанской ученой архивной комиссии в первое двадцатипятилетие. С. 24.
71. Селиванов А. В. Об основании и первых шагах деятельности Рязанской ученой архивной комиссии. С. 3.
72. Рязанская жизнь. 1914. №15. 19 января. С. 3.
73. Устав Рязанского Общественно-педагогического кружка. Рязань, 1914. С. 3.
74. Там же. С.3–4.
75. Годовой отчет Совета Рязанского Общественно-педагогического кружка за 1914 г. Рязань, 1915. С. 87–88.
76. Там же. С. 3.

77. Там же. С. 2–3, 11–12.
78. Довженко И. Т. Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 207.
79. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXIV (Рязанская губерния). Спб., 1903. С. 32–37, 71–74, 113–118.
80. Гибнер Н. П. Система кооперации // Кооперация. Страницы истории. В 3 т. М., 2011. Т. 1 (Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков), Кн. 3 (1870-е гг. – начало XX века. Развитие кооперативной мысли и кооперативного движения в России), Ч. 2 (Потребительная, производительная и кредитная кооперация в конце XIX – начале XX века). С. 233.
81. Общества сельского хозяйства и распространение их в Рязанской губернии // Вестник Рязанского Губернского земства. 1917. № 1. С. 43.
82. Там же. С. 44.
83. Следует учесть, что цифры по Рязанскому району включают также отделы центральных и губернских обществ, действовавших на территории всего Рязанского края.
84. Общества сельского хозяйства и распространение их в Рязанской губернии // Вестник Рязанского Губернского земства. 1917. № 1. С. 44–45.
85. Там же. С. 47.
86. Там же. С. 48.
87. Там же. С. 49–50.
88. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4001. Л.375.
89. Там же. Л. 375–376.
90. Там же. Л. 377–380.
91. Там же. Л. 374.
92. Там же. Л. 373.

93. Обзор двадцатипятилетней деятельности Рязанского Отдела Всероссийского Общества сельскохозяйственного птицеводства и мелкого животноводства. Рязань, 1916. С. 16.
94. Там же. С. 5.
95. Там же. С. 26.
96. Там же. С. 6–7.
97. Рязанская жизнь. 1912. № 2. 3 января. С. 3.
98. Там же.
99. Вестник Рязанского Губернского земства. 1913. № 9. С. 112–113.
100. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4047. Л. 2.
101. Там же.
102. Вестник Рязанского Губернского земства. 1913. № 12. С. 77–78.
103. Устав Рязанского Губернского Общества пчеловодства в г. Рязани. Рязань, 1916.
104. Отчет о деятельности Рязанского общества поощрения рысистого коннозаводства за 1903–1904 гг. Рязань, 1904. С. 35–37 // ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3931. Л. 41.
105. Там же. С. 22–31.
106. Там же. С. 3–5.
107. Рязанская жизнь. 1911. № 26. 31 декабря. С. 3.
108. Там же.
109. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Стол 2. Д. 3928. Л. 22.
110. Там же.
111. Там же. Д. 3932. Л. 26.
112. Устав Рязанского общества любителей рыболовства, Рязань, 1909. С. 3.
113. Рязанская жизнь. 1912. № 2. 3 января. С. 3.

3.2. Добровольные объединения жителей Рязанской губернии в сфере искусства, культуры и досуга

1. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3882. Л. 78. С. 1.
2. Там же.

3. Там же. Л. 79.
4. Там же. Ф. 4. Оп. 872. Д. 4. Л. 2, 7.
5. Там же. Л. 18–19.
6. Там же. Ф. 5. Стол 3. Оп. 4. Д. 4838. Л. 24.
7. Рязанская жизнь. 1912. № 102. 2 мая. С. 3.
8. ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 20. Л. 3.
9. Мордвинов В. И. Музыка в Рязани в 1908–1914 годах. Рязань, 2003.
10. ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 20. Л. 5.
11. Мордвинов В. И. Музыка в Рязани в 190–1914 годах. С. 24.
12. Там же. С. 25–27.
13. Там же. С. 28–35.
14. Там же. С. 36–39.
15. ГАРО. Ф. 4. Оп. 870. Д. 3. Л. 24.
16. Рязанская жизнь. 1912. № 244. 23 октября. С. 4.
17. Там же. 1913. № 21. 25 января. С. 3.
18. Там же. 1912. № 114. 18 мая. С. 4.
19. Там же. 1912. № 46. 25 февраля. С. 4.
20. Там же. 1913. № 21. 25 января. С. 3.
21. Там же.
22. Там же. 1914. № 10. 14 января. С. 3.
23. Там же. 1913. № 53. 6 марта. С. 3.
24. Там же. 1914. № 10. 14 января. С. 3.
25. Там же. 1912. № 48. 28 февраля. С. 3.
26. ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 13. Л. 4.
27. Там же. Л. 25.
28. Там же. Л. 25 об.
29. Рязанская жизнь. 1914. № 17. 22 января. С. 3–4.
30. Там же.
31. ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 13. Л. 39–40.
32. Рязанская жизнь. 1914. № 17. 22 января. С. 3–4.

33. ГАРО. Ф. 4. Оп. 872. Д. 6. Л. 7.
34. Там же. Л. 9–12.
35. Там же. Л. 4.
36. Там же. Ф. 4. Оп. 873. Д. 4. Л. 10, 10 а.
37. Там же. Л. 15.
38. Там же. Л. 23.
39. Там же. Л. 26.
40. Там же. Л. 28–35.
41. Там же. Оп. 875. Св.6. Д.10. Л. 1.
42. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3379. Л. 5.
43. Там же. Л. 20.
44. Там же. Д. 4055. Л. 4–13.
45. Там же. Ф. 4. Оп. 873. Д. 8. Л. 27.
46. Там же. Л. 50.
47. Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3966. Л. 14–18.
48. Там же. Л. 50.
49. Там же. Д. 3652. Л. 1–26.
50. Там же. Д. 3966. Л. 52.
51. Там же. Л. 54–55.
52. Там же. Д. 4055. Л. 27.
53. Там же. Л. 25-26.
54. Там же. Л. 26.
55. Рязанский листок. 1898. № 58. С. 3.
56. Устав Рязанского общества устройства народных развлечений. Рязань, 1898. С. 1.
57. Там же. С. 2.
58. Рязанский листок. 1899. № 73. С. 3.
59. Там же. 1898. № 58. С. 3.
60. Там же. 1899. № 73. С. 3.
61. Там же. 1898. № 58. С. 3.

62. Отчет Рязанского Общества устройства народных развлечений за время с 1-го января 1899 г. по 25 февраля 1900 г. Рязань, 1900. С. 32–35.
63. Рязанский листок. 1899. № 75. С. 3.
64. Отчет Рязанского Общества устройства народных развлечений за время с 1-го января 1899 г. по 25 февраля 1900 г. С. 36, 41.
65. Там же. С. 40.
66. Отчет Рязанского Общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 г. по 25 февраля 1901 г. Рязань, 1901. С. 9.
67. Там же. С. 8.
68. Там же. С. 9.
69. Там же. С. 12–13.
70. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3358. Л. 2.
71. Отчет Рязанского Общества устройства народных развлечений за время с 1-го января 1899 г. по 25 февраля 1900 г. С. 41.
72. Там же.
73. Отчет Рязанского Общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 г. по 25 февраля 1901 г. С. 18.
74. Там же. С. 27.
75. Отчет Рязанского Общества устройства народных развлечений за время с 1-го января 1899 г. по 25 февраля 1900 г. С. 46.
76. Отчет Рязанского Общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 г. по 25 февраля 1901 г. С. 22.
77. Там же.
78. Денежный отчет Рязанского общества народных развлечений с 25 февраля 1900 г. по 25 февраля 1901 г. Рязань, 1901. С. 36–39.
79. Устав Рязанского кружка устройства общедоступных развлечений. Рязань, 1907. С. 3.
80. ГАРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 2541. Л. 2.
81. Рязанская Комиссия по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани в 1907–1910 гг. Рязань, 1911. С. 3.

82. Там же. С. 4–5.
83. Отчет о деятельности детских площадок Рязанской Комиссии по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани за лето 1911 года // Рязанская Комиссия по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани. Рязань, 1912. С. 6.
84. Там же. С. 8.
85. Работы детей // Там же. С. 33–35.
86. Рязанская Комиссия по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани в 1907–1910 гг. С. 5.
87. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3158. Л. 25.
88. Там же. Л. 42.
89. Там же.
90. Там же. Д. 3379. Л. 20.
91. Рязанская жизнь. 1912. № 220. 25 сентября. С. 2.
92. Там же. № 187. 11 августа. С. 2.
93. Там же. № 226. 2 октября. С. 2.
94. Там же. 1913. № 25. 30 января. С. 2.
95. Там же. 1912. № 224. 29 сентября. С. 2.
96. Чарнолуский В. И. Частная инициатива в деле народного образования. Спб., 1910. С. 123.
97. ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4060. Л. 22.
98. Там же. Оп. 5. Д. 2637. Л. 1.

Источники и литература

I. Архивные документы

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).

1. Фонд 102 (Департамент полиции).

3 Д-во. Д. 26 ч. 54, Д. 74.10, Д. 1 ч.61. Л. Б; 4 Д-во. Д. 239.

ГАРО (Государственный архив Рязанской области).

2. Фонд 4 (Рязанское губернское правление. Канцелярия присутствия)

Оп. 868. Д. 1.

Оп. 869. Д. 4, Д. 5.

Оп. 870. Д. 3, Д. 5, Д. 8.

Оп. 871. Д. 4, Д. 5, Д. 9.

Оп. 872. Д. 4, Д. 6, Д. 12, Д. 13, Д. 14, Д. 20.

Оп. 873. Д. 4, Д. 5, Д. 8, Д. 17.

Оп. 874. Д. 7.

Оп. 875. Д. 10.

3. Фонд 5 (Канцелярия рязанского губернатора)

Оп. 1. Д. 4002, Д. 3930.

Оп. 2. Д. 2229, Д. 2540.

Оп. 3. Д. 3156, Д. 3158, Д. 3282, Д. 3379, Д. 3400, Д. 3404, Д. 3500, Д. 3569, Д. 3601, Д. 3652, Д. 3653, Д. 3658, Д. 3698, Д. 3752, Д. 3786, Д. 3793, Д. 3836, Д. 3850, Д. 3854, Д. 3868, Д. 3882, Д. 3896, Д. 3910, Д. 3920, Д. 3926, Д. 3928, Д. 3931, Д. 3932, Д. 3962, Д. 3964, Д. 3965, Д. 3966, Д. 3994, Д. 4001, Д. 4008, Д. 4047, Д. 4054, Д. 4055, Д. 4060, Д. 4434.

Оп. 4. Д. 2896, Д. 3220, Д. 3345, Д. 3358, Д. 3987, Д. 4497, Д. 4498, Д. 4780, Д. 4838, Д. 4909, Д. 5109, Д. 5302, Д. 5584.

Оп. 5. Д. 2225, Д. 2433, Д. 2518, Д. 2541, Д. 2637.

4. Фонд 236 (Рязанское Вольное пожарное общество). Оп. 1. Д. 1, Д. 1 в, Д. 1 г, Д. 1 е, Д. 4, Д. 6, Д. 10, Д. 16.

5. Фонд 1292 (Рязанское губернское жандармское управление)

Оп.1. Д. 240, Д. 272, Д. 462, Д. 559, Д. 568, Д. 575, Д. 708, Д. 760.

Оп. 2. Д. 11, Д. 12, Д. 26, Д. 42, Д. 71.

РГИА (Российский государственный исторический архив)

6. Ф. 1276 (Совет министров)

Оп. 1. Д. 79; Оп. 17. Д. 1 а.

7. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 19. Д. 2014.

8. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 542. Д. 1123.

II. Периодическая печать

9. Вестник Европы. 1905. № 10; 1913. № 5; 1916. № 2.

10. Вестник Рязанского губернского земства. 1912. № 7, № 8; 1913. № 2, № 4, № 9, № 12; 1914. № 1, № 3, № 4; 1915. № 9; 1917. № 1.

11. Образование. 1898. № 9.

12. Рязанская жизнь.

1911. № 26; 1912. № 1, № 2, № 3, № 8, № 11, № 36, № 46, № 48, № 102, № 110, № 114, № 187, № 220, № 224, № 244, № 264, № 273, № 287; 1913. № 9, № 21, № 25, № 26, № 27, № 28, № 47, № 53, № 60, № 64, № 75; 1914. № 10, № 15, № 17.

13. Рязанский вестник. 1905. № 1, № 9, № 47, № 71, № 164; 1906. № 9, № 191, № 192, № 252; 1914. № 46, № 67.

14. Рязанский листок. 1895. № 37; 1898. № 58; 1899. № 73; № 75.

15. Рязанский справочный листок. 1891. № 23, № 26; 1893. № 56, № 60, № 96.

III. Законодательные и нормативные документы

16. Закон 4 марта о союзах и обществах с последующими к нему разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел. Спб., 1906.

17. Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденной редакционной комиссии. Т. 4. Кн. 5. Спб., 1899.

18. ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи), с 1649 г. Т. XXI (с 1781 по 1783 г.) От № 15106 до 15901. Спб., 1830. С. 461–488. № 15379 (Устав благочиния, или Полицейский).

19. ПСЗРИ. Собрание 3, Т. 21, 1901, отд.1. (от № 19505–280931 и Дополнения). Спб., 1903. С. 45–46. Ст. 19619.

20. ПСЗРИ. Собрание 3, Т. 26, 1906, отд. 1. (от № 27173–28753 и Дополнения). Спб., 1909. С. 201–207. Ст. 27479.
 21. Устав Общества «Работные Ясли» в г. Рязани. Рязань, 1911. 12 с.
 22. Устав общества вспомоществования недостаточным ученицам Пронской женской прогимназии им. В. Н. Фон-Дервиз, учрежденной П. П. Фон-Дервизом. Рязань, 1908. 28 с.
 23. Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище. Касимов, 1898. 31 с.
 24. Устав Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии. Рязань, 1882. 11 с.
 25. Устав Рязанского Губернского Общества пчеловодства в г. Рязани. Рязань, 1916. 14 с.
 26. Устав Рязанского исправительного приюта. Рязань, 1898. 12 с.
 27. Устав Рязанского кружка устройства общедоступных развлечений. Рязань, 1907. 16 с.
 28. Устав Рязанского общества взаимопомощи женщин. Рязань, 1914. 16 с.
 29. Устав Рязанского общества исправительных приютов и колоний. Рязань, 1894. 15 с.
 30. Устав Рязанского общества любителей рыболовства, Рязань, 1909. 16 с.
 31. Устав Рязанского общества устройства народных развлечений. Рязань, 1898. 15 с.
 32. Устав Рязанского Общественно-педагогического кружка. Рязань, 1914. 10 с.
 33. Устав Рязанского Медицинского общества. Рязань, 1908. 13 с.
- IV. Делопроизводственные материалы и издания общественных организаций**
34. Годовой Отчет Комитета общества попечения о бедных детях г. Рязани за 1910–11 гг. Рязань, 1912. 38 с.
 35. Годовой отчет Совета Рязанского общественно-педагогического кружка за 1914 г. Рязань, 1915. 88 с.
 36. Двадцатипятилетие Рязанской ученой архивной комиссии (1884–1909 гг.). Рязань, 1911. 190 с.

37. Журнал общего собрания членов и Отчет о деятельности Комитета Общества Красного Креста по Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1897 г. Рязань, 1898. 25 с.
38. Журнал общего собрания членов Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии 9 июня 1899 г. и Отчет Центрального Правления того же общества. Рязань, 1899. 28 с.
39. Журнал очередного годовичного собрания членов и отчет о деятельности совета Общества вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии за 1897–1898гг. Рязань, 1898. 40 с.
40. Муромцова Е. Н. Ходатайство о пособии общине сестер милосердия Красного Креста // Очередное XXX Сапожковское уездное земское собрание 8–12 октября 1894 г. Сапожок, 1895. С. 321–329.
41. Обзор двадцатипятилетней деятельности Рязанского Отдела Всероссийского Общества сельскохозяйственного птицеводства и мелкого животноводства. Рязань, 1916. 71 с.
42. Открытие попечительного общества о нищенствующим и бесприютным девочкам г. Рязани. Рязань, 1901. 15 с.
43. Отчет Благотворительного общества г. Рязани, состоящего в ведении Императорского Человеколюбивого общества, за 1897 г. Рязань, 1898. 48 с.
44. Отчет Благотворительного общества рязанцев в Санкт-Петербурге (1905–1909 гг.). СПб, 1910. 29 с.
45. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1903 г. (год девятый). Рязань, 1904. 60 с.
46. Отчет Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани за 1906 г. (год двенадцатый). Рязань, 1907. 66 с.
47. Отчет Дамского благотворительного кружка по снабжению бедных г.Рязани платьем, чаем, сахаром и деньгами к Празднику Святой Пасхи 18 марта 1896 г. Рязань, 1896. 4 с.

48. Отчет о деятельности Благотворительного общества г. Рязани, состоящего в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества, за 1893 г. Рязань, 1894. 37 с.
49. Отчет о деятельности общества для пособия бедным г. Егорьевска за 1899 г. Егорьевск, 1900. 81 с.
50. Отчет о деятельности Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних за 1900 г. Рязань, 1901. 81 с.
51. Отчет о деятельности Рязанского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних, состоящего под Высочайшим покровительством Государя Императора, за 1903 г. Рязань, 1904. 66 с.
52. Отчет о деятельности Рязанского Попечительства о народной трезвости за 1901 г. Рязань, 1903. 57 с.
53. Отчет о деятельности Рязанского Попечительства о народной трезвости за 1909 г. Рязань, 1910. 221 с.
54. Отчет Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам частной мужской гимназии Н. Н. Зелятрова, основанной В. И. Радужкевичем, за время с 1 июля 1911г. по 1 января 1913г. Рязань, 1913. 23 с.
55. Отчет Общества для вспомоществования нуждающимся учащимся в Касимовском техническом училище с 1 декабря 1898 г. по 31 декабря 1899 г. Касимов, 1900. 21 с.
56. Отчет общества торговых служащих с 11 октября 1909 г. по 1 января 1911 г. Рязань, 1911. 53 с.
57. Отчет Попечительного общества о нищенствующих и бесприютных малолетних девочках г. Рязани Ведомства учреждений императрицы Марии за 1909 г. Рязань, 1910. 56 с.
58. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназий за 1905 г. Рязань, 1906. 29 с.
59. Отчет Правления общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанских гимназии и прогимназии за 1896 / 97 учебный год. Рязань, 1898. 31 с.

60. Отчет Правления общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам рязанских гимназии и прогимназии, а ныне первой и второй гимназий, за 1913 г. Рязань, 1915. 42 с.
61. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой за 1910 год. Рязань, 1911. 27 с.
62. Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой за время с 24 октября 1904 г. по 1 января 1906 г. Рязань, 1906. 20 с.
63. Отчет Правления Рязанского общества трезвости за 1901 г. (2-й год). Рязань, 1903. 35 с.
64. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста по состоящей под Высочайшим покровительством ее Императорского Высочества великой княгини Ксении Александровны Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1911 г. Рязань, 1912. 31 с.
65. Отчет Рязанского местного Комитета Общества Красного Креста по состоящей под Высочайшим покровительством ее Императорского Высочества великой княгини Ксении Александровны Рязанской общине сестер милосердия во имя святой великомученицы Екатерины за 1913 г. Рязань, 1914. 35 с.
66. Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений за время с 1 января 1899 г. по 25-е февраля 1900г. Рязань, 1900. 152 с.
67. Отчет Рязанского общества устройства народных развлечений с 25 февраля 1900 по 25 февраля 1901г. Рязань, 1901. 69 с.
68. Отчет Совета Общества вспомоществования беднейшим воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии за 1912 г. Рязань, 1913. 27 с.
69. Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Рязанского общества исправительных приютов и колоний с 26 ноября 1895 г. по 1 мая 1897 г. Рязань, 1897. 48 с.
70. Отчет Центрального правления общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 1913 г. (32-й год существования). Обзор

деятельности Общества для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии за 30 лет его существования (1882–1912 год). Рязань, 1915. 204 с.

71. Письмо председательницы общины Красного Креста г-жи Муромцовой // Журналы соединенного заседания Михайловского уездного земского собрания 7, 8 сентября–13 октября 1894 г. Скопин, 1895. С. 133.

72. Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1891–1893 гг. Рязань, 1893. 71 с.

73. Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1897 г. Рязань, 1898. 47 с.

74. Протоколы и труды Общества рязанских врачей за 1904–1907 г. (с приложением). Рязань, 1908. 170 с.

75. Протоколы и труды Рязанского медицинского общества за 1908–1910 гг. Рязань, 1912. 199 с.

76. Пятидесятилетие Рязанского медицинского общества (1875–1925). Рязань, 1926. 55 с.

77. Рязанская Комиссия по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани в 1907–1910 гг. Рязань, 1911. 16 с.

78. Рязанская Комиссия по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани. Рязань, 1912. 42 с.

79. Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1905. № 3. 332 с.

V. Мемуарная литература

80. Виталь А. А. Егорьевский городской голова Н.М. Бардыгин. М., 1992. (репринт)

81. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания (1881–1914). М.: Искусство, 1996. 396 с.

82. Левашов А. Н. Записки земца (1867–1871 гг.). Рязань, 1901. 72 с.

83. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) / Сост. и авт. вст. ст. М. Г. Вандалковская. Т. 1–2. М.: Современник, 1990. 446 с.

84. Мордвинов В. И. Музыка в Рязани (1908–1914). Рязань: Издательство «Поверенный», 2003. 56 с.

85. Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло. В 2 т. (1870–1917). М.: Новый хронограф, 2009. Т. 1. 678 с.

VI. Справочные и статистические материалы

86. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии / Сост. И. В. Добролюбов, доп. С. Д. Яхонтов. Репринтное издание. Рязань: Изд-во Ряз. Гос. Пед. Ун-та. 1995. 352 с.

87. Ильинский К. Частные общества. Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената. Рига: Тип. Латвия, 1913. 651 с.

88. История Рязанской власти. Руководители Рязанского края, 1778–2008 / П. В. Акульшин, Л. В. Димперан, А. Н. Мельник, Е. Н. Поздняк, Н. В. Пономаренко, Т. П. Синельникова, В. В. Чеклуев; под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Ряз. обл. тип., 2008. 520 с.

89. Календарь Рязанской губернии на 1886 г. / Под ред. А. В. Селиванова. Рязань, 1886. 309 с.

90. Календарь Рязанской губернии на 1905 г. / Сост. И. И. Проходцов. Рязань, 1905. 485 с.

91. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты. 1958. Т. 3. 413 с.

92. Низшее ремесленное образование в Рязанской губернии / Изд. Рязанской губернской земской управы. Вып. I, Рязань, 1913. 100 с.

93. Обзор Рязанской губернии за 1882 г. Рязань, 1883. 57 с.

94. Обзор Рязанской губернии за 1897 г. Рязань, 1898. 57 с.

95. Обзор Рязанской губернии за 1908 г. Рязань, 1909. 257 с.

96. Обзор Рязанской губернии за 1910 г. Рязань, 1911. 200 с.

97. Обзор Рязанской губернии за 1912 г. Рязань, 1914. 207 с.

98. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н. А. Тройницкого. XXXV (Рязанская губерния). 1903. 259 с.
99. Первое губернское кооперативное совещание при Рязанской губернской земской управе: Тр. совещ.: журн. и докл. Рязань, 1916. 290 с.
100. Плато К. Г. фон. Положения о частных обществах и союзах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Рига: Тип. Э. Платеса, 1903. 286 с.
101. Рубакин Н. А. Россия в цифрах (Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. Спб.: Издательство «Вестника Знания» В. В. Битнера, 1912. 216 с.
102. Рязанская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Горбунов. Рязань: Поверенный, 2002. 448 с.
103. Рязанская книга. 1848–1917 гг.: сводный каталог-репертуар / Ряз. заоч. ин-т (фил.) Моск. гос. ун-та культуры и искусств; Рос. гос. б-ка. Рязань: Узорочье, 2004. 606 с.
104. Рязанская энциклопедия / Гл. ред. В. Н. Федоткин. Рязань: Александрия, 2002. Т. 3 (дополнительный). 538 с.
105. Рязанская энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. В. Н. Федоткин. Рязань: Пресса, 2000. Т. 2.
106. Рязанская энциклопедия: справочный материал. В 16 т. / Товарищество «Рязанская энциклопедия»; Отв. ред. В. Н. Федоткин, Рязань, 1992–1994. Т. IV, V, XIV, XVI.
107. Рязанский адрес-календарь 1911 г. Рязань, 1911. 895 с.
108. Рязанский адрес-календарь 1912 г. Рязань, 1912. 881 с.
109. Рязанский альманах / Под ред. П. М. Янчунова. Рязань, 1891. 52 с.
110. Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Рязань, 1900. 469 с.
111. Список абонентов Рязанской телефонной сети 1913 г. Тамбов, 1913. 80 с.

112. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXIV (Рязанская губерния). Спб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1903. 665 с.

113. Чарнолуцкий В. И. Справочная книжка об обществах и союзах. Спб.: Знание, 1912. 158 с.

114. Энциклопедический словарь. Т. XXI а, Спб., 1897. (репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 42. М.: Терра, 1992).

VII. Научные исследования

1. Монографии, сборники, научные и учебно-методические труды

115. Ананьич Б. В. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., Дякин В. С. Л.: Наука, 1984. 663 с.

116. Андреевский И. Е. Полицейское право. Выпуск 1–2. Спб., 1870. 336 с.

117. Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М., 1916. С. 15–45.

118. Балдин К. Е. Зарождение гражданского общества в российской провинции: общественные неполитические организации в г. Иваново-Вознесенске в конце XIX – начале XX вв. Иваново: Изд-во Ивановский гос. университет, 2014.

119. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. Спб., 1905. 368 с.

120. Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896. 380 с.

121. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. В 4 Т. Спб., 1909–1911.

122. Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: сборник научных статей. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. 177 с.

123. Вопросы теории и истории общественных организаций. М.: Наука, 1971. 258 с.

124. Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность: межвуз. сборник / Отв. Ред. Н. П. Ерошкин. М.: МГИАИ, 1985. 163 с.

125. Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. Спб., 1908. 287 с.

126. Гросул В. Я. Русское общество XIX–XX веков: традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.
127. Гудван А. М. Очерки по истории движения служащих в России. Ч. 1. М.: ЦК ССТС, 1925. 248 с.
128. Данилевский В. Я. Народный дом и его общественно-воспитательное значение. Харьков, 1898. 29 с.
129. Данилевский В. Я. Народный дом, его задачи и общественное значение: Доклад проф. В. Я. Данилевского. Харьков: Работник, 1915. 60 с.
130. Диксон К., Кетриц Б. Санкт-Петербургский комитет грамотности. Исторические очерк и воспоминания (1861–1911). Спб., 1911. 57 с.
131. Елистратов А. И. Очерк административного права. М., 1922. 235 с.
132. Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966. 372 с.
133. Иконников В. С. Губернские ученые архивные комиссии (1884–1890). Киев, 1892. 36 с.
134. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2000 гг. / Под ред. Акулышина П. В., Рязань: Пресса, 2000. 480 с.
135. История профсоюзов СССР (1905–1937). Ч. 1. М.: Профиздат, 1977. 255 с.
136. Казанина Л. Ю. Столыпинские реформы в оценке российского общественного мнения (1906–1911). М.: АПКИППРО, 2012. 379 с.
137. Козляков В. Н. История и культура регионов России: учебное пособие // В. Н. Козляков, А. А. Севастьянова. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2011. 136 с.
138. Кононова Т. Б. Очерки истории благотворительности. Учебное пособие. М.: Издательская компания "Дашков и К", 2006. 340 с.
139. Кооперация. Страницы истории. В 3 т. / Отв. Ред. Н. К. Фигуровская. М.: Наука, 2011. Т. 1 (Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков), Кн. 3 (1870-е гг. – начало XX века. Развитие кооперативной мысли и кооперативного движения в России), Ч. 2

(Потребительная, производительная и кредитная кооперация в конце XIX – начале XX века). 900 с.

140. Кулешов С. В. Модернизация России (XIX—XX вв.): социальные и политические процессы: Учебное пособие / С. В. Кулешов, Ю. П. Свириденко, А. А. Федупин. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2007. 208 с.

141. Кусова И. Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в., Рязань: Март, 1996. 160 с.

142. Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции: (Воронежский край в "эпоху Чернышевского"). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 212 с.

143. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с.

144. Lindenmeyer Adele. Voluntary Associations and The Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990. 64 p.

145. Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1991. 120 с.

146. Максимов Е. Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии ее в России. СПб., 1906. 79 с.

147. Максимов Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. СПб., 1903. 137 с.

148. Мельник А. Н. Из истории противопожарной службы Рязанского края. Сборник документов и статей. Рязань: ИЦИОМП «М-ПРЕСС», 1999. 452 с.

149. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. Спб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.

150. Митрофанов А. Г. Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке: пореформенный период. М.: Молодая гвардия. 2013. 511 с.

151. Михайлова М. В. Просветительные и педагогические организации дореволюционной России. М.: РАО Ин-т ТП и МИО, 1993. 164 с.

152. Нейдинг И. Медицинские общества в России. М., 1897. 83 с.

153. Общественное и частное призрение в России. Спб., 1907. 296 с.
154. Очерки русской культуры XIX века / Под ред. Л. Д. Дергачевой, Л. В. Кошман, Д. В. Сарабьянова, Е. К. Сысоевой и др. В 6 т. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998–2005.
155. Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда / Под ред. Л. В. Кошман, Л. Д. Дергачевой, М. Г. Литавриной, С. В. Мироненко и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 880 с.
156. Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. Власть. Общество. Культура / Под ред. Л. В. Кошман, Л. Д. Дергачевой, М. Г. Литавриной, С. В. Мироненко и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 740 с.
157. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. 268 с.
158. Попов И. П. Два века рязанской истории (XVIII в. — март 1917 г.) / Попов И. П., Степанова Е. С., Тарабрин Е. Г., Фулин Ю. В. Рязань: Рязанское отделение Советского фонда культуры. 1991. 220 с.
159. Попов И. П. Очерки истории культуры Рязанского края (XIV–XX вв.). Рязань: Рязанское отделение российского фонда культуры, 1994. 232 с.
160. Попова А. Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации. М.: Новый хронограф, 2009. 360 с.
161. Прокопович С. Н. Местные люди о нуждах России. Спб.: Изд. Е. Д. Кусковой, 1904. 274 с.
162. Профессиональные учительские организации на Западе и в России: Сборник статей. Петроград, 1915. 295 с.
163. Пузыревский А. И. Императорское русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). Спб., 1909. 48 с.
164. Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон: Оверсайс, 1990. 304 с.
165. Российские либералы: сборник статей / Под ред. Б. С. Итенберга, В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.

166. Розенталь И. С. И вот общественное мнение!: Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – нач. XX в. М.: Новый хронограф, 2007. 400 с.
167. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Под ред. А. С. Тумановой, В. Я. Гросула, А. Е. Иванова, И. С. Розенталя и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 887 с.
168. Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы международной конференции (май 2002 г.) / Отв. ред. Канищев В. В. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 531 с.
169. Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России: учебное пособие. М.: МГИАИ, 1979.: 81 с.
170. Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: учебное пособие по спецкурсу. М.: МГИАИ, 1980. 96 с.
171. Трибунский В. П., Трибунский П. А. Сто лет рязанской охоты. Рязань, 1998. 124 с.
172. Туманова А. С. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. 232 с.
173. Туманова А. С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX вв.: учеб. пособие / А. С. Туманова; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. 163 с.
174. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.
175. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. 327 с.
176. Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 488 с.

177. Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М., 2011. 279 с.
178. Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М.: Мысль, 1976. 239 с.
179. Филиппов Н. Г. Научно-технические общества России (1866–1917 гг.): учебное пособие. М., 1975. 340 с.
180. Хайлова Н. Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М.: Финансовый университет, 2013. 220 с.
181. Чарнолуцкий В. И. Союзы молодежи и общества самообразования. СПб., 1908. 16 с.
182. Чарнолуцкий В. И. Учительские организации в России. М., 1908. 69 с.
183. Чарнолуцкий В. И. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. 195 с.
184. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Издание Гуго Штейниц, 1900. 180 с.
185. Шумилов М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX века. Л.: ЛГПИ, 1988. 87 с.
186. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х–начале 80-х гг. XIX в. М.: Прометей, 1991. 218 с.
187. Щиглик А. И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. М.: Наука, 1977. 253 с.
188. Ямпольская Ц. А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М.: Наука, 1972. 216 с.

2. Статьи в научных сборниках и периодических изданиях

189. Алиева С. И. Модернизация в Азербайджане и на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. М., 2014. № 11. С. 143–150.
190. Андреева Т. А. Общественные организации средних городских слоев Урала (1906–1914) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI–начало XX веков): сборник статей. Челябинск, 1993. С. 36–51.

191. Бадя Л. В. Из истории социального призрения и благотворительности в Московском уезде (XIX–начало XX в.) // СОТИС, 2009, № 3. С. 62–78.
192. Брэдли Дж. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в позднеимперской России (К истории формирования гражданского общества в России XVIII– XX веков) // Вопросы истории, 2011, № 2. С. 326.
193. Булгакова Л. А. Неудавшиеся попытки созыва съездов по общественному призрению в начале XX века // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 195–204.
194. Гончаров М. А. Специфика организации и управления благотворительными педагогическими учреждениями ведомства императрицы Марии // Наука и школа, 2012, № 3. С. 167–172.
195. Гридчин Ю. В. Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. // Проблемы формирования гражданского общества. М., 1993. С. 101–126.
196. Гусарова М. Е. Общественное призрение в России в XVIII – начале XX века: региональный аспект // СОТИС. 2007, № 4. С. 68–71.
197. Довженко И. Т. Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение // Историческая география России. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 207–216.
198. Дьяков В. А. О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества // Проблемы истории общественного движения и историографии. М.: Наука, 1971. С. 275–289.
199. Дундина Н. А. Образование в России и благотворительность (конец XIX – начало XX века) // Отечественный журнал социальной работы. М. 2009, № 2. С. 43–49.
200. Елина О. Ю. Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е годы: вклад в развитие агрономии (К истории формирования гражданского общества в России XVIII–XX веков) // Вопросы истории, 2011, № 2. С. 27–45.
201. Захарова Е. В. Женские учебные заведения в Забайкалье в 1860 – начале 1880-х гг.: источники финансирования // Власть. 2015, № 9. С. 154–158.

202. Захаров В. Ю. Сколько было модернизаций в истории России? // Преподавание истории в школе. 2014. № 9. С. 30–36.
203. Зубков И. В. Общества взаимопомощи учителей в Российской империи (1890–1920-е гг.) (К истории формирования гражданского общества в России XVIII–XX веков) // Вопросы истории, 2011, № 2. С. 45–69.
204. Иванова Н. А. Смоленское "Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим" в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории, 2011, № 11. С. 144–150.
205. Канищева Н. И. Столыпинские реформы в области образования, культуры и науки // Российская история. 2012, № 2. С. 139–146.
206. Кардаильская Д. А. Попечительницы народных училищ в пореформенной России // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 2015, № 1. С. 52–57.
207. Касанов А. С. Документы Госархива Кировской области по истории общественных организаций в Вятско-Камском регионе (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Отечественные архивы. 2012, № 1. С. 61–67.
208. Кочетков А. Н. Русское военно-историческое общество (1907–1914) // Военно-исторический журнал. 1965. № 9. С. 94–99.
209. Литягина А. В. Организация социальной помощи в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2010, № 7. С. 95–102.
210. Литягина А. В. Сословия Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века) // Вопросы истории. 2009, № 11. С. 157–163.
211. Любичанковский С., Владимирцева В. Гражданское общество в русской провинции (Просветительская инициатива в Оренбургской губернии в последние десятилетия империи) // Родина. 2010, № 6. С. 6–10.
212. Малинов А. В. История Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского (1916–1923): К 100-летию со дня основания // СОЦИС. 2016, № 5. С. 141–145.

213. Маханцова Е. В. Деятельность Российского общества Красного Креста во время неурожаев в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX в. // Власть. 2015. № 11. С. 193–197.
214. Маханцова Е. В. Роль земства в сфере детского призрения в Симбирской губернии во второй половине XIX– начале XX в. // Власть, 2014. № 5. С. 137–140.
215. Мартыненко Н. К. Общественные инициативы женского образования как фактор институционализации гражданского общества в России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 1. С. 208–218.
216. Медушевский А. Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011, № 1. С. 3–27.
217. Мельников В. П. Гражданское общество в России в историческом ракурсе // Гражданское общество. М. Гражданское общество: Сборник статей. М.: Луч, 1993. С. 60–67.
218. Мертенс Е. С. Традиции русской благотворительности и их влияние на развитие региональной культурно-образовательной среды (на примере Смоленской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 3. Часть I. С. 96–98.
219. Модернизация в России и Китае в сравнительной перспективе: круглый стол / материал подгот. А. Н. Медушевский // Российская история. 2012, № 3. С. 45–76.
220. Мохначёва М. П. Русское музыкальное общество. История создания и организационное устройство // Актуальные проблемы истории русской культуры: Сб. науч. трудов / АН СССР, Ин-т истории СССР; Отв. ред. А. Н. Копылов. М.: Ин-т истории, 1991. С. 157–178.
221. Петровичева Е. М. Земская общественность в контексте формирования демократической культуры в период думской монархии (на материалах Костромской губернии) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2011, Т. 17, № 3. С. 251–253.

222. Петровичева Е. М. Земская общественность, гражданские ценности и власть в годы первой мировой войны (на материалах Центральной России) // Власть и общество в России XIX–XX веков: провинциальный аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2012. С. 103–107.
223. Пономарева В. В. Программа социализации воспитанниц в женских институтах Мариинского ведомства (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 2013. № 5. С. 12–27.
224. Розенталь И. С. Из истории клубов в России // Преподавание истории и обществознания в школе. М. 2006. № 1. С. 3–11.
225. Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история, 1993. № 1. С. 202–213.
226. Рябцева О. В. К вопросу о субъекте российской провинциальной культуры конца XIX – начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 1. С. 48–50.
227. Сазонова Е. А. Союз взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе // Преподавание истории в школе. 2013, № 1. С. 73–75.
228. Саломатин А. Ю., Туманова А. С. Энигма модернизации (сравнительный взгляд на государственно-политическое развитие США и России в XIX в.) // История государства и права. 2009, № 16. С. 21–25.
229. Сафонов А. А., Туманова А. С. Гражданские свободы в законотворческой деятельности Государственной Думы императорской России // Правоведение. 2006. № 3. С. 4–17.
230. Сафронова Е. В. Личность С. Д. Яхонтова по его воспоминаниям // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1999. Вып. 3. С. 197–208.
229. Севастьянова А. А. С. Д. Яхонтов и археография в Рязани // Первые Яхонтовские чтения. Материалы науч.–практ. конференции, Рязань, 21–22 декабря 2000 г. Рязань, 2001. С. 4–8.
230. Синельникова Т. П. Деятельность Рязанской губернской архивной комиссии по созданию исторического архива // Общественная мысль и классовая борьба в

- центральных губерниях России во второй половине XIX века. Рязань, 1988. С. 89–94.
231. Синельников И. Ю. Деятельность Красного Креста в Рязани в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 151–155.
232. Степанов В. Рязанское общество устройства народных развлечений // Рязанский следопыт. 1994. № 3. С. 53–54.
233. Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208.
234. Степанский А. Д. Проблемы изучения общественных институтов дореволюционной России // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР: сборник статей. М., 1983. С. 18–26.
235. Страхов В. В. Учреждения мелкого кредита в начале XX столетия (по материалам Рязанской губернии) // Вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С. А. Есенина. 2004. № 1 (10). С. 58–68.
236. Суслович Б. Научное и общественное значение Рязанского медицинского общества // Вестник рязанских краеведов. 1925. № 1. С. 28–30.
237. Туманова А. С. Добровольные ассоциации императорской России и их роль в формировании культуры общественной самоорганизации // СОТИС, 2009, № 2. С. 44–56.
238. Туманова А. С. Законотворческий процесс 1905–1907 гг. и закрепление политических свобод // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 1. / Отв. Ред.: Е. Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 726–733.
239. Туманова А. С. Модернизация формы российского государства в начале XX века: дискуссия о правовом содержании и значении конституционной реформы // Российское государствоведение. 2014. № 3. С. 10–19.
240. Туманова А. С. Об одной незавершенной реформе: история осуществления свободы союзов в дореволюционной России // Власть, общество и реформы в

России (XVI – начало XX в.): Мат-лы науч.–теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 312–326.

241. Туманова А. С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века // Отечественная история. М., 2007, № 6. С. 50–63.

242. Туманова А. С. Общественные организации // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред.: Ю. Петров. РОССПЭН, 2014. С. 424–446.

243. Туманова А. С. Опыт деятельности обществ социальной защиты в дореволюционной России в решении социальных проблем населения // СОТИС. 2010, № 3. С. 59–65.

244. Туманова А. С. "Отечество наше должно превратиться в государство правовое": кабинет П. А. Столыпина и разработка закона о свободе союзов // Российская история. 2012, № 2. С. 126–138.

245. Тянь О. С. Рязанская ученая архивная комиссия: к 115-летию со дня основания // Календарь памятных дат и событий по Рязанской области на 1999 год. Рязань, 1998.

246. Ульянова Л. В. Колыбель российского либерализма: тверские либералы глазами политической полиции (1880–1905 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 2008, № 6. С. 53–63.

247. Чекурин Л. В. А. И. Черепнин руководитель Рязанской ученой архивной комиссии // Общественное движение в центральных губерниях России во 2-й половине XIX – начале XX в. Рязань, 1981. С. 101–119.

248. Черных А. И. По пути к гражданскому обществу. Реформы 60-х гг. в России // Проблемы формирования гражданского общества. М., 1993. С. 80–100.

249. Чистяков О. В. Общество Красного Креста во время Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009, № 12. С. 67–69.

250. Шаповалов В. А., Любушкина Е. Ю. Общественные организации в социокультурной жизни Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX –

начале XX в. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014, № 2. С. 138–141.

251. Шелохаев В. В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007, № 5. С. 3–17.

Шелохаев В. В. Столыпинский путь модернизации России // Российская история. 2012, № 2. С. 18–36.

252. Шелохаев В. В. Тип модернизации и тип революции в России // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: материалы III Международной научной конференции (Кострома, 22–23 сентября 2005 г.). В 2 ч. / Отв. ред. А. М. Белов. Кострома: ГОУВПО КГУ имени Н. А. Некрасова, 2005. Ч. 1. 264 с. С. 7–15.

253. Штепа А. В. Современная историография благотворительности и общественного призрения в дореволюционной России // СОТИС. 2009, № 1. С. 22–29.

254. Юргина И. Н. О домах трудолюбия и организации трудовой помощи // Народонаселение. М., 2007, № 1. С. 88–95.

3. Диссертации и авторефераты

255. Акоева Н. Б. Влияние модернизационных процессов на повседневную жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Майкоп, 2012. 41 с.

256. Андриец Г. А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 27 с.

257. Будкина Ю. Б. Кредитная кооперация в Рязанской губернии: 1870 – октябрь 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 2010. 192 с.

258. Валитов А. А. Становление гражданского общества Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Тобольск, 2007. 23 с.

259. Васильева Е. И. Интеллигенция малых городов России как социокультурный феномен: конец XIX – первая треть XX в. (на материалах города Рыбинска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 24 с.

260. Вечтомова Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 24 с.
261. Власова А. В. Социальная деятельность Русской православной церкви на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2011. 42 с.
262. Гусева Т. М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2012. 44 с.
263. Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири: вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 382 с.
264. Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 25 с.
265. Добрынина А. М. Неполитические общественные организации Владимирской губернии в 1860-х – феврале 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000. 268 с.
266. Дьячков С. Л. Благотворительные общественные организации российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков: опыт изучения: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. 278 с.
267. Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2011. 37 с.
268. Капранова Е. Г. Культурно-просветительная деятельность обществ и частных лиц в Нижегородской губернии (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 27 с.
269. Карева А. В. Развитие социокультурной среды губернского города Центральной России в конце XIX – начале XX вв.: провинциальное своеобразие (на материалах Рязани): дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 2007. 254 с.

270. Касанов А. С. Влияние общественных организаций на социально-экономическую и культурную жизнь Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. 25 с.
271. Ковалева М. Г. Учреждения социального призрения России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 24 с.
272. Копинова Н. С. Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв.: формирование и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2013. 23 с.
273. Косихина И. Г. Общественно-культурные организации Курской губернии в 60 -е гг. XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998. 240 с.
274. Костриков С. С. Общественная деятельность московского купечества в XIX веке: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2013. 24 с.
275. Котляр Н. В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 283 с.
276. Лысенко Л. И. Социокультурная деятельность местного самоуправления и независимых общественных объединений в г. Таганроге в конце XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 23 с.
277. Любушкина Е. Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2012. 566 с.
278. Любушкина Е. Ю. Общественные организации Ставропольской губернии и Кубанской области в период с 1860-х гг. по октябрь 1917 г. : автореф. дис.... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 25 с.
279. Масло О. А. Становление и деятельность научных обществ на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв.: 1884–1917: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 25 с.

280. Медведева Н. М. Социально-сословная структура и общественные объединения городов Псковской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2009. 28 с.
281. Морозова И. И. Деятельность государственных и общественных организаций Российской империи по созданию системы социальной и медицинской помощи людям, страдающим заболеваниями органов зрения и слуха: на примере Томской губернии второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 23 с.
282. Огрызкова Г. С. История сельского кооперативного движения в Рязанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тула, 2006. 23 с.
283. Олешкова А. М. Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во второй половине XIX в. – 1917 г. (на материалах Урала): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2012. 30 с.
284. Оспищева Л. Е. История благотворительных организаций Кубани: Конец XIX – начало XX века: Опыт изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000. 28 с.
285. Паликова Т. В. Социальное, экономическое и культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 49 с.
286. Пашенцева С. В. Деятельность женских благотворительных обществ России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 26 с.
287. Рафикова Г. Э. Развитие государственного и общественного призрения детей-сирот в XIX – начале XX в. (по материалам г. Казани): автореф. дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2013. 28 с.
288. Слепцова Е. П. Культурная жизнь русской провинции в конце XIX – начале XX вв. (на примере Орловской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 1997. 24 с.

289. Соболева О. Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX–XX вв. (1890–1914 гг.) (на материалах Костромской и Ярославской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993. 279 с.
290. Степанский А. Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. 36 с.
291. Толстов А. В. Рязанская губернская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 23 с.
292. Туманова А. С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в начале XX века (1900–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996. 265 с.
293. Туманова А. С. Правительственная политика в отношении общественных организаций России. 1905–1917 годы: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Москва, 2003. 45 с.
294. Федулова А. В. Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2006. 22 с.
295. Харитоновна С. В. Библиотеки просветительных обществ российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Поволжья): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2004. 18 с.
296. Хаченьян А. Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 30 с.
297. Чепелева И. Д. Участие научно-краеведческих обществ в общественно-политической жизни России в конце XIX – начале XX веков: На материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1993. 18 с.
298. Четверикова Е. В. Просветительные общества на Юге России в конце XIX–начале XX вв.: На материалах Ставрополя, Дона и Кубани: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. 30 с.

Список неполитических общественных объединений (и их отделений), действовавших на территории Рязанской губернии в конце XIX – начале XX в.

- Благотворительное общество г. Данкова и его уезда (устав утвержден 19 июня 1893 г.; начало работы — 30 августа 1893 г.)
- Благотворительное общество г. Рязани, состоящее в ведении Императорского Человеколюбивого общества (устав утвержден 1864 г.)
- Благотворительное общество рязанцев в Санкт-Петербурге (устав утвержден 28 апреля 1905 г., начало работы — 11 мая 1905 г.)
- Вспомогательное общество приказчиков г. Рязани (устав утвержден 11 апреля 1894 г., 1908 г. — закрыто за антиправительственную деятельность членов)
- Дамский благотворительный кружок в г. Рязани (начало работы — конец XIX в.)
- Данковский музыкально-литературно-художественный кружок (устав утвержден 9 января 1913 г.)
- Егорьевский музыкально-литературно-художественный кружок (устав утвержден 16 апреля 1912 г.)
- Егорьевское гимнастическое общество «Сокол» (начало работы — 1911 г.)
- Егорьевское общество для пособия бедным (устав утвержден 16 июня 1898 г., начало работы — 13 сентября 1898 г.)
- Егорьевское общество охоты (устав утвержден 22 сентября 1904 г., начало работы — 15 декабря 1904 г.)
- Зарайское общество для пособия бедным (устав утвержден 27 марта 1876 г.)
- Касимовское Мусульманское благотворительное общество (устав утвержден 8 октября 1897 г., начало работы — 18 февраля 1898 г.)
- Комиссия по устройству разумных развлечений для детей г. Рязани (начало работы — март-апрель 1907 г.)

- Общественные собрания в Рязани, Ряжске, Спасске, Михайлове, Скопине, Сапожке, Егорьевске, Касимове, Данкове, Зарайске (начало работы — 2-я половина XIX в.)
- Общество врачей Рязанского губернского земства (устав утвержден 11 апреля 1909 г.)
- Общество вспомоществования бедным воспитанницам Рязанской Мариинской женской гимназии (устав утвержден 15 сентября 1878 г., начало работы — 5 ноября 1878 г.)
- Общество вспомоществования бедным учащимся подготовительной школы (для детей обоего пола) и частного мужского учебного заведения второго разряда С. А. Мансуровой в г. Касимове (устав утвержден 13 марта 1908 г.)
- Общество вспомоществования бедным ученикам Касимовской мужской прогимназии (устав утвержден 21 апреля 1875 г.; с 14 октября 1898 г. — новый устав в связи с переименованием в «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Касимовского технического училища»)
- Общество вспомоществования бедным ученицам Касимовской женской гимназии (устав утвержден 12 июня 1881 г.)
- Общество вспомоществования недостаточным воспитанникам Рязанских мужских гимназии и прогимназии, ставших впоследствии 1-й и 2-й гимназиями (устав утвержден 20 августа 1873 г., начало работы— 28 октября 1873 г.)
- Общество вспомоществования недостаточным ученикам Егорьевской прогимназии (устав утвержден 18 мая 1880 г., начало работы — 1 августа 1880 г.)
- Общество вспомоществования недостаточным ученицам Пронской женской прогимназии имени В. Н. Фон-Дервиз (устав утвержден 13 мая 1908 г.)
- Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам Рязанского реального училища Малашкина (устав утвержден 12 декабря 1907 г., начало работы — 16 декабря 1907 г.)

- Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам частной мужской гимназии Н. Н. Зелятрова, основанной В. И. Радушкевичем (устав утвержден 17 ноября 1907 г., начало работы — 23 декабря 1907 г.)
- Общество вспомоществования нуждающимся воспитанницам женской гимназии В. П. Екимецкой (начало работы — 24 октября 1904 г.)
- Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Раненбургской женской прогимназии (устав утвержден 24 августа 1905 г.)
- Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в реальном училище и женской гимназии в г. Скопине (устав утвержден 13 сентября 1882 г.)
- Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в частной женской прогимназии г. Твердой в г. Михайлове (устав утвержден 8 марта 1905 г.)
- Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в школах грамоты г. Егорьевска и его уезда (устав утвержден 15 августа 1898 г., начало работы — 1 января 1899 г.)
- Общество вспомоществования учащимся в низших учебных заведениях г. Рязани (начало работы — 1912 г.)
- Общество вспомоществования школам грамоты Касимовского уезда Рязанской губернии (устав утвержден 28 января 1898 г., начало работы — 29 марта 1898 г.)
- Общество для вспомоществования бедным ученикам Зарайского реального училища (устав утвержден 31 августа 1881 г., начало работы — 1 октября 1881 г.)
- Общество для пособия бедным в г. Скопине и его уезде (устав утвержден 21 апреля 1898 г., начало работы — 30 июля 1898 г.)
- Общество для пособия учащим в народных училищах Рязанской губернии (начало работы — 3 марта 1882 г.) и уездные отделения: Скопинское (начало работы — 2 ноября 1903 г.), Раненбургское (начало работы — 8 ноября 1903 г.), Данковское (начало работы — 20 ноября 1903 г.), Рязанское (начало работы — 21 ноября 1903 г.), Зарайское (начало работы — 22 ноября 1903 г.), Спасское (начало работы — 20 декабря 1903 г.), Ряжское (начало работы — 21 декабря 1903 г.), Сапожковское (начало работы — 30 декабря 1903 г.), Егорьевское

(начало работы — 4 февраля 1904 г.), Касимовское (начало работы — 5 февраля 1904 г.), Михайловское (начало работы — 4 декабря 1904 г.), Пронское (начало работы — 22 декабря 1904 г.)

•Общество для содействия распространению народного образования в г. Скопине и его уезде (начало работы — 8 октября 1894 г.)

•Общество Красного Креста (Местное управление и уездные комитеты в Скопине, Раненбурге, Спаске, Касимове, Егорьевске и Пронске) (устав Центрального общества утвержден 17 апреля 1893 г.)

•Общество любителей драматического и музыкального искусств в г. Касимове (устав утвержден 18 сентября 1900 г.)

•Общество основания средне-учебного заведения для детей обоего пола в селе Спас-Клепиках Рязанской губернии и уезда (устав утвержден 6 ноября 1910 г., начало работы — 13 февраля 1911 г.)

•Общество попечения о бедных детях г. Рязани (устав утвержден 2 июля 1906 г.)

•Общество «Работные Ясли» в г. Рязани (устав утвержден от 6 октября 1910 г.)

•Общество рязанских врачей (устав утвержден 17 октября 1874 г.)

•Общество Рязанского художественно-исторического музея имени профессора И. П. Пожалостина (устав утвержден 30 марта 1913 г.)

•Общество торговых служащих (устав утвержден 21 сентября 1909 г., начало работы — 11 октября 1909 г.)

•Общество «Ясли» в деревнях Рязанского уезда (устав утвержден 30 апреля 1898 г., действовало с 4 июня 1898 г. по 15 августа 1898 г.)

•Песочинское общество трудовой помощи (начало работы — 1907 г.)

•Попечительное общество о доме трудолюбия в Зарайске (устав утвержден 31 января 1899г., начало работы — 10 сентября 1900 г.)

•Попечительное общество о доме трудолюбия для подростков в г. Ряжске (устав утвержден 28 февраля 1898г., начало работы — 4 сентября 1898 г.)

- Попечительское общество о нищенствующим и бесприютным малолетним девочкам г. Рязани (начало работы — 4 ноября 1901 г.)
- Пронское всеобщее общественное собрание (устав утвержден 20 мая 1913 г.)
- Пронское попечительство детских приютов, состоявшее в Ведомстве учреждений императрицы Марии (начало работы — конец XIX в.)
- Раненбургский литературно-художественный кружок (устав утвержден 29 декабря 1911 г., начало работы — 22 января 1912 г.)
- Раненбургское общество попечительства о бедным (устав от 8 апреля 1878 г., открыло действия — 11 октября 1879 г.)
- Рязанский литературно-художественный кружок (устав утвержден 17 июля 1900 г., начало работы — 3 октября 1900 г.)
- Рязанская ученая архивная комиссия (учреждена 13 апреля 1884 г., начало работы — 15 июня 1884 г.)
- Рязанское местное правление Воинского Благотворительного Общества Белого Креста (начало работы — 8 сентября 1899 г.)
- Рязанское отделение Всероссийского Общества Голубого Креста (начало работы Центрального общества — 27 июня 1897 г.)
- Рязанское отделение Российского общества покровительства животным под Высочайшим покровительством императрицы Марии Федоровны (начало работы — 29 мая 1903 г.)
- Рязанский клуб велосипедистов (устав утвержден 31 июля 1890 г.)
- Рязанский кружок устройства общедоступных развлечений (устав утвержден 9 февраля 1907 г.)
- Рязанский литературно-художественный кружок (начало работы — 1908 г.)
- Рязанский общественно-педагогический кружок (устав утвержден 2 декабря 1913 г., начало работы — 18 января 1914 г.)
- Рязанский Отдел Императорского Общества правильной охоты (начало работы — 1898 г.)

- Рязанский Отдел Императорского Русского Театрального общества (начало работы — 26 октября 1915 г.)
- Рязанский шахматный кружок (начало работы — июнь 1914 г.)
- Рязанское Вольное пожарное общество (устав утвержден 5 октября 1897 г., начало работы — 26 апреля 1898 г.)
- Рязанское губернское общество пчеловодства (устав утвержден 19 апреля 1916 г.)
- Рязанское Медицинское общество (устав утвержден 4 июня 1908 г.)
- Рязанское Музыкальное общество (устав утвержден 18 апреля 1912 г.)
- Рязанское общественное сословное собрание (устав утвержден 27 сентября 1905 г., начало работы — 11 декабря 1905 г., 27 декабря 1905 г. — изменение устава)
- Рязанское общественное семейное собрание Троицкой слободы (устав утвержден 25 ноября 1909 г.; с 23 декабря 1913 г. — Рязанское Общественное семейное собрание (новый устав))
- Рязанское общество взаимопомощи женщин (устав утвержден 7 июля 1914 г.)
- Рязанское общество исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних преступников (устав утвержден 30 сентября 1894 г., начало работы — 26 ноября 1895 г.)
- Рязанское общество любителей музыкального и драматического искусств (начало работы 1878 г.)
- Рязанское общество любителей рыболовства (устав утвержден 12 мая 1909 г.)
- Рязанское Общество покровительства бывшим заключенным «Патронат» (начало работы — 14 сентября 1912 г.)
- Рязанское общество поощрения рысистого коннозаводства (конец XIX в.)
- Рязанское общество сельского хозяйства (начало работы — 7 января 1866 г.)
- Рязанское общество трезвости (устав утвержден 18 апреля 1900 г., начало работы — 19 мая 1900 г.)

- Рязанское общество устройства народных развлечений (устав утвержден 20 января 1898 г., начало работы — 14 мая 1898 г.)
- Рязанское окружное правление Императорского Российского Общества спасания на водах (устав Центрального общества утвержден 31 марта 1894 г.)
- Рязанское отделение Императорского общества козоводства (начало работы — 1909 г.)
- Рязанское отделение Императорского общества птицеводства (начало работы — 1897 г.)
- Рязанское отделение Комитета для содействия устройству студенческих общежитий при Императорском Московском университете (устав утвержден 16 октября 1899 г., начало работы — 12 декабря 1899 г.)
- Рязанское Попечительство детских приютов, состоящее в ведомстве учреждений Императрицы Марии (начало работы — конец XIX в.)
- Рязанское Попечительство о народной трезвости: губернский и 12 уездных комитетов (начало работы — январь 1901 г.)
- Рязанское спортивное общество (начало работы — 23 сентября 1912 г.)
- Рязанское фельдшерско-акушерское общество (устав утвержден 16 августа 1913 г., изменен 7 июля 1914 г.)
- Сельскохозяйственные общества Рязанской губернии (к 1914 г. — более 70 обществ)
- Спасское общество вспомоществования нуждающимся учащимся в реальном и городском четырехклассном училищах (начало работы — 20 января 1913 г.)